

Вестник Московского университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в ноябре 1946 г.

Серия 25 **МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ
И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА**

ТОМ 15 • № 1 • 2023 • ЯНВАРЬ–МАРТ

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) РФ

Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-35059 от 23 января 2009 г.

Учредитель: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Главный редактор

Кокочин А.А. — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заместитель президента Российской академии наук, заведующий кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Заместитель главного редактора

Юдин Н.В. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Члены редколлегии

Бабынина Л.О. — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, руководитель Центра политической интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Барсенов А.С. — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Бартнев В.И. — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных организаций и мировых политических процессов факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Белокрепницкий В.Я. — доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока, заместитель председателя ученого совета Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Глазунова Е.Н. — кандидат исторических наук, доцент кафедры региональных проблем мировой политики факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Звягельская И.Д. — доктор исторических наук, профессор, заведующая сектором ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, профессор кафедры востоковедения МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Кузнецов В.А. — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Панов А.Н. — Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой дипломатии МГИМО МИД РФ, главный научный сотрудник Института США и Канады РАН, Москва, Россия

Потёмкина О.Ю. — доктор политических наук, заведующая отделом исследований европейской интеграции Института Европы РАН, Москва, Россия

Прохоренко И.Л. — доктор политических наук, заведующая сектором международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН, Москва, Россия

Рыхтик М.И. — доктор политических наук, директор Института международных отношений и мировой истории ННГУ имени Н.И. Лобачевского, профессор РАН, Нижний Новгород, Россия

Серушин А.А. — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия; профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД РФ, Москва, Россия

Сидоров А.А. — кандидат исторических наук, доцент, декан факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Степанова Е.А. — доктор политических наук, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов ИМЭМО РАН, профессор РАН, Москва, Россия

Фененко А.В. — доктор политических наук, профессор, доцент кафедры международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

Хахалкина Е.В. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новой и новейшей истории и международных отношений факультета исторических и политических наук Томского государственного университета, Томск, Россия

Яковлев А.И. — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Москва, Россия

Редактор

Малеганная Е.А.

Lomonosov World Politics Journal

Vol 15 • No. 1 • WINTER • 2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1

<https://fmp.msu.ru/nauka/vestnik-moskovskogo-universiteta>

Founded in 2009

Founder: LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY

Editor-in-Chief

Andrei A. Kokoshin — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Deputy President of the Russian Academy of Sciences, Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nikolay V. Yudin — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial Board

Lyudmila O. Babynina — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Head of the Center for Political Integration, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr S. Barsenkov — Doctor of Sciences (History), Senior Research Fellow at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vladimir I. Bartenev — PhD (History), Associate Professor at the Chair of International Organizations and World Political Processes, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Vyacheslav Y. Belokrenitsky — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Center for Middle East Studies, Deputy Head of the Academic Council, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Elena N. Glazunova — PhD (History), Associate Professor at the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Irina D. Zvyagelskaya — Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Middle East Research Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences; Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Vasilii A. Kuznetsov — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksandr N. Panov — Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation, Doctor of Sciences (Political Science), Professor, Head of the School of Diplomacy, MGIMO University; Leading Research Fellow, Institute for US and Canadian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Olga Yu. Potemkina — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Department of European Integration Studies, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Irina L. Prokhorenko — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Mikhail I. Rykhtik — Doctor of Sciences (Political Science), Director of the Institute of International Studies and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Professor of the Russian Academy of Sciences, Nizhny Novgorod, Russia

Aleksandr A. Sergunin — Doctor of Sciences (Political Science), Professor at the Chair of International Relations Theory and History, School of International Relations, St. Petersburg State University; Professor at the Chair of World Politics, School of Governance and Politics, MGIMO University, Moscow, Russia

Andrei A. Sidorov — PhD (History), Associate Professor, Dean of the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History, School of History, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ekaterina A. Stepanova — Doctor of Sciences (Political Science), Head of the Group on Peace and Conflict Studies at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Aleksei V. Femenko — Doctor of Sciences (Political Science), Associate Professor at the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Elena V. Khakhalkina — Doctor of Sciences (History), Professor, Associate Professor at the Chair of Modern and Contemporary History and International Relations, School of History and Political Studies, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

Aleksandr I. Yakovlev — Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow at the Center for Arab and Islamic Studies, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editor

Ekaterina A. Malevannaya

«ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. СЕРИЯ XXV. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА»

ISSN 2076-7404

Периодичность — четыре выпуска в год

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК Министерства образования и науки РФ (по научным специальностям: 5.6.7 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки); 5.5.2 — Политические институты, процессы, технологии (политические науки); 5.5.4 — Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки)) и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Цель и тематика

XXV серия «Вестника Московского университета» была учреждена на базе факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова в 2009 г. для содействия профессиональному обмену идеями между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. В последующие 10 лет благодаря непрерывному интенсивному научному диалогу с авторами и рецензентами удалось не только сформировать узнаваемый стиль серии, но и конкретизировать миссию и нишу журнала в системе периодических изданий по проблемам международных отношений. Журнал «Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика» преследует двоякую цель. С одной стороны, он призван стать интеллектуальной площадкой для последовательного, системного представления взглядов российских ученых-международников по широкому кругу проблем современной мировой политики и истории международных отношений. В связи с этим редакция особенно заинтересована в комплексном освещении результатов научной работы ведущих российских исследовательских центров, школ и лабораторий, для чего предусмотрены как специальная рубрика «Тема в фокусе», так и возможность подготовки отдельных тематических выпусков журнала. С другой стороны, журнал приглашает к публикации зарубежных экспертов, специализирующихся на изучении истории и современной роли России в системе международных отношений.

Целевой аудиторией журнала являются ученые-международники, политологи и преподаватели высших учебных заведений, а также студенты и аспиранты профильных вузов.

В журнале публикуются оригинальные научные статьи, экспертные комментарии непосредственных участников мирополитического процесса и рецензии на новейшие исследования в области международных отношений и мировой политики. Тематика журнала представлена следующими ключевыми направлениями: теория международных отношений; международная безопасность; политэкономия международных отношений; мировые интеграционные процессы; проблемы комплексного регионализации; история международных отношений; внешняя политика России и стран СНГ; содействие международному развитию.

Адрес редакции

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, 1-й учеб. корпус гуманитарных факультетов,
факультет мировой политики, к. 601.
Тел. 8 (495) 939-52-71. E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru
Подписано в печать 31.05.2023. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 13,0
Уч.-изд. л. 12,7. Тираж экз. Цена свободная. Изд. № 12380. Заказ № .

Издательство Московского университета

119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 15 (ул. Академика Хохлова, 11)
Тел.: 8 (495) 939-32-91. E-mail: secretary@msupress.com
Отдел реализации: тел.: 8 (495) 939-33-23, e-mail: zakaz@msupress.com
Сайт Издательства МГУ: <http://msupress.com>

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами в ООО «Амирит».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33.
E-mail: zakaz@amirit.ru Сайт: amirit.ru

© Издательство Московского университета.
«Вестник Московского университета», 2023

**LOMONOSOV
WORLD POLITICS JOURNAL**

ISSN 2076-7404

QUARTERLY

**A peer-reviewed scholarly journal on international relations
and world politics**

Aims and Scope

Lomonosov World Politics Journal was established at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University, in 2009. It was aimed at promoting professional and open exchange of views among international relations experts from Lomonosov Moscow State University and other leading Russian centers for IR studies. Through the constant and intensive dialogue with our authors and reviewers during the following 10 years the editorial board has managed not only to develop a unique and recognizable journal identity but also to specify its aims and niche within the system of peer-reviewed journals on international relations. Lomonosov World Politics Journal pursues a two-folded aim. On the one hand, it aims to promote in a systematic and comprehensive manner the views of the Russian IR experts on both the history of international relations and current issues of world politics. To this end the editorial board is primarily focused on highlighting the research findings of the leading Russian think-tanks, research centers and laboratories under the rubric 'Focal Point' or within special thematic issues of the Journal. On the other hand, the Journal welcomes the submissions from foreign scholars specializing in the study of history and contemporary role of Russia in the system of international relations.

The target audience of the Journal includes international researchers, political scientists, teachers, post-graduate students and students of higher education institutions.

The Journal publishes original researches, but also expert commentaries from Russian foreign policy-makers, educational materials as well as review essays and reviews of the latest works in international relations. The Journal covers the following thematic areas: theory of international relations, international security, international political economy, international integration, regional issues of world politics, history of international relations, foreign policy of the Russian Federation and the Post-Soviet states, international development cooperation, and public diplomacy.

Address of the Editorial Board

1/51 Leninskie gory, Moscow, Russia, 119991, School of World Politics

Phone: +7 495 939 52 71

E-mail: vestnik.fmp@fmp.msu.ru

Printing run ... copies. Open price

Publisher

Moscow University Press

119991 Russia, Moscow, Akademika Khokhlova street, 11

E-mail: secretary@msupress.com

Web: <https://msupress.com/>

Printed at

OOO 'Amirit'

88, Chernyshevskogo st., Saratov, Russia, 410004

20 ЛЕТ ФАКУЛЬТЕТУ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7
Приветственное слово президента ФМП Л.Э. Слуцкого	11
Приветственное слово декана ФМП А.А. Сидорова	12
Веселов В.А. Несовершенная биполярность: фактор третьей силы в советско-американских отношениях в ядерной сфере в 1958–1968 гг.	16
Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение	70
Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного	93
Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем	133
Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы .	164
Лебедева Т.Ю., Минаева Л.В. Теория и практика цифровой политической культуры: взгляд французской школы коммуникативистики	188

SCHOOL OF WORLD POLITICS: 20TH ANNIVERSARY

CONTENTS

Editorial Note	7
A Welcome Message from the President of the School of World Politics L.E. Slutskii	11
A Welcome Message from the Dean of the School of World Politics A.A. Sidorov	12
Veselo v V.A. Imperfect Bipolarity: The ‘Third Power’ Factor in Soviet-American Relations in the Nuclear Field (1958–1968)	16
Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. Global and Regional Trends of the Century+ in the Middle East: A New Interpretation	70
Ponomareva A.M. Mnemonic Diplomacy in Russian-Serbian Rela- tions: The Limits of the Possible	93
Barthen v V.I. International Development Cooperation and Political Risks for Transnational Business: Linking Research Topics	133
Sharikov P.A. Evolution of US Public Diplomacy: Domestic Political Determinants, Priorities and New Challenges	164
Lebedeva T.Yu., Minaeva L.V. Theory and Practice of Digital Political Culture: The Views of the French School of Communicati- vistics	188

20 ЛЕТ ФАКУЛЬТЕТУ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается особый выпуск нашего журнала, приуроченный к 20-летию юбилею факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Именно по инициативе руководства ФМП в 2009 г. была учреждена наша, 25-я, серия научного журнала «Вестник Московского университета», которая, отражая специфику факультета, получила название «Международные отношения и мировая политика». С самого начала перед журналом стояла задача способствовать реализации одной из ключевых миссий факультета — выступать площадкой для профессионального диалога между специалистами из МГУ и других отечественных и зарубежных центров международно-политической науки. Данный выпуск может служить прекрасным примером практической реализации этой установки. В журнале собраны статьи неслучайных авторов. Все представленные исследователи тесно связаны с факультетом: одни стояли у его истоков, внося бесценный вклад в его становление и обретение им собственного лица; другие продолжают трудиться в его стенах, одновременно работая в других ведущих российских центрах международных исследований, обеспечивая тем самым живой контакт с ними, постоянный обмен опытом и идеями. Все вместе они образуют коллектив профессионалов, объединенных приверженностью общим ценностям научного поиска и стремлением содействовать появлению нового поколения российских специалистов-международников, выпускников факультета мировой политики.

Одной из визитных карточек ФМП является особое внимание, которое отводится в рамках образовательного процесса изучению истории международных отношений, что имеет целью показать студентам органическую, системную связь современных глобальных и региональных международно-политических процессов с предшествующими эпохами. В этом отношении исключительно показательна статья кандидата исторических наук, заместителя заведующего кафедрой международной безопасности ФМП В.А. Веселова.

В исследовании рассмотрены уроки, которые позволяет извлечь анализ особенностей советско-американского взаимодействия в военно-политической сфере в годы холодной войны и которые могут быть полезны для понимания перспектив развития стратегического диалога в ядерной сфере. Показано, что даже в пиковые моменты биполярного противостояния оно не было исчерпывающей характеристикой международных отношений, сверхдержавам постоянно приходилось учитывать фактор третьей силы, прежде всего в лице КНР. В современных условиях будущее режима нераспространения ядерного оружия уже прямо зависит от способности и готовности руководства Российской Федерации и США обеспечить подключение к переговорам других ядерных держав.

Такой же комплексный и исторически фундированный подход к изучению международных отношений присущ исследованию, подготовленному заведующим кафедрой региональных проблем мировой политики ФМП МГУ, научным руководителем Института востоковедения РАН академиком РАН В.В. Наумкиным и доцентом кафедры региональных проблем мировой политики ФМП МГУ, руководителем Центра арабских и исламских исследований ИВ РАН В.А. Кузнецовым. В статье проанализирован комплекс противоречивых глобальных и региональных трендов, определяющих развитие региона Ближнего Востока и Северной Африки на протяжении последних 100 лет. Отличительной особенностью авторского исследовательского стиля является опора на широкую палитру современных теоретических подходов, в частности на концепцию неомодерна, что позволяет наглядно показать, как обозначенные тренды преломляются в актуальных условиях, и сформулировать прогнозы относительно их возможной эволюции в будущем.

Важно подчеркнуть, что на факультете мировой политики активно развиваются и новые подходы к изучению проблематики истории международных отношений как таковой. В частности, много внимания уделяется такому современному и динамично развивающемуся направлению исторических исследований, как политика памяти. Наглядным примером может служить статья заместителя декана по научной работе факультета мировой политики кандидата социологических наук А.М. Понамаревой. В работе с помощью концепции «мнемонической дипломатии» изучены история становления, современное состояние и перспективы развития российско-сербского альянса памяти — совокупности общих исторических нарративов,

придающей особый характер двусторонним отношениям в современных условиях. Выявлены проблемы этого «союза», которые заявили о себе после начала специальной военной операции на Украине и обозначили пределы возможностей мнемонической дипломатии Российской Федерации.

Стремление к поиску новых теоретических подходов и решений является отличительной чертой еще одного направления исследований, ставшего в последние годы своего рода визитной карточкой факультета мировой политики. Речь идет об исследованиях проблематики содействия международному развитию. Статья, подготовленная кандидатом исторических наук, доцентом кафедры международных организаций и мировых политических процессов ФМП В.И. Бартеневым, является ярким примером такого рода поисковой работы. В тексте подробно проанализированы возможности сопряжения двух близких, но традиционно рассматривавшихся изолированно тем — содействия международному развитию и политических рисков. Показано, что подобный подход не только открывает новые перспективы для проведения целого ряда фундаментальных междисциплинарных исследований, но и обладает особой актуальностью с точки зрения практического применения в условиях глобальной турбулентности.

Не менее активно развиваются на факультете мировой политики исследования проблематики «мягкой силы» и публичной дипломатии, которые в ситуации глобального нарастания международной напряженности и конфликтности не только не теряют своей актуальности, но и, наоборот, приобретают новое звучание, позволяя выявить еще не реализованные возможности и форматы для поддержания межгосударственного диалога. В этом отношении весьма показательным исследование кандидата политических наук, доцента кафедры региональных проблем мировой политики ФМП П.А. Шарикова, посвященное изучению эволюции публичной дипломатии США. Отличительной особенностью данной статьи является попытка вписать указанную тему в более широкий контекст развития политической системы Соединенных Штатов, а также рассмотреть специфику ее практического преломления на примере отношений между США и странами Европейского союза.

Факультет стремится развивать научный диалог не только с российскими, но и с зарубежными центрами международно-политических исследований. В этом отношении глубоко символично

и показательно, что пример такого конструктивного взаимодействия подает заведующая кафедрой международной коммуникации факультета мировой политики доктор филологических наук, профессор Л.В. Минаева. В соавторстве с директором международных программ Европейского института связей с общественностью доктором филологических наук, профессором Т.Ю. Лебедевой ею была подготовлена статья, в которой подробно разобраны взгляды представителей французской школы коммуникативистики на феномен цифровой политической культуры. Особое внимание уделено анализу современных стратегий политической коммуникации, использованных в рамках президентских выборов во Франции в 2017 г.

Несмотря на такое разнообразие подходов, авторских концепций и взглядов, статьи, собранные в этом выпуске, всё равно не могут передать всю палитру научных исследований, проводимых на факультете мировой политики. Но хочется надеяться, что они позволили хотя бы в общих чертах показать уникальную атмосферу творческого поиска и диалога, которая и создает тот неповторимый и узнаваемый облик ФМП, отличающий его от всех других факультетов Московского университета.

Поздравляем всех сотрудников и студентов факультета мировой политики с юбилеем и желаем новых научных свершений!

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ПРЕЗИДЕНТА ФМП Л.Э. СЛУЦКОГО

Сегодня, когда международные отношения вступили в эпоху высочайшей турбулентности и конкуренции, а против Российской Федерации странами Запада во главе с Соединенными Штатами Америки развернута настоящая гибридная война, особенно острой становится потребность в подготовленных высокопрофессиональных кадрах экспертов-международников, способных в этих непростых условиях последовательно и твердо отстаивать национальные интересы России. С идеей создать в стенах МГУ новый факультет, который стал бы кузницей для подготовки таких кадров, в свое время выступил выдающийся российский государственный деятель академик РАН А.А. Кокошин. Эту идею поддержал Президент России В.В. Путин, и в 2003 г. факультет мировой политики был создан.

Факультет обладает мощным кадровым потенциалом, на профильных кафедрах трудятся ведущие специалисты в области международной безопасности, региональных проблем, информационного обеспечения внешней политики, экономической и публичной дипломатии. Студенты получают также первоклассную языковую подготовку. При этом факультет не стоит на месте, чутко реагируя на новые вызовы времени и задачи, которые встают перед Российской Федерацией. В 2022 г. на факультете открылась новая кафедра — внешней политики России и стран СНГ, которую возглавил видный российский государственный деятель и ученый доктор экономических наук, профессор М.И. Кротов. Новая кафедра продолжает лучшие традиции факультета мировой политики, сочетая в своей работе со студентами научную основательность и ориентацию на подготовку специалистов-практиков.

Это уникальное сочетание фундаментальности образования, которой всегда гордился Московский университет, и практической ориентированности стало визитной карточкой факультета мировой политики, без преувеличения — одного из лучших российских центров подготовки специалистов по международным отношениям. Хочется пожелать сотрудникам и преподавателям факультета плодотворно работать на благо университета и страны, а студентам — с честью носить звание выпускника ФМП!

Президент факультета мировой политики доктор экономических наук
Л.Э. Слуцкий

ПРИВЕТСТВЕННОЕ СЛОВО ДЕКАНА ФМП А.А. СИДОРОВА

Факультету мировой политики 20 лет. Много это или мало? По сравнению с патриархом российского образования — 270-летним Московским университетом — он еще очень юный. Однако, пережив неизбежные трудности «взросления», в настоящее время ФМП представляет собой сложившийся коллектив единомышленников. Благодаря их труду он стал одним из ведущих образовательных центров по направлению подготовки «Международные отношения» и успешно выполняет поставленные перед ним задачи.

«Создание факультета мировой политики в Московском государственном университете, — писал в своем обращении с приветственным посланием к преподавателям и студентам Президент Российской Федерации В.В. Путин, — открывает новые возможности для подготовки специалистов в области международной политики и безопасности, сотрудничества с зарубежными государствами, в том числе со странами СНГ». *(Из приветственного послания Президента РФ В.В. Путина, 1 сентября 2003 г.)* Это большая честь и огромная ответственность. Связь факультета с практической деятельностью, с центрами принятия решений и властными структурами Российской Федерации выражается в том, что в настоящее время президентом ФМП является видный государственный деятель, председатель профильного Комитета Государственной Думы по международным делам доктор экономических наук Л.Э. Слуцкий.

История факультета своими корнями уходит в годы Великой Отечественной войны. В 1943 г., в тяжелейший период отечественной истории, когда враг угрожал самому существованию нашего государства, было принято решение о создании в Московском университете международного факультета. Это произошло накануне открытия Тегеранской мирной конференции (1943) — первой за годы войны встречи «Большой тройки». Хотя Европа всё еще была охвачена пламенем войны, союзники уже начали задумываться о том, каким будет новый мир после разгрома нацизма. Необходимость выработки более справедливой системы послевоенного мирового устройства, учитывавшей интересы Советского Союза, обусловила потребность подготовки высококвалифицированных дипломатов и специалистов-международников, способных на международной

арене отстаивать интересы нашей страны. Расширение масштабов и задач, стоявших тогда перед факультетом, через год обусловило его преобразование и выделение в самостоятельный институт — ныне МГИМО (У) МИД РФ.

Динамика развития международных отношений в конце XX в. повысила важность анализа и оценки как их текущего состояния, так и перспектив эволюции. Теракты 11 сентября 2001 г. в США, оказавшие системное воздействие на международную обстановку и положение России в мире, обусловили возрастание роли аналитической составляющей мировой политики. В новых условиях на повестке дня встала первоочередная задача не дать ограничить роль России в долгосрочном переустройстве мира, сохранить ее позиции в качестве активного субъекта глобальных политических и экономических процессов. Это неизбежно потребовало ускорения экономической модернизации страны в комплексе с проведением активной, наступательной и прагматичной внешней политики.

Созданная для анализа ситуации в мире после терактов 2001 г. Рабочая группа по вопросам внешней политики Государственного совета РФ подготовила для руководства страны два доклада. Одной из рекомендаций было учреждение новой образовательной структуры, которая могла бы готовить высококвалифицированные кадры специалистов-международников для государственных ведомств, бизнеса, широкого круга организаций и общественных институтов. Члены группы выступили с предложением воссоздать в Московском университете факультет, специализирующийся на проблемах международных отношений. Таким образом, идея образования ФМП сразу носила практический характер. Необходимость выработки ответов на насущные вызовы современности актуализировала потребность в кадрах, обладающих широким кругозором, хорошей языковой подготовкой, фундаментальным университетским образованием и способных к аналитической деятельности.

Идея получила одобрение Президента РФ, руководства Министерства иностранных дел и других заинтересованных государственных органов. Оперативность решения данного вопроса на самом высоком уровне стала еще одним подтверждением востребованности подобной структуры. Согласно решению ученого совета МГУ от 17 марта 2003 г. в Московском университете был образован факультет мировой политики, а уже в сентябре он гостеприимно распахнул свои двери перед первыми студентами. Деканом ФМП

был назначен видный государственный деятель академик РАН А.А. Кокошин, который возглавлял его в течение 15 лет. Научной базой нового факультета стал Центр исследования проблем национальной безопасности России, который успешно функционировал в университете с 1998 г.

В настоящее время ФМП является полностью сформировавшимся структурным подразделением МГУ, осуществляющим образовательную, научно-исследовательскую и культурно-просветительскую деятельность на всех уровнях: довузовского, высшего, послевузовского и дополнительного образования. Факультет зарекомендовал себя как один из лидеров в данной области, что подтверждается стабильно высоким конкурсом. ФМП формирует новую интеллектуальную элиту, способную принести реальную пользу стране и поэтому востребованную в различных сферах социально-политической жизни. Свидетельством этого является, в частности, тот факт, что наши выпускники успешно работают в Администрации Президента РФ, МИД РФ, Верховном Суде, Счетной палате, Минобрнауки, в российских государственных и международных организациях, неправительственных структурах, аналитических центрах, транснациональных корпорациях, научно-исследовательских институтах Российской академии наук, банках и частных компаниях.

Обучение на ФМП базируется на междисциплинарном, комплексном подходе к исследованию явлений современности и нацелено на развитие у студентов аналитических способностей, овладение ими навыками выявления причинно-следственных связей в мировой политике. ФМП готовит специалистов, обладающих разнообразными знаниями в области политологии, экономики, юриспруденции, философии, социологии и истории. Это ростки, которые впоследствии дают хорошие всходы в зависимости от того, на каком поприще наш выпускник применяет свои знания. Преподаватели факультета с готовностью поддерживают желание студентов проявить себя в научной сфере в рамках Научного студенческого общества, при организации круглых столов по актуальным проблемам современности, при подготовке докладов на научно-практических конференциях и статей для сборников студенческих работ.

Факультет мировой политики по праву гордится своим профессорско-преподавательским составом. Большинство преподавателей имеют ученую степень кандидата или доктора наук. На факультете преподают известные государственные деятели и политики Рос-

сии и зарубежных стран. ФМП приглашает ведущих специалистов с других факультетов МГУ, в частности исторического и философского, Института стран Азии и Африки и других, имеющих сильные научные школы, высокий внутрirosсийский и международный авторитет.

Профессионализм преподавателей, использование новых методов обучения студентов-международников, широкие возможности для их научно-исследовательской самореализации, хорошая языковая подготовка, а также современная техническая оснащённость помещений — всё это выгодно отличает ФМП от других факультетов аналогичного профиля. Факультет мировой политики — это осознанный выбор увлечённых и думающих абитуриентов, которые хотят получить не только престижный диплом, но и глубокие знания, чтобы использовать их на благо России.

Декан факультета мировой политики,
заведующий кафедрой международных организаций
и мировых политических процессов
кандидат исторических наук, доцент

А.А. Сидоров

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69

Научная статья / Research paper

В.А. Веселов*

**НЕСОВЕРШЕННАЯ БИПОЛЯРНОСТЬ:
ФАКТОР ТРЕТЬЕЙ СИЛЫ
В СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ
В ЯДЕРНОЙ СФЕРЕ В 1958–1968 гг.**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Спустя 30 лет после окончания холодной войны в ядерной сфере сохраняется биполярность, однако остальные ядерные державы уменьшают отрыв от России и США в области стратегических арсеналов, а в системе мировой политики в целом укрепляются тенденции к формированию полицентричного порядка. При этом в условиях резкого охлаждения российско-американских отношений на фоне «украинского кризиса» перспективы стратегического диалога по истечении Договора о сокращении наступательных вооружений (ДСНВ) становятся крайне туманными. Отсутствие же нового соглашения в этой области грозит отбросить международные отношения фактически к ситуации начала холодной войны со всеми вытекающими последствиями. Для того чтобы избежать подобного сценария, необходима не только политическая воля со стороны руководства Российской Федерации и США, но и полноценное подключение к переговорам других ядерных держав, прежде всего КНР. В этом отношении ценные уроки позволяет извлечь обращение к изучению истории холодной войны. Как отмечает автор, даже в период наивысшего своего расцвета в конце 1950-х — начале 1970-х годов биполярность не была исчерпывающей характеристикой международных отношений. На основе анализа целого ряда конкретных исторических примеров в статье показано, что в тот период сверхдержавы вынуждены были постоянно считаться с фактором третьей силы, который не только влиял на логику и динамику советско-американских отношений, но и в значительной мере определял направление и характер их военного строительства и планирования. Показано, что именно фактор третьей силы, прежде всего в лице Китая,

* *Веселов Василий Александрович* — кандидат исторических наук, заместитель заведующего кафедрой международной безопасности факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

наравне с достижением стратегического паритета между сверхдержавами стал одним из главных импульсов к разработке режима противодействия ядерному распространению. В заключении автор акцентирует внимание на еще одном важном уроке холодной войны: опыт переговоров по контролю над вооружениями в тот период свидетельствует, что встречам политиков должны предшествовать совместные мозговые штурмы ученых заинтересованных стран. По мнению автора, в современных условиях представители одного из национальных академических сообществ могут проявить инициативу, с тем чтобы ко времени изменения политического климата уже имелись бы проработанные варианты решения проблем контроля над ядерными вооружениями в новом формате.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ядерное оружие, СЯС, контрраспространение, ДНЯО, ядерное нераспространение, холодная война, советско-американские отношения, советско-китайские отношения, американо-китайские отношения, стратегический треугольник, СССР, США, Китай, ДСНВ

Для цитирования: Веселов В.А. Несовершенная биполярность: фактор третьей силы в советско-американских отношениях в ядерной сфере в 1958–1968 гг. // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 16–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69.

Vasilii A. Veselov

**IMPERFECT BIPOLARITY:
THE ‘THIRD POWER’ FACTOR
IN SOVIET-AMERICAN RELATIONS
IN THE NUCLEAR FIELD (1958–1968)**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

30 years after the end of the Cold War, bipolar structure still dominates in the nuclear sphere, although certain nuclear powers are closing the gap with Russia and the United States in terms of strategic arsenals and the system of world politics in general is moving towards polycentrism. At the same time, as US-Russian relations continue to deteriorate against the backdrop of the ‘Ukrainian crisis’, the prospects for strategic dialogue after the expiration of the Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (New START)

are becoming increasingly vague. The absence of a new agreement in this field threatens to throw international relations back to the beginning of the Cold War, with all the ensuing consequences. To avoid such a scenario, not only the leaders of Russia and the United States should demonstrate political will, but other nuclear powers should also be included in the negotiation process, particularly China. In this regard, the history of the Cold War can provide valuable lessons. The author argues that bipolarity (even at its apex in the late 1950s — early 1970s) had never been an exclusive characteristic of international relations. On the basis of a number of historical cases, the paper demonstrates that during this period the superpowers constantly had to reckon with the ‘third power’ factor. The latter did not only influence the logic and dynamics of Soviet-American relations, but also to a large extent predetermined the direction and nature of their military development and planning. Indeed, it was the ‘third power’ factor, namely China, along with the achievement of strategic parity between the superpowers that became one of the main impulses to the establishment of the non-proliferation regime. In conclusion, the author focuses on yet another important lesson from the Cold War: the experience of arms control negotiations during that period suggests that the meetings of politicians should be preceded by joint brainstorming sessions with scholars from interested countries. In the current situation, representatives of the academic community should take the lead so that by the time the political climate eventually changes, there would already be coherent and viable options for nuclear arms control adapted to new realities.

Keywords: arms control, nuclear weapons, strategic nuclear forces, counter-proliferation, NPT, nuclear non-proliferation, the Cold War, Soviet-American relations, Soviet-Chinese relations, American-Chinese relations, strategic triangle, USSR, USA, China, New START

About the author: *Vasilii A. Veselov* — PhD (History), Deputy Head of the Chair of International Security, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vves@fmp.msu.ru).

For citation: Veselov V.A. 2023. Imperfect bipolarity: The ‘third power’ factor in Soviet-American relations in the nuclear field (1958–1968). *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 16–69. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-16-69. (In Russ.)

Приближение февраля 2026 г. — срока, установленного сторонами при продлении Договора между Российской Федерацией и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (ДСНВ), — заставляет задуматься о возможных вариантах дальнейшего развития ситуации в сфере

контроля над ядерными вооружениями. Таких вариантов, как представляется, три.

С учетом решения Российской Федерации приостановить участие в ДСНВ¹ наиболее вероятным в настоящее время видится вариант, при котором никакого нового соглашения между Россией и США к указанному сроку заключено не будет. В таком случае ситуация в сфере контроля над ядерными вооружениями вернется в состояние, соответствующее июлю 1968 г., когда стороны были связаны лишь Московским договором 1963 г.² и обязательствами по Статье VI Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО): «... в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению»³.

Второй вариант — заключение соглашения, не требующего длительного и сложного переговорного процесса, а зависящего главным образом от политической воли руководителей двух стран. Примером подобного соглашения служит Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов 2002 г.⁴ Очевидно, что реализация данного варианта возможна лишь в условиях радикального изменения климата мировой политики.

Третий вариант, осуществление которого представляется рано или поздно неизбежным, — переход к многостороннему формату в контроле над ядерными вооружениями. При наличии соответствующей политической воли у Вашингтона подключение Велико-

¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Официальный сайт Президента России. 21.02.2023. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 10.03.2023).

² Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 5 августа 1963 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762782/ (дата обращения: 10.03.2023).

³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

⁴ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о сокращении стратегических наступательных потенциалов. 27 мая 2002 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/1686025/ (дата обращения: 10.03.2023).

британии и Франции к переговорному процессу вполне вероятно. Таким образом, ключевым фактором станет позиция Китая.

В этой связи целесообразно еще раз присмотреться к той роли, которую КНР играла в советско-американских отношениях периода холодной войны. Необходимо оценить, почему именно Китай, а не Великобритания и Франция, раньше него вступившие в ядерный клуб, стал третьей силой — фактором, с которым двум сверхдержавам пришлось считаться уже в 1960-е годы.

Выбор временного интервала для рассмотрения в настоящей статье обусловлен следующими соображениями. В качестве начального рубежа избран 1958 г. в связи с изменениями в отношениях двух сверхдержав с государствами, составившими «второй эшелон» участников ядерного клуба. В значительной степени эти изменения были обусловлены осмыслением уроков Суэцкого кризиса, вызвавшего «проблему доверия» в Североатлантическом альянсе [Пилько, 2007]. Кроме того, 1958 г. стал важным рубежом в развитии советско-китайских отношений, что было связано именно с ядерной политикой. Наконец, в 1958 г. по инициативе Ирландии началось обсуждение проблемы противодействия ядерному распространению в ООН.

Путь к реализации идеи занял 10 лет — до подписания ДНЯО в 1968 г. За это время число членов ядерного клуба удвоилось, мир прошел через несколько острых кризисов, грозивших вылиться в ядерную войну, произошли радикальные изменения в отношениях двух сверхдержав, был установлен стратегический паритет. Все эти явления нашли отражение в тексте ДНЯО, одна из статей которого (шестая) связала два процесса — горизонтального и вертикального распространения. В соответствии со своими обязательствами по этой статье СССР и США не сразу, но всё же начали переговорный процесс, завершившийся подписанием соглашений в мае 1972 г., образовавших ту модель контроля над вооружениями, судьба которой будет решаться в предстоящие годы.

Рассматриваемый период считается золотым веком биполярности в мировой политике, но была ли она исчерпывающей характеристикой, когда формировались новые региональные центры силы, возникали новые амбиции и возрождались старые споры?

Процессам размывания биполярности и становления многополярности в период холодной войны посвящена обширная литература, при этом основное внимание уделяется интеграции Западной

Европы и японскому «экономическому чуду». Такой подход справедлив, поскольку демонстрирует одни из главных компонентов тенденции, но в то же время он не полностью отражает картину. В военно-политическом измерении в рассматриваемый период происходили не менее важные события, также привлекавшие внимание исследователей. Немало работ посвящено политическим отношениям в треугольнике СССР–США–КНР, особенно рубежа 1960–1970-х годов [см. подробнее: Юнгблуд, Воробьёва, 2018; China, the United States and the Soviet Union..., 1993; Burr, 2001; Goh, 2004; Xia, 2006; Dobbs, 2010; Lüthi, 2012]. Применительно к сфере ядерной политики в фокусе исследований находится процесс горизонтального распространения ядерного оружия (ЯО), при этом основное внимание уделяется механизмам и мотивам принятия решений [см. подробнее: Ядерный мир..., 2017; Верещага, Чернышёв, 2019; The diffusion of military technology and ideas, 2003; Narang, 2017; Debs, Monteiro, 2016; Lanoszka, 2018; Marsh, 2019; Yuan, 2022], а также мерам противодействия (контрраспространению) [см. подробнее: Joyner, 2009; Lodgaard, 2011; Gavin, 2015; Mallard, 2014; Taliaferro, 2019; Spaniel, 2019; Mauroni, 2019; Mehta, 2020; Smith, Spaniel, 2021; Kaplow, 2022] и значительно меньше — последствиям для центрросиловой структуры мировой политики в период холодной войны [см. подробнее: Roberts, 1996; Horowitz, 2010; Horsburgh, 2015; Mukherjee, 2022]. Представляется, что ядерное измерение процесса размывания биполярности нуждается в дополнительном осмыслении, поскольку это позволяет лучше понимать современные нам явления в мировой политике.

От кризиса до кризиса: Тайвань и Куба

К началу рассматриваемого периода в ядерном клубе насчитывалось всего три участника, причем один из них — Великобритания — фактически отказывался от суверенитета, уходя под патронаж США и растворяя свои силы в американских — как в материальном, так и в концептуальном отношении [Jones, 2017]. Прямо противоположная тенденция наблюдалась во Франции, где вернувшийся к власти Ш. де Голль должен был предложить нации какой-то иной символ величия вместо утрачиваемой колониальной империи. Французский ядерный проект, начинавшийся при Ш. де Голле в первые послевоенные годы, ко времени его возвращения вышел на финишную прямую [Зинченко, 2004], и уже в феврале 1960 г. страна провела свое первое

ядерное испытание. Ядерные амбиции остальных союзников США по НАТО заставили Вашингтон начать поиск путей «управляемого приобщения» к ЯО, что в итоге вылилось в проект «Многосторонних ядерных сил» (МЯС) альянса [Пилько, 2007].

Китайский путь имел много общего с французским. Руководителей страны всё меньше устраивала роль младшего партнера, но, в отличие от Франции, речь шла не о сохранении статуса, а о возвращении суверенитета и былого величия, утраченного во время «века унижения» (1839–1949), причем и внутренние, и внешние интересы требовали сделать это как можно скорее. Задаче резкого изменения статуса страны в мирополитической системе были подчинены и политика «Большого скачка», и усилия по реализации ядерной и ракетной программ, которые во второй половине XX в. считались неотъемлемыми атрибутами великой державы.

Решение о развертывании национальной ядерной программы было принято руководством страны в январе 1955 г., а мощным импульсом послужил Первый тайваньский кризис [Lewis, Litae, 1988]. Судя по дальнейшему развитию ракетно-ядерного потенциала Китая, можно предположить, что уже тогда главными были именно соображения статуса, а не количественные характеристики ядерных сил, при этом в качестве средства обеспечения национальной безопасности была избрана концепция минимального сдерживания.

Значительную роль в успехах КНР на этом направлении сыграла разнообразная помощь Советского Союза — от поиска сырья до проектирования испытательных полигонов. 15 октября 1957 г. было подписано межправительственное соглашение, предусматривавшее в том числе передачу информации о технологиях производства и конструкции ЯО [Zhihua, Xia, 2012: 79]. В КНР были командированы советские специалисты — сотрудники ядерного центра в Арзамасе-16, однако решение об отправке в Китай наиболее «чувствительной» информации — конструкторской документации и макета атомной бомбы, испытанной в СССР в 1951 г., — было отменено [Негин, Смирнов, 1997].

Помощь в указанной сфере была свернута еще до официального разрыва отношений, почти сразу после тяжелых переговоров Н.С. Хрущёва с Мао Цзэдуном в июле 1958 г. Причиной объяснений, которые был вынужден давать советский лидер, стал проект, превосходящий МЯС НАТО. Следует отметить, что впоследствии

именно действия Китая похоронили эту североатлантическую программу (см. далее).

18 апреля 1958 г. министр обороны СССР Р.Я. Малиновский направил министру обороны КНР Пэн Дэхуаю письмо с предложением о строительстве на территории Китая мощного радиоузла для связи с советскими подводными лодками (ПЛ) в акватории Тихого океана. Строительство предлагалось вести совместно с КНР, при этом Советский Союз брал на себя 70% расходов⁵. В Пекине восприняли это как посягательство на суверенитет; по их мнению, подобный объект должен был строиться за счет китайской стороны и полностью ей принадлежать.

В свою очередь 28 июня 1958 г. премьер КНР Чжоу Эньлай направил послание Н.С. Хрущёву с просьбой о помощи в производстве ПЛ с ракетным оружием. В ответ в военном ведомстве СССР возник альтернативный проект создания совместного советско-китайского флота, оснащенного ЯО и базирующегося на побережье Китая⁶. Очевидно, что прототипом этого предложения было формирование в том же году смешанных советско-албанских экипажей в составе бригады дизельных ПЛ, которая базировалась в порту Влёра на побережье Адриатического моря.

Аргументами в пользу появления данного советско-китайского проекта, видимо, послужили начало развертывания на Тихом океане американских крылатых ракет Regulus в ядерном оснащении (их носителями были ПЛ и надводные корабли), а также неудобства базирования на территории советского Дальнего Востока⁷. Учитывая союзнические отношения двух стран, с точки зрения СССР вполне логично было бы в интересах противодействия общей угрозе использовать возможности КНР для компенсации превосходства США. Отметим, что эта же логика впоследствии привела к размещению советских ракет на Кубе⁸. По словам Н.С. Хрущёва,

⁵ Report, Peng Dehuai to Mao Zedong and the CCP Central Committee (Excerpt). June 5, 1958 // Wilson Center. Available at: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/report-peng-dehuai-mao-zedong-and-ccp-central-committee-excerpt> (accessed: 10.03.2023).

⁶ Переговоры Н.С. Хрущева с Мао Цзэдуном 31 июля — 3 августа 1958 г. и 2 октября 1959 г. // Новая и новейшая история. 2001. № 1. С. 114–119.

⁷ Там же.

⁸ Добрынин А.Ф. Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). М.: Автор, 1996. С. 60.

«у Китая обширное морское побережье, открытое море, откуда легко вести подводную войну с Америкой» [цит. по: Скороспелов, 2022: 23]. Материальным наполнением совместного советско-китайского флота, скорее всего, должны были стать атомные ПЛ проекта 659, вооруженные ракетами П-5, советским аналогом Regulus. Характерно, что лодки данного типа производились только на Дальнем Востоке [История отечественного судостроения, 1996: 149].

Советские предложения, разработанные в Министерстве обороны, были переданы послом СССР П.Ф. Юдиным лично Мао Цзэду 21 июля 1958 г. Содержание проекта вызвало столь бурное негодование лидера КНР, что потребовались внеплановый визит Н.С. Хрущёва 31 июля — 3 августа 1958 г. и личное объяснение. В результате всё вернулось к исходному китайскому варианту: тема совместного флота была закрыта, а КНР получила из СССР желаемую ПЛ с ракетным оружием, правда, не атомную, а дизельную (см. далее).

Несмотря на остроту полемики, проходившей в закрытом формате, внешне отношения СССР и КНР выглядели вполне союзническими. Более того, именно после визита Н.С. Хрущёва начались события, получившие название «Второй тайваньский кризис», и такая последовательность выглядела как наличие «благословения» руководителям КНР со стороны Советского Союза. В период кризиса действия Пекина полностью поддерживались Москвой. Более того, СССР выразил готовность направить в зону конфликта морскую ракетноносную авиацию против флота Чан Кайши, а также предоставить КНР ядерные гарантии безопасности на случай эскалации [Скороспелов, 2022: 25].

Тем не менее спор вокруг, казалось бы, частного вопроса военного строительства имел принципиальное значение и далеко идущие последствия. Руководители КНР продемонстрировали советской стороне, что главным для них является суверенитет, а совместные форматы неприемлемы даже в интересах противодействия общему врагу. Таким образом, заявка на роль третьей силы была сформулирована еще до вступления Китая в ядерный клуб. Именно в тот период, исходя прежде всего из внутривнутриполитических интересов, руководство КНР начало выдвигать (пока еще не публично) в адрес СССР обвинения в ревизионизме, отказе от коммунистических идеалов, сговоре с империалистами. Одними из аргументов Пекина служили отдельные шаги Москвы, предпринимавшиеся совместно с Вашингтоном и Лондоном для обуздания гонки вооружений, в первую

очередь принятый в 1958 г. мораторий трех держав на ядерные испытания, совещание экспертов Организации Варшавского договора (ОВД) и НАТО по проблеме предотвращения внезапного нападения, проведенное в рамках подготовки нового саммита «Большой четверки». К числу этих шагов относилась и крупная разоруженческая инициатива, изложенная Н.С. Хрущёвым в ООН 18 сентября 1959 г. От имени СССР он предложил принять «Декларацию о всеобщем и полном разоружении», на реализацию которой отводилось 4 года, результатом чего должны были стать роспуск вооруженных сил, ликвидация всего оружия массового уничтожения и большей части обычных вооружений (оставшимся должны были оснащаться силы охраны правопорядка)⁹. О том, что это был не пропагандистский ход, свидетельствует записка Н.С. Хрущёва в Президиум ЦК КПСС от 8 декабря 1959 г. По его мысли, появление ракетно-ядерного щита позволяло СССР, не дожидаясь решения мирового сообщества, пойти на глубокие количественные сокращения и замену регулярной армии милиционными формированиями¹⁰. Результатом стали решения о создании Ракетных войск стратегического назначения (РВСН) (17 декабря 1959 г.) и сокращении Вооруженных Сил на 1 млн 200 тыс. человек в качестве первого шага к разоружению (7 января 1960 г.).

Следует отметить, что советские руководители в то время отнюдь не пренебрегали мнением китайской стороны. Сразу же после визита в США Н.С. Хрущёв направился на празднование 10-летия образования КНР, где проинформировал Мао Цзэдуна о переговорах с Д. Эйзенхауэром. В том числе он попытался убедить китайского лидера поддержать инициативы по разоружению, в частности мораторий на ядерные испытания. Но это ни к чему не привело. Отказ от проведения испытаний закрывал перед Пекином двери в ядерный клуб, и в январе 1960 г. КНР заявила, что не будет соблюдать договоренности, выработанные без ее участия [Богатуров, 1997].

Инициатива СССР, таким образом, не была поддержана ни противниками (США и НАТО), ни союзниками (КНР), хотя могла бы дать в случае ее воплощения реальный шанс на разрядку. Что означало бы действительное разоружение в условиях холодной войны?

⁹ Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов / МИД РФ, МГИМО (Университет). М.: Международные отношения, 2006.

¹⁰ «Армию надо сделать... без излишеств». Записка Н.С. Хрущева о военной форме 1959 г. // Исторический архив. 1998. № 3. С. 36–67.

Очевидно, что исключение военно-силового фактора переводило соперничество в другие плоскости: экономическую, культурную, психологическую. Для Советского Союза возникала возможность перенаправить ресурсы в экономику, но вместе с тем предстояло острое противостояние в сферах, относимых в настоящее время к «мягкой силе», причем не только с Западом, но и с Китаем, который по-своему видел перспективы национально-освободительного движения, деколонизации и неприсоединения. События 1959 г. служат тому убедительным подтверждением.

С одной стороны, победа революции на Кубе завязала, хотя и не сразу, узел противоречий не только между СССР и США, но также между СССР и Китаем, причем перевес в последнем первоначально склонялся в пользу Пекина. С другой стороны, руководители КНР сами столкнулись с проблемой национально-освободительного движения и его внешней поддержки, только не в бывших колониях, а на своей территории. Вспыхнувшее восстание в Тибете поддержали как США, так и Индия [Riedel, 2015]. На смену сотрудничеству времен Бандунга пришло острое соперничество двух соседних держав за влияние в «третьем мире», очень скоро проявившееся и в процессе ядерного распространения. Отметим также, что китайско-индийский конфликт создал очень непростую дилемму и для внешней политики СССР.

Последовавшие события 1960 г. подтвердили, что реализация крупных мер по разоружению и контролю над вооружениями возможна только в благоприятной политической обстановке (хотя верно и обратное — подобные мероприятия сами вносят вклад в улучшение климата международных отношений). Вступление в ядерный клуб Франции нанесло удар по трехстороннему мораторию на ядерные испытания и в то же время послужило привлекательным примером для КНР. Постепенно началось франко-китайское сближение, в том числе на почве общего неприятия инициатив «Большой тройки»: моратория на ядерные испытания, затем Московского договора 1963 г. и, наконец, ДНЯО.

США, не имея содержательного ответа на советскую инициативу, пошли на срыв Парижского саммита с помощью провокации (полет самолета U-2 над территорией СССР 1 мая). Одним из последствий этого были события, тогда оставшиеся незамеченными, но затем четко обозначившие политический кризис: вооруженные силы США были приведены в состояние повышенной боевой готовности

в глобальном масштабе. Так началась отработка состоящей из пяти уровней системы DEFCON (Defense Conditions), при этом 16 мая был объявлен уровень DEFCON-3, т.е. на «полпути» между миром и мировой войной [Watson, 1997: 722–723].

Разрядка с Западом не состоялась, а разногласия с КНР вышли на уровень открытого разрыва: СССР внезапно отозвал специалистов, работавших в Китае. Зримым символом изменения политического климата стало участие Н.С. Хрущёва в работе Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре–октябре 1960 г., когда он несколько раз брал слово, в том числе требуя предоставить КНР место в ООН, резко критиковал политику империалистов и настаивал на принятии декларации о деколонизации¹¹. Именно к этому времени относится знаменитый эпизод с ботинком, хотя наиболее важным событием визита следует считать первую личную встречу Н.С. Хрущёва с Ф. Кастро.

Вместе с тем глубина разногласий в советско-китайских отношениях еще не была столь велика, чтобы это использовалось при выработке стратегии США. Утвержденный президентом Д. Эйзенхауэром в декабре 1960 г. первый план применения ядерных сил SIOP-62 (Single Integrated Operational Plan, Единый интегрированный оперативный план на 1962 фин. г., вступал в силу 1 июля 1961 г.) предусматривал в самом начале конфликта нанесение удара максимальной силы по единому списку целей, включавшему объекты СССР, Китая и других социалистических стран¹².

Со сменой власти в США в январе 1961 г. начался пересмотр ядерной стратегии, но в планировании еще длительное время сохранялся взгляд на Советский Союз и КНР как на единого противника. В своем первом послании «О положении страны» от 30 января 1961 г. (через 10 дней после инаугурации) Дж. Кеннеди обозначил угрозу: «Каждый день мы приближаемся к часу максимальной опасности, по мере того как вооружения распространяются и враждебные силы растут. <...> Время работает против нас [time has not been our

¹¹ Выступления глав делегаций СССР/Российской Федерации на сессиях Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций: Сборник документов / МИД РФ, МГИМО (Университет). М.: Международные отношения, 2006.

¹² History of the Joint Strategic Target Planning Staff: Background and preparation of SIOP-62 // The National Security Archive. Available at: https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb285/sidebar/SIOP-62_history.pdf (accessed: 10.03.2023).

friend]»¹³. За этой алармистской оценкой помимо пафоса предвыборной кампании Дж. Кеннеди стояли реальные события в широком диапазоне — от создания в СССР средств доставки термоядерного оружия на территорию США до подъема национально-освободительного движения.

«Приближение часа максимальной опасности» не было новой темой в американской риторике. Оно было исходной посылкой одного из ключевых документов начала холодной войны — директивы NSC-68, принятой в 1950 г. В том случае аргументами были конец атомной монополии США, победа революции в Китае и начало войны в Корее. Теперь ими стали запуск спутника Советским Союзом, создание им межконтинентальной баллистической ракеты (МБР) и события в странах «третьего мира», в том числе под боком у Соединенных Штатов. Неслучайно основной автор NSC-68 — П. Нитце — был приглашен на роль ответственного за тематику национальной безопасности в предвыборной кампании Дж. Кеннеди (в администрации он получил пост заместителя министра обороны).

Выводом из оценок и 1950, и 1960 г. была необходимость увеличить расходы и отказаться от бюджетных ограничений для наращивания военного потенциала США, чтобы уйти в отрыв и создать позицию силы в отношениях со всеми противниками. В соответствии с заявленной в инаугурационной речи готовностью «заплатить любую цену, вынести любое бремя»¹⁴ Дж. Кеннеди обратился к Конгрессу за дополнительными ассигнованиями в связи с «чрезвычайностью» сложившейся ситуации и внес поправки к бюджету на 1961 фин. г. (заканчивался 30 июня)¹⁵.

Первый же бюджетный запрос Дж. Кеннеди предусматривал увеличение военных расходов, в том числе на стратегические ядерные

¹³ Annual Message to the Congress on the State of the Union, 30 January 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/annual-message-the-congress-the-state-the-union-5> (accessed: 10.03.2023).

¹⁴ President John F. Kennedy's Inaugural Address (1961) // National Archives. Available at: <https://www.archives.gov/milestone-documents/president-john-f-kennedys-inaugural-address> (accessed: 10.03.2023).

¹⁵ Special Message to the Congress on the Defense Budget. March 28, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-the-defense-budget> (accessed: 10.03.2023); Special Message to the Congress on Urgent National Needs. May 25, 1961 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/special-message-the-congress-urgent-national-needs> (accessed: 10.03.2023).

силы (СЯС), более чем на 2 млрд долл. В сфере стратегических вооружений новая администрация взяла за основу планы Д. Эйзенхауэра, масштабировала их и скорректировала распределение приоритетов. В бюджет заканчивавшегося 1961 фин. г. были внесены изменения, согласно которым количество запланированных к производству ПЛ с баллистическими ракетами Polaris увеличивалось на треть, с 14 до 19 [Kaplan, 2006: 54].

Поправки к бюджету следующего, 1962 фин. г., разработанному еще администрацией Д. Эйзенхауэра и уже утвержденному Конгрессом, включали средства еще на 10 ПЛ (суммарно до 29). Было отменено развертывание седьмой и восьмой эскадрилий тяжелых МБР Titan II (планируемое общее количество их снизилось с 72 до 54), зато программа легкой МБР Minuteman, предназначенной для массового развертывания, была увеличена с 540 до 600 единиц с заменой мобильного (железнодорожного) варианта базирования на шахтные пусковые установки. Такой потенциал составил материальную основу новой концепции ядерного сдерживания, получившей название «контрсила», или «ограничение ущерба». С этим «багажом» Дж. Кеннеди и направился в Вену на первую (и, как оказалось, последнюю) встречу с Н.С. Хрущёвым.

Советский лидер прибыл в столицу Австрии также после принятия решений о строительстве ядерных сил, что должно было придать ему уверенности в диалоге. Постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1961 г. трем организациям (ОКБ-1 в Подмоскowie, ЦКБ-7 в Ленинграде и СКБ-172 в Перми) была поручена разработка трех отдельных ступеней, комбинации которых образовывали три ракеты: все три — межконтинентальную РТ-2 шахтного и железнодорожного базирования, вторая и третья — мобильную баллистическую ракету средней дальности (БРСД) РТ-15, первая и третья — стационарную БРСД повышенной дальности РТ-25 [Ракетно-космическая корпорация..., 1996: 132–133]. Постановлением также задавались работы по созданию легкой мобильной МБР РТ-20 и баллистической ракеты подводных лодок (БРПЛ) РТ-15М [СКБ-385..., 2007: 74–75]. Таким образом, в СССР должны были появиться аналоги американских Minuteman (РТ-2), MMRBM (РТ-15) и Polaris (РТ-15М), а проекты РТ-20 и РТ-25 американских прототипов не имели.

Это решение, однако, не давало быстрого ответа на вызов США, поскольку американские ракеты уже были испытаны и речь шла

лишь о масштабах их серийного производства, а советские аналоги еще только предстояло разрабатывать, причем на новой технологической базе, которая также была в процессе создания. Поэтому одновременно было принято еще одно решение в качестве подстраховки на ближайшее время (до достижения паритета) — выход из моратория и испытание «супербомбы» как дополнительного аргумента в спорах по «германскому вопросу». Разработанная к тому времени водородная бомба 100 Мт была испытана 30 октября 1961 г. на половинную мощность [Кирюшкин, 2015].

Необходимость такой подстраховки была обусловлена явным намерением администрации Дж. Кеннеди не просто сохранить превосходство, но увеличить отрыв от СССР. Разработанный летом–осенью 1961 г. и представленный в Конгресс в январе 1962 г. проект военного бюджета на 1963 фин. г. заложил основу строительства СЯС США на все 1960-е годы¹⁶.

Рассмотрение работы Венского саммита и его последствий выходит за рамки настоящей статьи, но необходимо отметить два связанных между собой обстоятельства. Первое — отсутствие паритета является серьезным препятствием для конструктивного диалога. Второе — уже на этом этапе стороны попытались включить в обсуждение фактор третьей силы.

Как подсказывал опыт ликвидации атомной монополии США, у Советского Союза имелось два пути нивелирования американского превосходства в ядерной сфере: военно-технический (создание в СССР потенциала, сопоставимого с американским) и политико-правовой (разоружение). Выбор был сделан в пользу движения по обоим направлениям одновременно.

Первый путь был осложнен тем, что решение задач, обозначенных Постановлением от 4 апреля 1961 г., грозило сильно затянуться, поскольку одни новые технологии предстояло осваивать, а другие — еще только создавать. Всё это не могло не вызывать тревогу. Кроме того, в руководстве Министерства обороны СССР существовали серьезные сомнения в целесообразности симметричного ответа на рывок администрации Дж. Кеннеди — массового развертывания лег-

¹⁶ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1963–67 Defense Program and 1963 Defense Budget. February 14, 1962 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

ких МБР с зарядами относительно небольшой мощности [Мозжорин, 2000: 124]. Речь шла не только об изготовлении сотен новых ракет, но также о строительстве стартовых позиций, создании необходимой инфраструктуры (как боевой, так и социальной), формировании новых воинских частей, обучении военнослужащих и т.д.

Неудача первой попытки воспроизведения американского пути побудила советское руководство искать асимметричные варианты ответа на вызов со стороны США. Альтернатива была предложена в виде развертывания небольшого количества тяжелых ракет с зарядами значительной мощности. Такие ракеты должны были преодолевать американскую систему противоракетной обороны (ПРО) и доставлять мощные заряды в любую точку земли. Сами ракеты были дороже, но существенно сокращались все сопутствующие расходы и трудности. Эта альтернатива была привлекательна и для разработчиков ракетной техники, поскольку тяжелые ракеты позволяли одновременно решать амбициозные задачи в космосе, что в тот период было напрямую связано с политическими позициями страны. Постановлением от 16 апреля 1962 г. предписывалось «сосредоточение сил и ресурсов на создании важнейших образцов межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей тяжелых космических объектов»¹⁷.

Второй путь, политико-правовой, предполагал начало содержательного обсуждения перспективы разоружения, т.е., по сути, возвращение к инициативе, озвученной Н.С. Хрущёвым в ООН в сентябре 1959 г. Первый шаг к такому обсуждению был сделан в Вене, и уже тогда американская сторона выразила намерение вовлечь Китай в обсуждение проблем контроля над вооружениями. Решить эту задачу планировалось руками Москвы, но добиться этого не удалось [Богатуров, 1997]. Советские руководители прекрасно понимали, что им отводится роль инструмента в руках Вашингтона со всеми вытекающими репутационными издержками, значение которых резко возрастало в усиливавшейся полемике с КНР.

Вместе с тем обсуждение проблем разоружения в двустороннем формате было успешным, несмотря на то что переговоры проходили

¹⁷ Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 16 апреля 1962 г. № 346-160 «О важнейших разработках межконтинентальных баллистических и глобальных ракет и носителей космических объектов» // Советская космическая инициатива в государственных документах. 1946–1964 гг. / Под ред. Ю.М. Батурина. М.: Издательство РТСофт, 2008. С. 204–206.

на фоне развернувшегося Берлинского кризиса. Их результатом стало «Совместное заявление о согласованных принципах в качестве основы для многосторонних переговоров по разоружению», вошедшее в историю как «соглашение Зорина–Макклоя» и внесенное в ООН в качестве совместной инициативы СССР и США. Для реализации наметившегося тогда шанса достичь соглашения о всеобщем и полном разоружении резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН № 1722 (XVI) от 21 декабря 1961 г. был образован «Комитет 18 государств»¹⁸. В его состав вошли представители пяти членов ОВД: СССР, Чехословакии, Польши, Румынии, Болгарии; пяти членов НАТО: США, Великобритании, Франции, Канады и Италии; а также восьми нейтральных и неприсоединившихся стран: Индии, Бирмы, Египта (ОАР), Эфиопии, Нигерии, Бразилии, Мексики и Швеции.

Никогда — ни до, ни после этого — стороны не подходили так близко к реализации идеи разоружения. Обе сверхдержавы тогда официально заявили о своем согласии с принципом всеобщего и полного разоружения и необходимостью заключения соответствующего договора. Пойдя на взаимные уступки, СССР и США в первый и последний раз согласовали общий подход, но реализовать этот проект, однако, не удалось. Обе стороны двигались по двум направлениям одновременно, обсуждая разоружение и развивая свои ядерные силы, и при этом не собирались отказываться от политических задач в рамках холодной войны. Это не могло не привести к кризису, случившемуся в октябре 1962 г.

Уроки Карибского кризиса и нераспространение ядерного оружия

Карибский кризис заставил военно-политическое руководство США и СССР всерьез задуматься о последствиях массированного применения ЯО. Это стимулировало как поиск путей предотвращения подобных конфликтных ситуаций в условиях продолжавшейся холодной войны, так и выработку взглядов на возможности минимизации потенциального ущерба.

¹⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 1722 (XVI) от 20 декабря 1961 г. «Вопрос о разоружении» // Система официальной документации Организации Объединенных Наций. Доступ: <https://undocs.org/ru/A/RES/1722%28XVI%29> (дата обращения: 10.03.2023).

Первое предполагало в том числе противодействие ядерному распространению для уменьшения количества автономных центров принятия решений в ситуациях с возможным задействованием ЯО. Второе, как и до кризиса, представляло одновременное движение по пути наращивания вооружений и поиск способов их сокращения вплоть до ликвидации.

В США «минимизация ущерба» (*damage limitation*) была официально озвученной целью стратегии, закреплённой в новом плане применения ядерных сил SIOP-63, разработанном к началу 1962 г. Сценарий «массированного возмездия» в виде ударов по городам противника был не отвергнут, а дополнен другими вариантами использования ядерных сил. Их применение эшелонировалось, а ситуация должна была удерживаться в рамках ограниченных по масштабам ударов, что и составляло «гибкость» реагирования. Данная идеология определяла содержание планов применения ядерных сил США почти полтора десятилетия — до середины 1970-х годов.

При этом главным противником по-прежнему рассматривалась коалиция СССР и Китая, что было отражено в принципах нацеливания. В качестве «задачи № 1» в документе указывалось «уничтожение или нейтрализация китайско-советских средств доставки ядерного оружия»¹⁹. Что примечательно, формулировка «китайско-советские средства» использовалась в то время, когда КНР ещё не приобрела собственное ЯО. Конечно, сказывалась инерция мышления 1950-х годов, но при этом оговаривалось, что при определенных политических обстоятельствах объекты КНР и других государств — союзников СССР могут быть исключены из списка целей²⁰. Подобные оговорки сохранились и в следующем варианте плана применения СЯС — SIOP-64, принятом в 1964 г.²¹

Основное содержание новой стратегии было изложено Р. Макнамарой в течение 1962 г.: в закрытом варианте — в его ежегодном

¹⁹ History of the Joint Strategic Target Planning Staff: Preparation of SIOP-63 // The National Security Archive. January 1964. P. 14. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb236/SIOP-63.pdf> (accessed: 10.03.2023).

²⁰ Ibidem.

²¹ U.S. nuclear war plan option sought destruction of China and Soviet Union as 'viable' societies / Ed. by W. Burr // The National Security Archive. 15.08.2018. Available at: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2018-08-15/us-nuclear-war-plan-option-sought-destruction-china-soviet-union-viable-societies> (accessed: 10.03.2023).

докладе Конгрессу в феврале²² и на сессии Совета НАТО в Афинах в мае²³, в открытом — в Мичиганском университете в Анн-Арборе в июне²⁴. В открытом варианте принцип «ограничения ущерба» выглядел следующим образом: «Главной военной целью в случае атомной войны <...> должно быть уничтожение вооруженных сил противника, а не его гражданского населения. Иными словами, мы даем вероятному противнику сильнейший мыслимый стимул воздерживаться от ударов по нашим городам»²⁵. Заявленное «исключение городов» означало не что иное, как нанесение первыми разоружающего удара, что при одновременном развитии ПРО лишило противника возможности осуществить возмездие.

План SIOР-63 вступил в силу 1 августа 1962 г., а 14 сентября с его содержанием был ознакомлен Дж. Кеннеди на специальном брифинге. Именно этот документ был «руководством к действию» во время Карибского кризиса. При этом тот факт, что план не предусматривал иных вариантов, кроме применения ядерных зарядов в количествах, измеряемых тысячами единиц, сыграл двоякую роль. С одной стороны, Дж. Кеннеди пришлось выбирать между урегулированием и глобальной катастрофой, что заставило его отказаться от намерения нанести удар по Кубе. С другой стороны, исход кризиса показал, что только убедительное превосходство в силах и эскалационное доминирование заставляют противника уступать. Поэтому строительство ядерных сил США после 1962 г. продолжилось, причем с нарастающим темпом.

Наращивание стратегических вооружений в первые два года правления Дж. Кеннеди было только подготовкой рывка, начавшегося в 1963 г., уже после кризиса. Внесенный в Конгресс проект

²² Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1963–67 Defense Program and 1963 Defense Budget. February 14, 1962 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand-1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

²³ Statement made on Saturday 5 May by Secretary McNamara at the NATO ministerial meeting in Athens // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB159/usukconsult-16c.pdf> (accessed: 10.03.2023).

²⁴ McNamara R.S. Defense Arrangements of the North Atlantic Community. Address at commencement exercises at the University of Michigan. Ann Arbor, June 16, 1962 // The Department of State bulletin, 1962. Vol. XLVII. No. 1202. P. 67. Available at: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=msu.31293008121679;view=1up;seq=67> (accessed: 10.03.2023).

²⁵ Ibidem.

бюджета на 1964 фин. г. содержал запрос средств на закупку 150 МБР новой модификации Minuteman II (т.е. доведение общего количества до уровня 950 ракет)²⁶. Бюджетная заявка администрации на 1965 фин. г. предусматривала расходы на СЯС в размере 5,3 млрд долл., в том числе на закупку еще 50 МБР Minuteman с доведением общего количества ракет этого типа до 1000 единиц (резервировалась возможность дополнительно развернуть в будущем еще 200–300 МБР). Запрашивались также средства на производство еще 6 ПЛ для доведения их суммарного количества до 41 лодки с 656 БРПЛ Polaris²⁷.

Развертывание СЯС США в соответствии с этими планами велось в 1963–1964 гг. беспрецедентными темпами — в среднем по одной ракете в день и по одной ПЛ в месяц. Последняя, 1000-я МБР Minuteman была поставлена на боевое дежурство 21 апреля 1967 г., 41-я ПЛ с ракетами Polaris вышла на боевую службу 3 октября 1967 г. На этом завершилось ракетное строительство 1960-х годов, определившее облик СЯС США почти до конца холодной войны. Стратегические силы в сжатые сроки достигли уровня в 1710 баллистических ракет наземного и морского базирования и несколько сотен тяжелых бомбардировщиков. Если учитывать снятые к тому времени с вооружения МБР первого поколения, то этот показатель почти вдвое превышал планы администрации Д. Эйзенхауэра. По компонентам триады рост составлял: по МБР — почти в два раза, по числу ПЛ — почти в три раза. Суммарный мегатоннаж СЯС США также почти утроился.

При определении количественных показателей СЯС учитывались оценки американской разведки, согласно которым Советский Союз должен был иметь к концу 1960-х годов от 350 до 650 МБР, что давало США превосходство от двукратного до четырехкратного [Freedman,

²⁶ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1964–68 Defense Program and 1964 Defense Budget. April 24, 1963 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19641968DefenseProgramand1964DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

²⁷ Statement of Secretary of Defense Robert S. McNamara before a Joint Session of the Senate Armed Services Committee and the Senate Subcommittee on Department of Defense Appropriations on the Fiscal Year 1965–69 Defense Program and 1965 Defense Budget. February 3, 1964 // Internet Archive. Available at: <https://archive.org/details/RobertSMcNamaraFiscalYear19651969DefenseProgramand1965DefenseBudget> (accessed: 10.03.2023).

1977: 101]. При том уровне точности, которые имели тогда МБР, это гарантировало нанесение по СССР обезоруживающего удара, что и требовалось для реализации концепции ядерного сдерживания, получившей название «ограничение ущерба».

В Советском Союзе при анализе итогов кризиса был, видимо, сделан тот же самый вывод: только превосходство в силах заставляет противника отступить. Из этого вытекала задача скорейшего достижения стратегического паритета с США, что потребовало вновь пересмотреть ранее принятые военно-технические решения. Предложение «сложить все яйца в одну корзину» — сделать ставку на создание мощных тяжелых ракет — было связано с определенным риском. Относительно небольшое количество таких ракет могло быть уничтожено внезапным ударом противника, имевшего значительное количественное превосходство. Ликвидировать эту опасность можно было либо повышением живучести тяжелых МБР, что было возможно технически, но стоило очень дорого, либо разработкой более дешевых, но то же время живучих ракет для массового развертывания. В итоге политическое руководство СССР выбрало смешанный вариант структуры РВСН, в котором сочетались тяжелые и легкие МБР, шахтные пусковые установки и мобильные ракетные комплексы. Эта структура сохраняется и в настоящее время.

Поскольку создание «советской Minuteman» (ракеты РТ-2) затягивалась, было принято иное решение — «Minuteman по-советски» — массовое развертывание легких МБР УР-100 на жидком топливе. Процесс этот начался в ноябре 1966 г., а наиболее высокими темпами шел в 1967 г., когда в состав РВСН было введено 290 ракет УР-100 и 78 ракет Р-36 [Ракетный щит Отечества, 1999: 80], т.е. в среднем по одной ракете в день — как в США в 1963–1964 гг. В результате в 1968 г. по количеству МБР СССР сравнялся с США, развернув к тому времени 1010 ракет [Ракетный щит Отечества, 1999: 80].

После достижения паритета у сторон наконец появился общий интерес в вертикальном измерении ядерного распространения. Его отсутствие в начале 1960-х годов не позволило реализоваться шансу на разрядку после Карибского кризиса. «Соглашение Зорина–Макклоя» по-прежнему лежало в «Комитете 18 государств», но быстро проявилось стремление администрации Дж. Кеннеди увязать разоруженческую проблематику с решением общеполитических задач ведения холодной войны. Выступая 10 июня 1963 г. на выпускной церемонии в Американском университете, президент подчеркнул,

что стремится к достижению «подлинного мира» и в этом интересы США и СССР совпадают. Но при этом он заявил, что «США не пойдут ни на какую сделку с Советским Союзом за счет других народов», пояснив: «...цель политики США — убедить Советский Союз, что он должен позволить каждому народу самому выбирать свое будущее»²⁸. Это означало, что условием реализации идеи всеобщего разоружения должен был стать демонтаж политической системы как в странах Восточной Европы, так и в самом СССР.

Таким образом, реализация идеала разоружения откладывалась на отдаленную перспективу. Советская сторона не могла согласиться на американские условия, но и отказаться от самой цели разоружения также было нельзя, поскольку соответствующее положение было включено в текст Программы КПСС, принятой XXII Съездом в 1961 г. В результате на смену попыткам осуществить идею «всеобщего и полного разоружения» пришел курс на реализацию частных мер по «контролю над вооружениями», шагов, блокирующих гонку вооружений в отдельных измерениях — вертикальном (включающем два компонента: количественный и качественный рост арсеналов) и горизонтальном (пространственное распространение оружия).

В вертикальном измерении достижение стратегического паритета стало основой для выработки первого Договора ОСВ. В горизонтальном измерении общий интерес у двух сверхдержав появился значительно раньше, но с существенным различием в подходах к приоритетам и методам противодействия процессам распространения.

Перспектива расплзания ЯО вызывала всё большее беспокойство у лидеров сверхдержав, ибо появление новых центров силы, входящих в ядерный клуб, несомненно, усиливало дестабилизирующие начала в международных отношениях, увеличивало их непредсказуемость, а главное — подтачивало особые позиции СССР и США. Эта тема после Карибского кризиса стала привлекать к себе всё более пристальное внимание руководства обеих стран, особенно Соединенных Штатов.

Процесс горизонтального распространения ЯО мог существенно изменить соотношение сил в ключевых для интересов США регионах, и это определяло высокий приоритет мер по противодействию

²⁸ Commencement Address at American University in Washington. Washington, D.C., June 10, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-speeches/american-university-19630610> (accessed: 10.03.2023).

в рамках политики администраций Дж. Кеннеди и Л. Джонсона. Обозначив впервые эту проблему в послании Конгрессу в январе 1961 г. (см. ранее), Дж. Кеннеди вернулся к ней в своих публичных речах после Карибского кризиса. Выступая на пресс-конференции 21 марта 1963 г., он представил следующий прогноз: «Меня преследует такое чувство, что если нам не удастся [остановить процесс распространения], то вместо четырех нынешних к 1970 г. в мире может быть 10 ядерных держав, а к 1975 г. — 15 или 20. <...> Существует вероятность, что в 1970-х годах президент США столкнется с миром, в котором 15, или 20, или 25 стран будут обладать ядерным оружием»²⁹. «Чувство», преследовавшее президента, было основано на данных американских разведслужб, вскоре подготовивших специальный доклад «Национальная разведывательная оценка», в котором рассматривались перспективы и разрабатывались первичные варианты противодействия данной тенденции³⁰. Руководители СССР также не скрывали своего беспокойства тенденциями распространения. Об этом, в частности, писал Н.С. Хрущёв в послании, направленном президенту США вскоре после выступления Дж. Кеннеди³¹. И Москву, и Вашингтон особенно беспокоила перспектива вступления в ядерный клуб ФРГ и КНР соответственно.

С точки зрения администрации Дж. Кеннеди появление ЯО у Китая не несло прямой угрозы безопасности США (точнее, эта угроза парировалась потенциалом сдерживания), но могло серьезно изменить политическую ситуацию в одном из ключевых с точки зрения их интересов регионов³². Ядерный потенциал Пекина повы-

²⁹ News conference 52, Washington, D.C., March 21, 1963 // John F. Kennedy Presidential Library and Museum. Available at: <https://www.jfklibrary.org/archives/other-resources/john-f-kennedy-press-conferences/news-conference-52> (accessed: 10.03.2023).

³⁰ National Intelligence Estimate Number 4-63. Likelihood and Consequences of a Proliferation of Nuclear Weapons Systems. June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 10.03.2023).

³¹ Foreign relations of the United States, 1961–1963. Vol. VI: Kennedy-Khrushchev exchanges. Letter from Chairman Khrushchev to President Kennedy. Moscow, October 24, 1962 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v06/d63> (accessed: 10.03.2023).

³² U.S. Department of State Policy Planning Council. Policy Planning Statement on a Chinese Communist Nuclear Detonation and Nuclear Capability (Draft). October 15, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb488/docs/doc%2012%2010-15-63%20johnson%20study.pdf> (accessed: 10.03.2023).

шал для США риски в гипотетическом региональном конфликте, затрудняя реализацию обязательств перед союзниками и снижая эффективность сдерживания. В свою очередь это служило мощным стимулом к приобретению собственного ЯО для таких стран, как Япония, Индия, Австралия, а также для Тайваня.

Средств противодействия этой перспективе и у Вашингтона, и у Москвы было немного, поскольку китайская ядерная программа энергично развивалась и, по оценкам, в 1963 г. уже находилась на финишной прямой. Оставалось два варианта блокирования: либо с помощью международного соглашения о запрете натуральных испытаний, либо силовым воздействием.

Еще в середине 1950-х годов актуальность проблемы ограничения и прекращения ядерных испытаний высветила так называемая термоядерная революция — создание водородного оружия, мощность которого принципиально не ограничена, однако практические шаги были сделаны только после Карибского кризиса, ставшего импульсом для преодоления многолетних разногласий между сторонами. Тогда за возобновление усилий по прекращению ядерных испытаний выступили и США, и СССР, но с разными подходами. Администрация Дж. Кеннеди при этом преследовала двоякую цель. Прежде всего, эта миролюбивая инициатива отвечала интересам подготовки к выборам 1964 г. О значении предвыборных соображений брат президента Р. Кеннеди откровенно говорил советскому послу³³. О второй цели американцы так откровенно не заявляли, но в СССР ее хорошо понимали.

В сфере ядерных вооружений Соединенные Штаты в тот момент имели не только количественное, но и качественное преимущество перед Советским Союзом, однако, по американским оценкам, этот разрыв должен был сокращаться по мере реализации советских программ. Таким образом, прекращение испытаний блокировало возможность совершенствования советского арсенала и консервировало американское превосходство, но руководство СССР всё же приняло политическое решение в пользу запрета, причем полного. В его основе лежало представление о том, что прекращение испытаний станет первым шагом к ликвидации ЯО и в итоге обнулит американское превосходство.

³³ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 83.

Камнем преткновения в достижении договоренности о полном запрете ядерных испытаний (как и вообще в контроле над вооружениями) стала проблема верификации — проверки исполнения положений соглашения его участниками. Выходом из тупика в начале 1960-х годов могло стать промежуточное решение — не полное прекращение ядерных испытаний, а частичное (в космосе, в атмосфере, под водой), проверка которого не представляла серьезных технических трудностей.

Такое решение в начале 1963 г. было большой политической проблемой для советского руководства, публично отстаивавшего позицию о всеобъемлющем запрете испытаний. Урегулирование Карибского кризиса на американских условиях воспринималось в СССР как вынужденное отступление, на чем в то время спекулировали в Пекине в рамках полемики с КПСС.

Согласие вслед за этим на решение крупной международной проблемы на условиях, предлагавшихся США и Великобританией, могло выглядеть как очередное отступление Москвы под давлением Вашингтона. Тем не менее политическая воля руководителей трех держав позволила найти решение.

Сначала президент США Дж. Кеннеди и премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан направили председателю Совета Министров СССР Н.С. Хрущёву идентичные послания, в которых выразили готовность прислать в Москву своих специальных представителей для выработки компромиссного решения. Следует отметить, что в рассматриваемый период заметную роль в выработке и реализации подходов к ограничению вооружений продолжала играть Великобритания. Это проявилось и в московских переговорах 1963 г., и в последующем — при выработке проекта ДНЯО и усилиях по вовлечению в договор наиболее очевидных кандидатов на вступление в ядерный клуб (см. ниже).

Хотя внешне это выглядело как ослабление биполярности, участие Лондона отвечало интересам и Вашингтона, и Москвы. Для США это было демонстрацией особых отношений с наиболее близким союзником, а с точки зрения СССР такой формат можно было интерпретировать как возрождение «Большой тройки» 1943–1945 гг., формировавшей новый мировой порядок, т.е. решение насущных проблем международной безопасности не выглядело «сговором двух сверхдержав», что также было важно в полемике с Пекином.

Своим представителем на переговорах в Москве Дж. Кеннеди назначил заместителя государственного секретаря А. Гарримана; инструкции ему были утверждены после совещания Совета национальной безопасности под руководством президента 10 июля 1963 г.³⁴ Великобританию представлял министр науки и технологий лорд Хейлшем. Переговоры состоялись в Москве в июле — начале августа. В их ходе советская сторона сняла свое условие об увязке будущего договора с заключением соглашения между военными блоками в Европе, было также решено оставить за скобками самый сложный вопрос — о верификации [Смирнов, Тимербаев, 2001].

Сделанные уступки позволили прийти к соглашению о запрете ядерных испытаний в трех сферах. В результате Договор был подписан 5 августа 1963 г. и действует до сих пор³⁵. По оценке МИД России, он «стал первым шагом на пути сдерживания гонки ядерных вооружений, за которым последовали многие другие»³⁶. Следует отметить, что среди участников Договора в настоящее время — такие государства, как Израиль, Индия и Пакистан (не подписавшие ни ДНЯО, ни Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ)), но он до сих пор не подписан двумя официальными ядерными державами — Францией и КНР.

Поскольку привлечь Пекин к обсуждению проблемы ядерных испытаний в 1963 г. не удалось (там вполне справедливо усматривали в этом попытку сверхдержав заблокировать реализацию китайской ядерной программы), в Вашингтоне начали рассматривать и иные

³⁴ Foreign Relations of the United States. 1961–1963. Vol. VII. Arms Control and Disarmament. Instructions for the Under Secretary of State for Political Affairs (Hariman). July 10, 1963 // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d319> (accessed: 10.03.2023); Memorandum for the Record. July 10, 1963 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d320> (accessed: 10.03.2023); Memorandum of Conversation. July 10, 1963 // Ibidem. Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1961-63v07/d321> (accessed: 10.03.2023).

³⁵ Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Москва, 5 августа 1963 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/international_safety/disarmament/1762782/ (дата обращения: 10.03.2023).

³⁶ Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на церемонии открытия памятной доски на Доме приемов МИД России, Москва, 1 декабря 2015 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.12.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/video/vistupleniya_ministra/1519398/ (дата обращения: 10.03.2023).

варианты, включая меры силового противодействия, к осуществлению которых предполагалось привлечь Тайвань и СССР [Whitlark, 2021: 62–116].

В США, не зная подробностей, в целом представляли ту роль, которую играл Советский Союз в создании оборонных отраслей промышленности Китая, и рассчитывали этим воспользоваться, полагая, что Москва не только заинтересована в отсрочке вступления КНР в ядерный клуб, но и располагает ценной информацией.

В этом свете совершенно неслучайным выглядит назначение представителем США на московских переговорах по ядерным испытаниям в июле 1963 г. именно А. Гарримана — опытного дипломата, хорошо известного в Советском Союзе благодаря своей деятельности во время Великой Отечественной войны, которому можно было доверить деликатную миссию. Кроме того, сам А. Гарриман был сторонником сотрудничества с СССР в противодействии китайской ядерной программе, о чем свидетельствуют предложения, подготовленные им для Дж. Кеннеди³⁷.

Пытаясь привлечь Москву на свою сторону, в Вашингтоне рассчитывали достичь сразу двух целей: чужими руками ликвидировать ядерную программу Пекина и углубить советско-китайские противоречия, оставаясь при этом в стороне. Это хорошо понимали руководители СССР, считавшие, что трудности во взаимодействии с КНР временные, а участие в предлагаемых американцами операциях может перечеркнуть надежды на восстановление отношений, а значит, и единства в мировом коммунистическом движении. Таким образом, Советский Союз выступал за контрраспространение, но не любой ценой. Кроме того, с точки зрения Москвы, главной угрозой тогда было приобщение к ЯО не Китая, а ФРГ, в том числе через МЯС НАТО, но никаких встречных шагов, способных снять эту озабоченность, Вашингтон в то время не предлагал.

Советский Союз от сотрудничества с США отказался, а Тайвань существенной помощи оказать не мог, хотя именно с территории острова производились разведывательные полеты самолетов U-2 в целях сбора

³⁷ Under Secretary of State for Political Affairs W. Averell Harriman to President John F. Kennedy, 23 January 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB38/document5.pdf> (accessed: 10.03.2023); Averell Harriman account of meeting with JFK, June 23, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive.files.wordpress.com/2014/12/seaborg-diary-21-june-1963.pdf> (accessed: 10.03.2023).

информации о ходе реализации ядерных и ракетных программ КНР (часть полетов осуществляли пилоты гоминьдановских ВВС).

16 октября 1964 г., произведя свое первое испытание, Китай вступил в ядерный клуб, став пятым его членом. Нельзя сказать, что это было неожиданно, — такое событие прогнозировалось, но оно произошло, когда великие державы были связаны собственными проблемами: США втягивались в войну во Вьетнаме, а в СССР и Великобритании была смена власти. Более важным было не время этого события, а его последствия, а именно многоплановое воздействие на судьбу проблемы нераспространения ЯО.

На пути к ДНЯО и ОСВ

Успех Китая, воспринимавшегося как страна с ограниченными возможностями, подстегнул желание его соседей создать собственное ЯО. В первую очередь это касалось Тайваня, Индии, Японии и Австралии³⁸. В отношении двух последних — своих союзников по военно-политическим блокам — США имели мощный рычаг давления и дали понять руководителям этих государств, что обретение собственного ЯО лишит их американских гарантий безопасности. В итоге, несмотря на ряд колебаний (особенно сильных в Австралии), рычаг сработал и оба государства присоединились к ДНЯО, хотя и не сразу.

В отношении Тайваня администрации Л. Джонсона действовать было сложнее. Просто так лишить его гарантий было невозможно, в том числе по внутривнутриполитическим причинам (наличие «формозской резолюции»). Согласиться на приобретение Тайбэем собственного ЯО также было нельзя. Даже без него политика Чан Кайши могла вовлечь Вашингтон в нежелательный крупный конфликт с КНР. Этими соображениями, например, руководствовался Дж. Кеннеди, когда в июне 1962 г. публично высказался против очередной эскалации в Тайваньском проливе, а по конфиденциальному каналу (через посла в Варшаве) в Пекин была направлена информация о том, что в Вашингтоне не поддержат вылазку Чан Кайши, рассчитывавшего использовать трудности КНР (последствия «Большого скачка») для реализации намерения «вернуться на материк». В итоге Третий тай-

³⁸ National Intelligence Estimate Number 4–63. Likelihood and Consequences of a Proliferation of Nuclear Weapons Systems. June 28, 1963 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/nukevault/ebb401/docs/doc%201.pdf> (accessed: 10.03.2023).

ваньский кризис не состоялся, а он мог сформировать совершенно иной контекст событий вокруг Кубы. Администрации Л. Джонсона приходилось оценивать перспективу ядерного распространения с учетом уже начавшейся эскалации во Вьетнаме (вступление Китая в ядерный клуб почти совпало с Тонкинской резолюцией). В результате дипломатического давления Тайвань дисциплинированно присоединился к ДНЯО в 1969 г.

Убедить Индию не удалось до сих пор. Это государство не только не было связано какой-либо блоковой дисциплиной, но, напротив, выступало одним из лидеров Движения неприсоединения, и соображения престижа и статуса (помимо интересов безопасности) играли не последнюю роль. Престижу Индии был нанесен сильный удар именно Китаем, ее соперником в борьбе за лидерство в «третьем мире». Одержав в 1961 г. крупную политическую победу — ликвидировав силовым путем португальские анклав (что не только поставило точку в колониальной истории, но и показало пример другим), Индия на следующий год потерпела унижительное поражение от Китая в пограничном конфликте, не сумев отстоять суверенитет над частью своей территории. При этом в октябре 1962 г. Дж. Кеннеди не откликнулся на отчаянные призывы о помощи со стороны Дж. Неру, включавшие в том числе просьбу об отправке стратегических бомбардировщиков В-47 [Riedel, 2015].

После закончившейся «вничью» войны 1965 г. всё активнее с Китаем сотрудничал Пакистан, причем для Пекина передача ему ядерных технологий выступала одним из средств закрепления статуса великой державы наряду с прагматическими соображениями о создании сильного противовеса Индии [Сотников, 2003].

Причины заинтересованности индийского руководства в создании собственного ЯО были очевидны для сверхдержав, но эффективными инструментами воздействия на позицию Дели они не располагали. В этих условиях проявила инициативу Великобритания, с одной стороны, сохранявшая тесные связи с индийской элитой, а с другой — еще стремившаяся играть в мировой политике роль, соответствующую статусу великой державы. В качестве средства отвлечения Дели от намерения вступить в ядерный клуб Великобритания предложила участие в проекте многосторонних «Ядерных сил Содружества», сконструированных по образцу МЯС НАТО (другими адресатами этого проекта была Австралия и Пакистан) [Schrafstetter, 2002].

Несмотря на активные дипломатические усилия, предпринимавшиеся Лондоном в 1964–1968 гг., данная инициатива успеха не имела и разделила судьбу своего европейского прототипа, а Индия в итоге стала ядерной державой и до сих остается вне ДНЯО. Несчастливой оказалась и судьба прототипа «Сил Содружества» — программы создания МЯС НАТО, а событием, которое косвенным образом привело к закрытию проекта, стало вступление в ядерный клуб Китая.

Данная программа НАТО была призвана решить двоякую задачу. С одной стороны, она могла способствовать преодолению «кризиса доверия» в альянсе [Пилько, 2007]. С другой стороны, и это хорошо видели в Советском Союзе, проект предполагал «контролируемое приобщение» к ЯО союзников США, не скрывавших свои ядерные амбиции. После вступления в ядерный клуб Франции первое место среди таких союзников занимала ФРГ, второе — Италия [Борисова, 2014].

Проект МЯС НАТО активно продвигался Госдепартаментом США при сопротивлении военного ведомства и Агентства по контролю над вооружениями и разоружению (о причинах сдержанного отношения Министерства обороны и Комитета начальников штабов к МЯС см.: [Kaplan, 2006: 390–396]). В течение 7 лет своего существования (1959–1965) проект претерпел ряд трансформаций, и в окончательной редакции это должна была быть группировка из 25 надводных кораблей-ракетоносцев с 8 ракетами Polaris на каждом. По своему внешнему виду корабли не должны были отличаться от обычных торговых судов, поэтому помимо политических аспектов проект МЯС в таком виде вызывал озабоченность в СССР и по причинам военно-технического порядка. По оценке советских специалистов, подобные корабли, находясь на боевом патрулировании в зонах интенсивного судоходства в Атлантике и на Средиземном море, должны были обладать высокой скрытностью, поскольку их обнаружение и распознавание среди нескольких тысяч других судов, ежедневно находящихся в тех же районах, представляли трудноразрешимую задачу [Васильев, 1997: 26].

Это означало, что НАТО получит 200 зарядов мегатонного класса (половина количества, которое Р. Макнамара позднее озвучил как уровень «неприемлемого ущерба»³⁹), и отслеживать их местонахождение Советскому Союзу будет крайне проблематично. В слу-

³⁹ Remarks by Secretary of Defense Robert McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 26–31.

чае оснащения кораблей МЯС ракетами создававшейся в то время модификации Polaris А3 количество зарядов на них бы утроилось (хотя мощность каждого стала бы меньше). При этом дальность полета ракет возрастала до 4600 км, что отодвигало рубежи пуска от территории СССР и еще больше усложняло противодействие.

Расширение ядерного клуба в 1964 г. дало новый импульс спорам вокруг проекта МЯС. Именно после китайского испытания в октябре 1964 г. у руководства США и СССР возникло понимание, что в интересах обеих стран искать взаимоприемлемое решение проблемы нераспространения ЯО. И явно неслучайно, что именно в это время по данной теме между двумя сверхдержавами начался прямой диалог.

В отличие от предыдущего расширения ядерного клуба, когда в него вступила Франция, ядерной державой стало государство с особой политической и стратегической культурой, придерживавшееся радикального внешнеполитического курса. В 1962 г., во время Карибского кризиса, два лидера смогли договориться с большим трудом и при постоянном риске срыва в эскалацию. При этом неизбежно возникали вопросы: а если бы участников кризиса было больше? Или если бы среди них было такое государство, как маоистский Китай? Подобные вопросы убеждали руководителей обеих сверхдержав в необходимости активизировать усилия по противодействию пространственному распространению ЯО.

Таким образом, если в начале 1960-х годов обе стороны — США и СССР — были заинтересованы в контрраспространении, но не любой ценой, то после 1964 г. Китай убедил их, что договариваться надо уже на любых условиях, причем для Вашингтона речь шла прежде всего о судьбе проекта МЯС НАТО.

Через две недели после китайского испытания, 1 ноября 1964 г., в США решением президента Л. Джонсона была образована специальная рабочая группа — Комитет по ядерному распространению во главе с Р. Гилпатриком (во время Карибского кризиса он был заместителем министра обороны и считается автором идеи морской блокады Кубы). Среди членов группы были также Дж. Макклой и бывший директор ЦРУ А. Даллес. Задачами Комитета были обсуждение новой ситуации, возникшей после вступления КНР в ядерный клуб, и выработка предложений по дальнейшим действиям США.

Свой доклад президенту «Комитет Гилпатрика» представил 21 января 1965 г.⁴⁰

По мнению авторов доклада, китайское испытание показало, что создание ЯО доступно государствам со средними возможностями, но крупными политическими амбициями⁴¹. Следовательно, ситуация с ядерным распространением становилась настолько угрожающей, что настоятельно необходимо было достичь договоренности с Советским Союзом по вопросам противодействия такому развитию событий, но для этого требовалось пойти на серьезную уступку — снять озабоченности СССР в отношении стремлений ФРГ, прикрытием которых служил проект МЯС.

Члены «Комитета Гилпатрика» отмечали, что если условием участия Москвы в выработке договора о нераспространении будет отказ от планов создания ядерных сил НАТО, то с этим следует согласиться. Еще одно предложение касалось диалога с СССР об ограничении ядерных вооружений в двустороннем порядке. Но Л. Джонсон не подписал приложенный к докладу проект президентской директивы и далеко не сразу принял рекомендации рабочей группы.

В борьбе ведомств вокруг проекта МЯС президент в то время склонялся к позиции Государственного департамента, продвигавшего свою идею как оптимальный способ управления ядерными амбициями союзников по НАТО и утверждавшего, что в случае отказа от этого плана ФРГ пойдет на сближение с Францией. Несмотря на убедительность аргументации доклада «Комитета Гилпатрика», идти на уступку Советскому Союзу по ключевому пункту разногласий за счет интересов одного из ближайших союзников в условиях обострения международной обстановки (именно в тот период происходила эскалация Вьетнамской войны) Л. Джонсон был не готов.

Кроме того, большего внимания требовал вызов со стороны СССР, подрывавший основу ядерной стратегии США — убедительное количественное превосходство. Успехи в развитии РВСН ликвидировали как возможность нанесения по Советскому Союзу обезоруживающего удара, так и надежды на «ограничение ущерба» с помощью ПРО.

⁴⁰ A Report to the President by the Committee on Nuclear Proliferation, January 21, 1965 // The National Security Archive. Available at: <https://nsarchive2.gwu.edu/NSAEBB/NSAEBB1/docs/doc07.pdf> (accessed: 10.03.2023).

⁴¹ Ibid. P. 3.

Уроки Карибского кризиса свидетельствовали об актуальности проблемы защиты от ракетного удара, а проведенные в 1961–1962 гг. полигонные испытания создававшейся системы ПРО Nike Zeus показали ограниченность ее возможностей и необходимость применения более совершенных технологий. Вскоре после завершения кризиса, 5 января 1963 г., Р. Макнамара распорядился начать проектирование новой системы, получившей название Nike X [ABM research and development at Bell laboratories..., 1975: 1–50]. В ее состав были введены новые типы радиолокационных станций с фазированными антенными решетками, повышавшие эффективность обнаружения и сопровождения целей, а также второй (ближний) эшелон перехвата со сверхскоростными ракетами Sprint. Перехватчик дальнего эшелона Spartan был заимствован из Nike Zeus, но в новой системе оба типа ракет размещались под землей, в шахтных пусковых установках, поскольку иначе у противника появлялся стимул начать первый ядерный удар с подавления средств ПРО.

Одновременно возникали и новые препятствия. Во-первых, росло количество потенциальных целей в связи с ростом наступательных возможностей противника. Во-вторых, в США уже в 1962 г. была завершена работа по созданию средств преодоления ПРО, а испытания показывали, что обеспечить надежную селекцию боевых блоков и ложных целей невозможно. В результате одновременно росли и оценки стоимости, и сомнения в эффективности не только Nike X, но и возможностей контрсдерживания в целом.

В этой связи Р. Макнамара поручил провести дополнительные расчеты для определения оптимального результата по критерию «стоимость/эффективность» распределения ресурсов между пятью различными программами контрсдерживания: строительство убежищ для населения, система ПРО Nike X, контрсиловые удары по ракетным базам СССР, наступательные операции против советских ПЛ в море, развитие системы противовоздушной обороны Североамериканского континента (NORAD).

Результаты этой работы, известной по имени ее руководителя как «Исследование Кента» (Kent Study) и представленной заказчику в сентябре 1964 г., показали, что ни один из рассмотренных вариантов не дает желаемого уровня «ограничения ущерба» при разумной стоимости, причем включение в анализ перспектив развития СЯС СССР усугубляло ситуацию. Содержание основных результатов исследования (A summary study of strategic offensive and defensive

forces of the U.S. and USSR) изложено в мемуарах его руководителя [Kent, 2008].

Проведенные расчеты возможностей создания эффективной системы ПРО показывали, что все имевшиеся планы не соответствовали приемлемым показателям по критерию «стоимость/эффективность». С одной стороны, это подталкивало Р. Макнамару к прекращению работ по системе ПРО территории страны, с другой — убеждало в необходимости стимулировать создание ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН) как одного из средств преодоления ПРО противника [Buchonnet, 1976: 6]. На пути к принятию первого решения лежали серьезные препятствия — деятельность лоббистов и информация служб американской разведки, снабжавшей Л. Джонсона данными о работах по ПРО в СССР (как ясно сегодня — недостоверными).

Это побудило администрацию Л. Джонсона начать поиски такого варианта решения этой проблемы, который предполагал бы взаимный отказ США и СССР от создания систем ПРО территории страны. В итоге в декабре 1966 г. было принято компромиссное решение — выделить финансирование на создание системы Nike X, но с условием, что освоение средств будет начато только после того, как выяснится реакция Москвы на предложение обсудить ограничение систем ПРО. Такое намерение было озвучено администрацией Л. Джонсона в январе 1967 г. Удобный случай для прямого диалога руководителей двух стран представился в июне, когда на чрезвычайную сессию Генеральной Ассамблеи ООН, созванную в связи с Шестидневной войной на Ближнем Востоке, прибыл председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин.

Важной, хотя и промежуточной вехой на этом пути стала советско-американская встреча в Гласборо (июнь 1967 г.). Р. Макнамара изложил главам двух государств свое понимание стратегической стабильности и попытался убедить А.Н. Косыгина в нецелесообразности создания ПРО территории страны и соответственно — о целесообразности договорного ограничения или вообще запрета таких систем. А.Н. Косыгин, однако, не имел полномочий для переговоров по этой теме, и встреча закончилась безрезультатно. Тем не менее глава правительства СССР учел аргументацию Р. Макнамары, о чем свидетельствует состоявшаяся вскоре после его возвращения из США ревизия положения дел с ПРО в Советском Союзе [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 296].

Нежелание советского руководства немедленно начать переговоры и тем более отказаться от своих работ по ПРО поставило демократическую администрацию США в сложное положение. От системы Nike X надо было отказываться, но просто так в одностороннем порядке закрыть проект, имевший политическую привлекательность и лоббистскую поддержку, было невозможно.

На выручку неожиданно пришел Китай, очень вовремя испытавший свою первую водородную бомбу (17 июня — за неделю до советско-американской встречи в Гласборо). В результате в сентябре 1967 г. в Сан-Франциско Р. Макнамара объявил не просто о закрытии Nike X, а об изменении концепции — вместо «плотной» системы ПРО, прикрывающей всю территорию США от советского возмездия, будет создаваться «тонкая» система, рассчитанная на ограниченный удар со стороны КНР⁴².

В Китае действительно в это время энергично развивалась ракетная программа [Тутнова, 2020]. Важной ее вехой стало испытание 27 декабря 1966 г. баллистической ракеты с реальной ядерной головной частью, что также подкрепляло аргументацию Р. Макнамары в пользу переориентации системы ПРО США. Однако в целом возможности Пекина в тот период намеренно завышались. Китай сталкивался с серьезными трудностями, и до приобретения способности доставить ядерный заряд на территорию США было еще далеко.

Как и при создании ЯО, в реализации своей ракетной программы КНР использовала помощь Советского Союза, но руководителем работ был Цянь Сюэсэнь, вернувшийся в Китай в 1955 г. после почти 20 лет учебы и работы в США в Лаборатории реактивного движения, возглавлявшейся Т. фон Карманом [Chang, 1995]. Советский Союз в соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 6 декабря 1957 г. передал Китаю лицензию на производство ракеты Р-2 с дальностью 600 км, а также направил специалистов для освоения ракеты «Дунфэн» в производстве и эксплуатации [Чэнчжи, 2013].

К классу стратегических относилась баллистическая ракета «Дунфэн-2» с дальностью 1200 км, созданная на основе советской ракеты Р-5М. Именно ее модификация была испытана с ядерной боеголовкой в 1966 г., но достигать территории США она не могла. Эта задачу должна была решить МБР «Дунфэн-3», к созданию кото-

⁴² Remarks by Secretary of Defense Robert McNamara, September 18, 1967 // Bulletin of the Atomic Scientists. 1967. Vol. 23. No. 10. P. 26-31.

рой собственными силами приступили в 1961 г. Ракета по уровню технологий и боевым возможностям должна была соответствовать американской Atlas и советской Р-7, но ее создатели столкнулись с неразрешимыми проблемами, и разработка была прекращена [Lewis, Di, 1992]. В результате в Китае избрали путь, отличавшийся от советского и американского, — не параллельное, а последовательное создание БРСД и МБР, постепенное наращивание дальности вплоть до межконтинентальной. Этот подход имел не только техническую, но и политическую подоплеку: противником № 1 считался СССР, угрожать которому можно было и ракетами средней дальности.

Обозначение «Дунфэн-3» было перенесено на БРСД с дальностью 2500 км, принятую на вооружение в 1975 г. [Чэнчжи, 2013]. За ней последовала «Дунфэн-4», имевшая дальность 4750 км и развертывавшаяся с конца 1970-х годов (официально принята на вооружение в 1983 г. [Чэнчжи, 2013]). Наконец, только 18 мая 1980 г. состоялось первое успешное летное испытание на полную дальность МБР «Дунфэн-5», способной достигать континентальной части США.

Угроза со стороны морских СЯС КНР в конце 1960-х годов была еще более эфемерной. Как отмечено нами ранее, китайская сторона, решительно отказавшись от советского предложения о сотрудничестве на море, настояла на реализации собственного варианта. Через полгода после тяжелых переговоров Н.С. Хрущёва с Мао Цзэдуном, 9 января 1959 г., было принято Постановление Совета Министров СССР об обеспечении строительства в КНР подводных лодок проекта 629 [Жарков, 2002: 8–9]. В сентябре 1959 г. комплект подготовленной документации в экспортном варианте был отправлен в Китай. Главным отличием от советских ПЛ такого типа был состав ракетного вооружения. В Китай были отправлены лишь ракеты Р-11ФМ без ядерной боевой части (7 единиц для 2 ПЛ). Все упоминания о более новой БРПЛ Р-13, которой оснащались советские ПЛ данного проекта, исключались из документации. В декабре 1959 г. группа советских специалистов по судостроению прибыла в КНР, и до августа 1960 г. они активно участвовали в строительстве лодок на верфи в г. Даляне (Дальний), а поставки материалов и комплектующих из СССР продолжались и после их отъезда.

Оставшись без помощи советских специалистов, китайские инженеры были вынуждены осуществлять достройку лодок самостоятельно. Столкнувшись при этом с серьезными техническими трудностями, первый корпус они смогли спустить на воду только

в 1965 г. Второй корпус вообще не достраивался и в состав флота не вводился. Главным затруднением оказалось создание собственного ракетного комплекса. Лишь 7 января 1982 г. состоялся первый успешный пуск первой китайской БРПЛ «Цзюлан» [Ray, 2021].

Таким образом, новой системе ПРО США Sentinel, которая должна была прикрыть 17 крупнейших городов страны (в них проживала почти половина американского населения), пришлось бы отражать несуществующую китайскую угрозу (нечто подобное произошло с ПРО США в XXI в., когда роль призрака сыграла мифическая иранская МБР). Тем не менее дело было сделано, призрак китайских ракет спас саму идею ПРО и соответственно заложил основу для будущего подрыва стратегической стабильности. Работы на первом комплексе системы Sentinel в районе Бостона начались уже в 1968 г. [Baucorn, 1992], но смена власти в США привела к очередному переосмотру задач и состава системы.

К тому времени изменилась ситуация в обсуждении проблем нераспространения ЯО. Сопrotивление сторонников МЯС НАТО в администрации Л. Джонсона было сломлено, что открывало путь к согласованию ключевых положений будущего ДНЯО. Проекты этих положений, предлагавшиеся США в течение 1965 — первой половины 1966 г., отвергались Советским Союзом, поскольку формулировки оставляли возможности для приобщения неядерных государств к ЯО через участие в наднациональных группировках, что рассматривали в Москве как путь Западной Германии к обладанию ЯО через участие в МЯС НАТО [Тимербаев, 1999: 236–249]. Переломным в переговорном процессе стал 1966 г., когда были достигнуты принципиальные договоренности между США и СССР по положениям статей I и II будущего соглашения (соответственно обязательства ядерных держав не передавать ЯО кому бы то ни было и неядерных государств — его не принимать). К этому времени администрация Л. Джонсона, выбирая между двумя приоритетами — противодействие ядерному распространению и обязательства перед союзниками, — остановилась окончательно на первом. Союзникам вместо МЯС было предложено участие в Группе ядерного планирования, разработанной министром обороны Р. Макнамарой.

Ключевые формулировки статей I и II были согласованы непосредственно А.А. Громыко в ходе переговоров с Л. Джонсоном и Д. Раском в сентябре–октябре 1966 г., выработка остальных положений затянулась еще на полтора года. В итоге ДНЯО был 1 июля

1968 г. открыт для подписания в Москве, Лондоне и Вашингтоне. Такой формат еще раз подчеркивал особую роль первой тройки ядерного клуба на фоне позиции, занятой остальными его членами (Франция, Китай и Израиль).

Договор не только стал краеугольным камнем современного режима противодействия ядерному распространению, но и создал предпосылки для возобновления диалога двух сверхдержав по проблемам ограничения и сокращения стратегических вооружений. В текст ДНЯО была включена статья VI, которая гласит: «Каждый Участник настоящего Договора обязуется в духе доброй воли вести переговоры об эффективных мерах по прекращению гонки ядерных вооружений в ближайшем будущем и ядерному разоружению, а также о договоре о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем»⁴³.

В день подписания ДНЯО СССР и США выступили с параллельными заявлениями о том, что в ближайшее время возобновят диалог по стратегическим вооружениям. На сентябрь 1968 г. был запланирован визит в Советский Союз Л. Джонсона, которым предполагалось дать старт переговорам. Однако ввод войск ОВД в Чехословакию 21 августа стал для Вашингтона поводом для отмены визита. Тем не менее, как отмечает Г.М. Корниенко, вскоре после публичного объявления о таком решении американской администрации был возобновлен конфиденциальный обмен мнениями в рамках подготовки к будущим переговорам⁴⁴.

В ходе этого обсуждения, состоявшегося в течение октября–ноября 1968 г., были согласованы два главных принципа. Во-первых, было решено, что подход к ограничению стратегических вооружений должен быть комплексным и включать как наступательные, так и оборонительные средства. Во-вторых, договорились, что в результате ограничений и сокращений вооружений ни одна из сторон не должна получить какое-либо преимущество. Именно на этой основе, уже при новой администрации США, 17 ноября 1969 г. в Хельсинки начались переговоры, итогом которых стало

⁴³ Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 г. // Официальный сайт Организации Объединенных Наций. Доступ: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 10.03.2023).

⁴⁴ Корниенко Г.М. Холодная война: свидетельство ее участника. М.: Олма-Пресс, 2001. С. 55.

подписание в Москве 26 мая 1972 г. Временного соглашения ОСВ-1 и Договора по ПРО.

Следует, однако, отметить, что в ходе переговоров по ОСВ была упущена возможность достижения договоренности, которая могла еще более радикально повлиять на международную безопасность. Речь идет об обсуждавшемся варианте одновременного запрета средств ПРО и РГЧ ИН. Сторонником такого «размена» был, в частности, глава делегации США Дж. Смит [Bunn, 1992]. Лоббисты ПРО, однако, оказались сильнее и в США, и в СССР, а одним из аргументов в пользу их позиции вновь стал призрак китайских ракет.

Так, в Советском Союзе уже после начала переговоров, в конце 1969 — начале 1970 г., была проведена очередная оценка перспектив работ в области ПРО. В созданном с этой целью совещании у секретаря ЦК КПСС Д.Ф. Устинова приняли участие представители науки, промышленности и военные [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 298]. Основным результатом состоявшегося обсуждения стало окончательное утверждение мнения о невозможности создания системы ПРО всей территории страны, но решение о свертывании работ по ней не было принято.

Таким образом, в СССР воспроизводилась ситуация, сложившаяся в США к концу 1966 г. Более того, одним из рассматривавшихся предложений было создание «тонкой» системы ПРО, направленной против Китая, подобно американской Sentinel [Системы вооружения ракетно-космической обороны России, 2020: 301]. Очевидно, на появление этого предложения повлияли вооруженные столкновения на советско-китайской границе весной и летом 1969 г., ставшие первым в истории вооруженным конфликтом между двумя ядерными державами, который хоть и имел ограниченный масштаб, но содержал угрозу эскалации [Гончаров, Усов, 2006; Рябушкин, 2020].

Но даже и без радикального варианта с «разменом» ПРО на РГЧ ИН выработанные в ходе переговоров по ОСВ и ПРО документы, а также советско-американские соглашения 1971 и 1973 гг. в совокупности составили неформальный кодекс поведения великих держав в ядерный век и создали условия для разрядки. Основа этого кодекса — просуществовавшая более 50 лет модель контроля над вооружениями, судьба которой должна решиться к 2026 г.

Один из вариантов решения — трансформация модели в многосторонний формат. Такой переход назрел давно. Еще на исходе холодной войны с предложением начать соответствующие переговоры

выступил Советский Союз. Изложенный в заявлении М.С. Горбачёва от 15 января 1986 г. план предусматривал достижение «Глобального нуля» в три этапа к 2000 г.: на первом — 50%-е сокращение СНВ (до уровня в 6000 зарядов), запрещение ядерных испытаний, ликвидация ракет средней дальности в Европе, прекращение Стратегической оборонной инициативы (СОИ); на втором — подключение к процессу сокращения ядерных арсеналов других ядерных держав и полную ликвидацию тактического ЯО; на третьем — «Глобальный ноль». К настоящему времени первый этап инициативы практически выполнен.

Переход к новому формату в современных условиях осложняется не только отсутствием политической воли (КНР уже неоднократно отклоняла предложения подключиться к диалогу по СНВ), но и тем, что существующая модель основана на паритете участников и отражает уже исчезнувшее биполярное противостояние двух сверхдержав. Мировая политика стала сложнее. Более того, биполярность противоречит традиционной китайской картине мира [Жданов, 2005], а роль третьей силы, которую играл Китай в рассматриваемый период, не является случайной и вполне соответствует стратегической культуре страны. Если отсутствие у КНР паритета с США и СССР в период холодной войны еще можно объяснить технико-экономическими причинами, то в настоящее время за этим стоит только осознанный политический расчет.

Отказ от паритета как базового принципа может привести к ситуации начала 1960-х годов, когда договоренности, как сказано ранее, были невозможны. Физическое выражение паритета для многосторонних отношений пока еще теорией не выработано, поэтому простора для дальнейших исследований более чем достаточно, а уроки истории могут быть ценным подспорьем в поисках.

* * *

Спустя 30 лет после окончания холодной войны в ядерной сфере сохраняется биполярность, несмотря на уменьшение отрыва России и США от остальных ядерных держав в результате глубоких сокращений СНВ. При этом такое положение дел сосуществует с формированием многополярной структуры мирового порядка. Можно ли считать это противоречием? Рассмотренные события десятилетия, ставшего ключевым в складывании всех элементов ядерного фактора в мировой политике, свидетельствуют, что биполярность не была «кристально чистой» и в тот период времени.

Холодная война не являлась исчерпывающей характеристикой международных отношений в течение четырех десятилетий XX в., поэтому сверхдержавы были вынуждены учитывать в своей ядерной политике также факторы, не относящиеся к их прямому противостоянию. В рассмотренный период важнейшим из таких факторов стал Китай, выступивший в роли третьей силы.

Начало этому процессу положила перегруппировка в 1958 г. С одной стороны, произошел фактический отказ Великобритании от части своего суверенитета, превращение ее «диады» в элемент единых американско-английских ядерных сил, находящихся под управлением Вашингтона (не в смысле повседневного руководства, а в том, что касается планирования их применения). Прямо противоположные события наблюдались в советско-китайских отношениях. Провал проекта создания совместного флота послужил рубежом, заставившим советскую сторону пересмотреть свою помощь Китаю в ракетно-ядерной сфере. Истоки этого, казалось бы, частного конфликта глубоко коренились в расхождении во взглядах на мироустройство, скрывавшемся за идеологическими спорами.

Вопрос о старшинстве «братьев навек» был напрямую связан с принадлежностью к ядерному клубу. Это означало, что попытки помешать обретению Китаем ядерного статуса будут чреваты острейшим конфликтом. В то же время фундаментальное расхождение во взглядах на мировой порядок существовало и между Пекином и Вашингтоном, что делало противодействие вступлению КНР в ядерный клуб одним из приоритетов политики США. Отклонив предложения, выдвинутые в ходе «миссии Гарримана» в 1963 г., Советский Союз открыл путь к формированию ядерной многополярности.

Вступление КНР в ядерный клуб стало не приращением совокупной мощи социалистических стран, как это представлялось до 1958 г. (по аналогии с парой США–Великобритания), а, наоборот, фактором, усложнявшим принятие решений в сфере ядерного сдерживания как для Москвы, так и для Вашингтона. С обретением Китаем ядерного статуса совпало и завершение первой разрядки, начавшейся после урегулирования Карибского кризиса. Эти события не были связаны напрямую, но очевидно, что новый статус КНР потребовал от двух сверхдержав пересмотра ряда элементов своей ядерной политики.

На смену неудачной попытке в 1963–1964 гг. решить проблему ОСВ на двусторонней основе пришел диалог по проблеме нераспространения, приведший в итоге к заключению ДНЯО. Ни СССР,

ни США не были заинтересованы во вступлении в ядерный клуб вслед за Китаем таких государств, как Индия или Япония, имеющих собственную стратегическую и политическую культуру (значение этого фактора подчеркивали уроки недавнего Карибского кризиса). Ценой ряда уступок (важнейшей из которых был отказ США от проекта МЯС НАТО) удалось частично погасить импульсы, вызванные китайскими ядерными испытаниями. В отношении самой КНР, поскольку контрраспространение не сработало, обе сверхдержавы обратились к контрсдерживанию [см.: Веселов, 2010], чтобы обесценить ее вступление в ядерный клуб, причем США это сделали открыто, заявив новую систему ПРО как «антикитайскую». Таким образом, Пекин фактически спас самую идею ПРО, создание которой к 1967 г. оказалось в тупике и в США, и в СССР. Это имело долгосрочные последствия, сказавшись и на ходе переговоров по ОСВ-1, и на дальнейшей динамике баланса наступательных и оборонительных вооружений.

Отказ в 1958 г. от плана создания совместных с Китаем сил означал, что Советский Союз в достижении паритета с США должен рассчитывать только на себя. Решение этой задачи заняло 10 лет — от развертывания в США пропагандистской кампании демократов под лозунгом «ракетного отставания» (*missile gap*), за которой последовали решения администраций Д. Эйзенхауэра и Дж. Кеннеди по строительству СЯС, до 1968 г., когда Советский Союз догнал Соединенные Штаты по числу МБР [Ракетный щит Отечества, 1999: 80], хотя по-прежнему отставал в морском и воздушном компонентах СЯС.

При этом СССР и США, установив примерное равенство между собой, намного оторвались от остальных ядерных держав в количественном и качественном отношении. Более того, именно в рассматриваемое в настоящей статье десятилетие в обеих странах были созданы системы ПРО, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, а также спутниковая разведка, ставшие реальными атрибутами сверхдержав [Кокошин, 2001].

Одновременно Москва и Вашингтон создали барьер для вступления в ядерный клуб новых членов. И стратегический паритет, и обязательства по статье VI ДНЯО привели их за стол переговоров, в ходе которых третья сила не была «пренебрежимо малой величиной». Начатая при администрации Л. Джонсона политика «наведения мостов» с превращавшимся в самостоятельный центр силы Китаем [Goh, 2004; Xia, 2006; Dobbs, 2010] создала базу, на которой

уже пришедшая к власти республиканская администрация начала использовать китайский фактор для давления на Советский Союз в переговорном процессе⁴⁵.

В современных условиях следует обратить внимание на еще один урок рассматриваемого этапа холодной войны. По оценке Г.М. Корниенко, успех диалога в ходе выработки ДНЯО был обусловлен в том числе тем, что «взаимодействие в рамках многосторонних усилий было менее подвержено негативному влиянию вьетнамского и иных подобных факторов, чем двусторонние советско-американские контакты»⁴⁶.

Опыт переговоров по контролю над вооружениями в период холодной войны свидетельствует также о том, что встречам политиков должны предшествовать совместные мозговые штурмы ученых заинтересованных стран. Выбранный в качестве рубежа 1958 г. был отмечен двумя событиями, имевшими косвенное отношение к рассматриваемой в данной статье теме, но способными послужить ценным примером в настоящее время. В июле–августе в Женеве состоялось международное совещание экспертов по проблеме контроля за ядерными испытаниями [Тимербаев, 1986: 17]. Результаты работы были оформлены в виде совместного доклада экспертов правительствам стран — участниц совещания. В ноябре–декабре там же состоялось совещание экспертов ОВД и НАТО по проблеме внезапного нападения [Хайцман, 1970: 422–429]. В данном случае не удалось достичь поставленной цели — подготовить доклад для правительств, но таким образом была начата дискуссия, в ходе которой были выработаны базовые представления о стратегической стабильности.

Сегодня назрело продолжение дискуссии по проблемам обеспечения стратегической стабильности, например, в составе представителей академических сообществ официальных ядерных держав. Мандатом такого обсуждения можно считать документы, принятые лидерами «пятерки» в 2021 — начале 2022 г. в двустороннем и многостороннем форматах⁴⁷. Следует напомнить, что признание значения стратегической стабильности (поначалу — по умолчанию, без за-

⁴⁵ Добрынин А.Ф. Указ. соч. С. 208–214.

⁴⁶ Корниенко Г.М. Указ. соч. С. 84.

⁴⁷ Совместное заявление Президентов России и США по стратегической стабильности // Официальный сайт Президента России. 16.06.2021. Доступ: <http://www.kremlin.ru/supplement/5658> (дата обращения: 10.03.2023); Совместное заявление лидеров пяти государств, обладающих ядерным оружием, о предотвращении ядерной войны и недопущении гонки вооружений // Официальный сайт Президента

фиксированных в соглашениях формулировок) и лежало в основе переговорного процесса по ОСВ, ПРО и СНВ в период холодной войны. Особенно важно сейчас, что удалось выработать политический документ в формате «ядерной пятерки». Это может стать шагом при формировании благоприятных внешнеполитических условий для начала содержательного обсуждения в новом формате проблем контроля над ядерными вооружениями.

Многосторонний подход к ограничению вооружений существует уже более 100 лет. В 1922 г. был заключен Вашингтонский договор пяти держав по контролю над морскими вооружениями. Его особенность, имеющая параллели в современной ситуации с ЯО, — наличие трех количественных уровней и двух паритетов. В 1923 г. пять государств Центральной Америки заключили соглашение об ограничении численности вооруженных сил, построенное по такому же «квотному» принципу. В конце 1980-х годов аналогичный подход использовали разработчики Договора об обычных вооруженных силах в Европе.

В сфере ядерных вооружений проблему, скорее всего, будет представлять не поиск оптимального распределения квот, а выработка новых форм и способов контроля, поскольку существующие механизмы, включая заложенные в ДСНВ, были разработаны для ситуации паритета двух держав. В поиске новой модели может оказаться полезным опыт Договора по открытому небу с его «квотным» подходом к контрольным мероприятиям.

Поиск решений должен стать предметом возможного международного мозгового штурма. На наш взгляд, в современных условиях представители одного из национальных академических сообществ могут проявить инициативу с тем, чтобы ко времени изменения политического климата уже имелись бы проработанные варианты решения проблем контроля над ядерными вооружениями в новом формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. История и теория международных отношений в Восточной Азии после Второй мировой войны (1945–1995). М.: Конверт — МОНФ, 1997.

России. 03.01.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67551> (дата обращения: 10.03.2023).

2. Борисова К.А. Эволюция политики ФРГ в отношении проблемы распространения ядерного вооружения: от МЯС к ДНЯО (1960–1969 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2014. № 5. С. 86–102.
3. Васильев А.М. Проект «Скорпион» — замаскированные надводные ракетноносцы // Тайфун. 1997. № 4. С. 26–32.
4. Верещага А.Н., Чернышёв А.К. Почему страны стремились к разработке ядерного оружия. Математическое моделирование. Саров: РФЯЦ-ВНИИЭФ, 2019.
5. Веселов В.А. Ядерный фактор в мировой политике: структура и содержание // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2010. № 1. С. 68–90.
6. Гончаров С.Н., Усов В.Н. Переговоры А.Н. Косыгина и Чжоу Эньляя в Пекинском аэропорту // О Китае средневековом и современном / Под общ. ред. А.А. Кокошина. Новосибирск: Наука, 2006. С. 310–328.
7. Жарков В.И. Подводная лодка проекта 629 // Тайфун. 2002. № 3. С. 2–21.
8. Жданов В.Л. «Теория трех миров» Мао Цзэдуна // Политическая наука и политические процессы в Российской Федерации и новых независимых государствах / Отв. ред. К.В. Киселёв. Екатеринбург: УрО РАН, 2005. С. 437–440.
9. Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. М.: УРСС, 2004.
10. История отечественного судостроения: В 5 т. Т. 5: Судостроение в послевоенный период (1946–1991 гг.) / Под ред. И.Д. Спасского. СПб.: Судостроение, 1996.
11. Кирюшкин В.Д. Правда о «Кузькиной матери». Снежинск: РФЯЦ-ВНИИТФ, 2015.
12. Кокошин А.А. Сдерживание во втором ядерном веке. М.: Институт проблем международной безопасности, 2001.
13. Мозжорин Ю.А. 50 лет в ракетно-космической отрасли // Так это было: книга о Юрии Александровиче Мозжорине / Под ред. А.Д. Брусиловского. М.: Международная программа образования, 2000. С. 11–345.
14. Негин Е.А., Смирнов Ю.Н. Делился ли СССР с Китаем своими атомными секретами? // Наука и общество. История советского атомного проекта (40–50-е годы): Труды Международного симпозиума ИСАП-96 / Гл. ред. Е.П. Велихов. М.: ИздАТ, 1997. С. 303–317.
15. Пилько А.В. «Кризис доверия» в НАТО: альянс на пороге перемен (1956–1966). М.: Издательство Московского университета, 2007.
16. Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С.П. Королёва. 1946–1996 / Гл. ред. Ю.П. Семёнов. Королёв: РКК «Энергия», 1996.
17. Ракетный щит Отечества / Под общ. ред. В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999.
18. Рябушкин Д.С. Советско-китайский пограничный конфликт 1969 года. Казань: Бук, 2020.

19. Системы вооружения ракетно-космической обороны России: В 2 т. Т. 1: Системы стратегической противоракетной обороны / Под общ. ред. Ю.И. Борисова. М.: Столичная энциклопедия, 2020.
20. СКБ-385, КБ машиностроения, ГРЦ «КБ им. академика В.П. Макеева» / Под ред. В.Г. Дегтяря. М.: Военный парад, 2007.
21. Скороспелов П.П. «Особый способ осуществления внешней политики путем угрозы войной империалистам». Военно-политическая деятельность Президиума ЦК при Н.С. Хрущеве (1953–1964). Ч. 1 // Восток (Oriens). 2022. № 2. С. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4.
22. Смирнов Ю.Н., Тимербаев Р.М. Первый шаг к благоразумию в ядерном мире. (К истории заключения Московского договора 1963 года о частичном запрещении ядерных испытаний) // Ядерный контроль. 2001. Т. 7. № 1. С. 73–87.
23. Сотников В.И. Ядерная проблема в индийско-пакистанских отношениях (вторая половина XX — начало XXI века). М.: Научная книга, 2003.
24. Тимербаев Р.М. Полное запрещение ядерных испытаний. М.: Наука, 1986.
25. Тимербаев Р.М. Россия и ядерное нераспространение, 1945–1968. М.: Наука, 1999.
26. Тутнова Т.А. Ракетно-космическая деятельность КНР: возрастающая роль в международных отношениях. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.
27. Хайцман В.М. СССР и проблема разоружения. 1945–1959: История международных переговоров. М.: Наука, 1970.
28. Чэнчжи Л. Развитие китайских космических технологий. СПб.: Нестор-История, 2013.
29. Юнгблюд В.Т., Воробьева Т.А. Советско-китайский раскол в американской политике разрядки международной напряженности (1968–1973 гг.) // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 1. С. 47–57.
30. Ядерный мир: новые вызовы режиму ядерного нераспространения / Под ред. Е.Б. Михайленко. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
31. ABM research and development at Bell laboratories. Project history: October 1975. Part I: History of ABM development // The Stanley R. Mickelsen Safeguard Complex. 25.07.2022. Available at: <https://srmsc.org/pdf/004438p0.pdf> (accessed: 10.03.2023).
32. Baucom D.R. The origins of SDI: 1944–1983. Lawrence: University Press of Kansas, 1992.
33. Buchonnet D. MIRV: A brief history of Minuteman and multiple reentry vehicles. Livermore: Lawrence Livermore Laboratory, 1976. Available at: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (accessed: 10.03.2023).

34. Bunn G. Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians. Stanford: Stanford University Press, 1992.

35. Burr W. Sino-American relations, 1969: The Sino-Soviet border war and steps towards rapprochement // Cold War History. 2001. Vol. 1. No. 3. P. 73–112. DOI: 10.1080/713999930.

36. Chang I. Thread of the silkworm. New York: Basic Books, 1995.

37. China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and policy making in the Cold War / Ed. by R.S. Ross. London: Routledge, 1993.

38. Debs A., Monteiro N.P. Nuclear politics: The strategic causes of proliferation. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.

39. The diffusion of military technology and ideas / Ed. by E.O. Goldman, L.C. Eliason. Redwood City: Stanford University Press, 2003.

40. Dobbs C.M. Triangles, symbols, and constraints: The United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China, 1963–1969. Lanham: University Press of America, 2010.

41. Freedman L. US intelligence and the Soviet strategic threat. London; Basingstoke: Macmillan, 1977.

42. Gavin F.J. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation // International Security. 2015. Vol. 40. No. 1. P. 9–46. DOI: 10.1162/ISEC_a_00205.

43. Goh E. Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974: From 'red menace' to 'tacit ally'. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

44. Horowitz M.C. The diffusion of military power: Causes and consequences for international politics. Princeton: Princeton University Press, 2010.

45. Horsburgh N. China and global nuclear order: From estrangement to active engagement. Oxford: Oxford University Press, 2015.

46. Jones M. The official history of the UK strategic nuclear deterrent. Vol. I: From the V-bomber era to the arrival of Polaris, 1945–1964. London: Routledge, 2017.

47. Joyner D.H. International law and the proliferation of weapons of mass destruction. Oxford: Oxford University Press, 2009.

48. Kaplan L.S. History of the office of the secretary of defense. Vol. V: The McNamara ascendancy, 1961–1965. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 2006. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol5.pdf?ver=2014-05-28-133758-613 (accessed: 10.03.2023).

49. Kaplow J.M. Signing away the bomb: The surprising success of the nuclear nonproliferation regime. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

50. Kent G.A. Thinking about America's defense: An analytical memoir. Santa Monica; Arlington; Pittsburgh: RAND Corporation, 2008. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP223.pdf (accessed: 10.03.2023).

51. Lanoszka A. *Atomic assurance: The alliance politics of nuclear proliferation*. Ithaca; London: Cornell University Press, 2018.
52. Lewis J.W., Di H. *China's ballistic missile programs: Technologies, strategies, goals* // *International Security*. 1992. Vol. 17. No. 2. P. 5–40.
53. Lewis J.W., Litae X. *China builds the bomb*. Stanford: Stanford University Press, 1988.
54. Lodgaard S. *Nuclear disarmament and non-proliferation: Towards a nuclear-weapon-free world?* London: Routledge, 2011.
55. Lüthi L.M. *Restoring chaos to history: Sino-Soviet-American relations, 1969* // *The China Quarterly*. 2012. Vol. 210. P. 378–397. DOI: 10.1017/S030574101200046X.
56. Mallard G. *Fallout: Nuclear diplomacy in an age of global fracture*. Chicago: University of Chicago Press, 2014.
57. Marsh G.E. *Crossing the red line: The nuclear option*. London: World Scientific Publishing Co., 2019.
58. Mauroni A. *The rise and fall of counterproliferation policy* // *The Nonproliferation Review*. 2019. Vol. 26. No. 1–2. P. 127–141. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593691.
59. Mehta R.N. *Delaying doomsday: The politics of nuclear reversal*. Oxford: Oxford University Press, 2020.
60. Mukherjee R. *Ascending order: Rising powers and the politics of status in international institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.
61. Narang V. *Strategies of nuclear proliferation: How states pursue the bomb* // *International Security*. 2017. Vol. 41. No. 3. P. 110–150. DOI: 10.1162/ISEC_a_00268.
62. Ray A. *Tracing the undersea dragon: Chinese SSBN programme and the Indo-Pacific*. London: Routledge India, 2021.
63. Riedel B.O. *JFK's forgotten crisis: Tibet, the CIA, and Sino-Indian War*. Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2015.
64. Roberts B.H. *Weapons proliferation and world order: After the Cold War*. Boston: Kluwer Law International, 1996.
65. Schrafstetter S. *Preventing the 'smiling Buddha': British-Indian nuclear relations and the Commonwealth nuclear force, 1964–68* // *Journal of Strategic Studies*. 2002. Vol. 25. No. 3. P. 87–108. DOI: 10.1080/01402390412331302785.
66. Smith B.C., Spaniel W. *Do nonproliferation agreements constrain?* // *Journal of Peace Research*. 2021. Vol. 58. No. 6. P. 1163–1177. DOI: 10.1177/0022343320971355.
67. Spaniel W. *Bargaining over the bomb: The successes and failures of nuclear negotiations*. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
68. Taliaferro J.W. *Defending frenemies: Alliances, politics, and nuclear nonproliferation in US foreign policy*. Oxford: Oxford University Press, 2019.

69. Watson R.J. History of the office of the secretary of defense. Vol. IV: Into the missile age, 1956–1960. Washington, D.C.: Office of the Secretary of Defense, Historical Office, 1997. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol4.pdf (accessed: 10.03.2023).

70. Whitlark R.E. All options on the table: Leaders, preventive war, and nuclear proliferation. Ithaca; New York: Cornell University Press, 2021.

71. Xia Y. Negotiating with the enemy: US-China talks during the Cold War, 1949–1972. Bloomington: Indiana University Press, 2006.

72. Yuan J. External and domestic drivers of nuclear trilemma in Southern Asia: China, India, and Pakistan // Journal for Peace and Nuclear Disarmament. 2022. Vol 5. No. 2. P. 296–314. DOI: 10.1080/25751654.2022.2158700.

73. Zhihua Sh., Xia Y. Between aid and restriction: Changing Soviet policies toward China's nuclear weapons program 1954–60. Working paper № 2 // Nuclear Proliferation International History Project; Woodrow Wilson International Center for Scholars. Washington, D.C., May 2012. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/soviet_policies_twrds_chinas_nuclear_weapons_prgm_-_ver_2.pdf (accessed: 10.03.2023).

REFERENCES

1. Bogaturov A.D. 1997. *Velikie derzhavy na Tikhom okeane. Istoriya i teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii v Vostochnoi Azii posle Vtoroi mirovoi voiny (1945–1995)* [Great powers in the Pacific. History and theory of international relations in East Asia after World War II (1945–1995)]. Moscow, Konvert — MONF Publ. (In Russ.)

2. Borisova K.A. 2014. Evolyutsiya politiki FRG v otnoshenii problemy rasprostraneniya yadernogo vooruzheniya: ot MYaS k DNYaO (1960–1969 gg.) [The evolution of FRG policy on the proliferation of nuclear weapons: From MLF to NPT (1960–1969)]. *Lomonosov History Journal*, no. 5, pp. 86–102. (In Russ.)

3. Vasil'ev A.M. 1997. Proekt 'Skorpion' — zamaskirovannye nadvodnye raketnostsy [The 'Scorpion' project: Camouflaged surface launch platforms]. *Taifun*, no. 4, pp. 26–32. (In Russ.)

4. Vereshchaga A.N., Chernyshev A.K. 2019. *Pochemu strany stremilis' k razrabotke yadernogo oruzhiya. Matematicheskoe modelirovanie* [Why have states strive to develop nuclear weapons. Mathematical modeling]. Sarov. (In Russ.)

5. Veselov V.A. 2010. Yadernyi faktor v mirovoi politike: struktura i sodержanie [Nuclear factor in world politics: Substance and structure]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 1, pp. 68–90. (In Russ.)

6. Goncharov S.N., Usov V.N. 2006. Peregovory A.N. Kosygina i Chzhou En'laya v Pekinskom aeroportu [Talks between A.N. Kosygin and Zhou Enlai at the Beijing Airport]. In: Kokoshin A.A. (ed.). *O Kitae srednevekovom i sovremennom*

menmom [Medieval and contemporary China]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006, pp. 310–328. (In Russ.)

7. Zharkov V.I. 2002. Podvodnaya lodka proekta 629 [Project 629 submarine]. *Taifun*, no. 3, pp. 2–21. (In Russ.)

8. Zhdanov V.L. 2005. ‘Teoriya trekh mirov’ Mao Tzeduna [Mao Zedong’s ‘Three Worlds Theory’]. In: Kisilev K.V. (ed.). *Politicheskaya nauka i politicheskie protsessy v Rossiiskoi Federatsii i novykh nezavisimyykh gosudarstvakh* [Political science and political trends in the Russian Federation and the newly independent states]. Ekaterinburg, UrO RAN Publ., pp. 437–440. (In Russ.)

9. Zinchenko A.V. 2004. *Yadernaya politika Frantsii* [France’s nuclear policy]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

10. Spasskii I.D. (ed.). 1996. *Istoriya otechestvennogo sudostroeniya: V 5 t. T. 5: Sudostroenie v poslevoennyy period (1946–1991 gg.)* [The history of domestic shipbuilding. In 5 vols. Vol. 5: Shipbuilding in the post-war period (1946–1991)]. Saint-Petersburg, Sudostroenie Publ. (In Russ.)

11. Kiryushkin V.D. 2015. *Pravda o ‘Kuz’kinoi materi’* [The truth about ‘Kuzma’s mother’]. Snezhinsk, RFYaTs-VNIITF Publ. (In Russ.)

12. Kokoshin A.A. 2001. *Sderzhivanie vo vtorom yadernom veke* [Deterrence in the second nuclear age]. Moscow, Institut problem mezhdunarodnoi bezopasnosti Publ. (In Russ.)

13. Mozzhorin Yu.A. 2000. 50 let v raketno-kosmicheskoi otrasli [50 years in the rocket and space industry]. In: Brusilovskii A.D. (ed.). *Tak eto bylo: kniga o Yurie Aleksandrovich Mozzhorine* [So it was: A book about Yuri Alexandrovich Mozzhorin]. Moscow, Mezhdunarodnaya programma obrazovaniya Publ., pp. 11–345. (In Russ.)

14. Negin E.A., Smirnov Yu.N. 1997. Delilsya li SSSR s Kitaem svoimi atomnymi sekretami? [Did the USSR share its atomic secrets with China?]. In: Velikhov E.P. (ed.). *Nauka i obshchestvo. Istoriya sovetskogo atomnogo proekta (40–50-e gody): Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma ISAP-96* [Science and society. The history of the Soviet atomic project (40–50-ies): Proceedings of the international symposium ISAP-96]. Moscow, IzdAT Publ., pp. 303–317. (In Russ.)

15. Pil’ko A.V. 2007. ‘Krizis doveriya’ v NATO: al’yans na poroge peremen (1956–1966) [The ‘credibility gap’ within NATO: The alliance on the verge of change (1956–1966)]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)

16. Semenov Yu.P. (ed.). 1996. *Raketno-kosmicheskaya korporatsiya ‘Energiya’ imeni S.P. Koroleva. 1946–1996* [S.P. Korolev rocket and space corporation ‘Energiya’. 1946–1996]. Korolev, RKK ‘Energiya’ Publ. (In Russ.)

17. Yakovlev V.N. (ed.). 1999. *Raketnyi shchit Otechestva* [Missile defense shield of the fatherland]. Moscow, TsIPK RVSNI Publ. (In Russ.)

18. Ryabushkin D.S. 2020. *Sovetsko-kitaiskii pogranichnyi konflikt 1969 goda* [The Soviet-Chinese border conflict of 1969]. Kazan’, Buk Publ. (In Russ.)

19. Borisov Yu.I. (ed.). 2020. *Sistemy vooruzheniya raketno-kosmicheskoi oborony Rossii: V 2 t. T. 1: Sistemy strategicheskoi protivoraketnoi oborony* [Weapon systems of Russia's missile and space defense. In 2 vols. Vol. 1: Strategic missile defense systems]. Moscow, Stolichnaya entsiklopediya Publ. (In Russ.)

20. Degtyar' V.G. (ed.). 2007. *SKB-385, KB mashinostroeniya, GRTs 'KB im. akademika V.P. Makeeva'* [SKB-385, Machine-Building Design Bureau, State Rocket Center 'Academician V.P. Makeev Design Bureau']. Moscow, Voennyi parad Publ. (In Russ.)

21. Skorospelov P.P. 2022. 'Osobyi sposob osushchestvleniya vneshnei politiki putem ugrozy voinoi imperialistam'. *Voenno-politicheskaya deyatel'nost' Prezidiuma TsK pri N.S. Khrushcheve (1953–1964). Chast' 1* [A special form of making foreign policy by the threat of war to imperialists'. A case study of military-political activity of Central committee Presidium under N.S. Khrushchev, 1954–1964. Part 1]. *Vostok (Oriens)*, no. 2, pp. 9–28. DOI: 10.31857/S086919080019661-4. (In Russ.)

22. Smirnov Yu.N., Timerbaev R.M. 2001. *Pervyi shag k blagorazumiyu v yadernom mire. (K istorii zaklyucheniya Moskovskogo dogovora 1963 goda o chastichnom zapreshchenii yadernykh ispytaniy)* [The first step towards prudence in the nuclear world. (History of the conclusion of the 1963 Moscow treaty on partial nuclear test ban)]. *Yadernyi kontrol'*, vol. 7, no. 1, pp. 73–87. (In Russ.)

23. Sotnikov V.I. 2003. *Yadernaya problema v indiisko-pakistanskikh otnosheniyakh (vtoraya polovina XX — nachalo XXI veka)* [The nuclear problem in Indian-Pakistani relations (The second half of the 20th — the beginning of the 21st century)]. Moscow, Nauchnaya kniga Publ. (In Russ.)

24. Timerbaev R.M. 1986. *Polnoe zapreshchenie yadernykh ispytaniy* [Total nuclear-test ban]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

25. Timerbaev R.M. 1999. *Rossiya i yadernoe nerasprostranenie, 1945–1968* [Russia and nuclear non-proliferation, 1945–1968]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

26. Tutnova T.A. 2020. *Raketno-kosmicheskaya deyatel'nost' KNR: vozrastayushchaya rol' v mezhdunarodnykh otnosheniyakh* [China's rocket and space activities: An increasing role in international relations]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

27. Khaitsman V.M. 1970. *SSSR i problema razoruzheniya. 1945–1959: Istoriya mezhdunarodnykh peregovorov* [The USSR and the problem of disarmament. 1945–1959: History of international negotiations]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

28. Chenchzhi L. 2013. *Razvitie kitaiskikh kosmicheskikh tekhnologii* [The development of Chinese space technologies]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (In Russ.)

29. Yungblyud V.T., Vorob'eva T.A. 2018. *Sovetsko-kitaiskii raskol v amerikanskoj politike razryadki mezhdunarodnoi napryazhennosti (1968–1973 gg.)*

[The Soviet-Chinese split in the U.S. policy of détente (1968–1973)]. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, no. 1, pp. 47–57. (In Russ.)

30. Mikhailenko E.B. (ed.). 2017. *Yadernyi mir: novye vyzovy rezhimu yadernogo nerasprostraneniya* [Nuclear world: New challenges for the non-proliferation regime]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta Publ. (In Russ.)

31. *ABM research and development at Bell laboratories. Project history: October 1975. Part I: History of ABM development*. The Stanley R. Mickelsen Safeguard Complex. 25.07.2022. Available at: <https://srmsc.org/pdf/004438p0.pdf> (accessed: 10.03.2023).

32. Baucom D.R. 1992. *The Origins of SDI: 1944–1983*. Lawrence, University Press of Kansas.

33. Buchonnet D. 1976. *MIRV: A brief history of Minuteman and multiple reentry vehicles*. Livermore, Lawrence Livermore Laboratory. Available at: http://www.gwu.edu/~nsarchiv/nsa/NC/mirv/mirv1_1.html (accessed: 10.03.2023).

34. Bunn G. 1992. *Arms control by committee: Managing negotiations with the Russians*. Stanford, Stanford University Press.

35. Burr W. 2001. Sino-American relations, 1969: The Sino-Soviet border war and steps towards rapprochement. *Cold War History*, vol. 1, no. 3, pp. 73–112. DOI: 10.1080/713999930.

36. Chang I. 1995. *Thread of the silkworm*. New York, Basic Books.

37. Ross R.S. (ed.). 1993. *China, the United States and the Soviet Union: Tripolarity and policy making in the Cold War*. London, Routledge.

38. Debs A., Monteiro N.P. 2016. *Nuclear politics: The strategic causes of proliferation*. Cambridge, Cambridge University Press.

39. Goldman E.O., Eliason L.C. (eds.). 2003. *The diffusion of military technology and ideas*. Redwood City, Stanford University Press.

40. Dobbs C.M. 2010. *Triangles, symbols, and constraints: The United States, the Soviet Union, and the People's Republic of China, 1963–1969*. Lanham, University Press of America.

41. Freedman L. 1977. *US intelligence and the Soviet strategic threat*. London, Basingstoke, Macmillan.

42. Gavin F.J. 2015. Strategies of inhibition: US grand strategy, the nuclear revolution, and nonproliferation. *International Security*, vol. 40, no. 1, pp. 9–46. DOI: 10.1162/ISEC_a_00205.

43. Goh E. 2004. *Constructing the U.S. rapprochement with China, 1961–1974: From 'red menace' to 'tacit ally'*. Cambridge, Cambridge University Press.

44. Horowitz M.C. 2010. *The diffusion of military power: Causes and consequences for international politics*. Princeton, Princeton University Press.

45. Horsburgh N. 2015. *China and global nuclear order: From estrangement to active engagement*. Oxford, Oxford University Press.

46. Jones M. 2017. *The official history of the UK strategic nuclear deterrent. Vol. I: From the V-bomber era to the arrival of Polaris, 1945–1964*. London, Routledge.

47. Joyner D.H. 2009. *International law and the proliferation of weapons of mass destruction*. Oxford, Oxford University Press.

48. Kaplan L.S. 2006. *History of the office of the secretary of defense. Vol. V: The McNamara ascendancy, 1961–1965*. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol5.pdf?ver=2014-05-28-133758-613 (accessed: 10.03.2023).

49. Kaplow J.M. 2022. *Signing away the bomb: The surprising success of the nuclear nonproliferation regime*. Cambridge, Cambridge University Press.

50. Kent G.A. 2008. *Thinking about America's defense: An analytical memoir*. Santa Monica, Arlington, Pittsburgh, RAND Corporation. Available at: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/occasional_papers/2008/RAND_OP223.pdf (accessed: 10.03.2023).

51. Lanoszka A. 2018. *Atomic assurance: The alliance politics of nuclear proliferation*. Ithaca, London, Cornell University Press.

52. Lewis J.W., Di H. 1992. China's ballistic missile programs: Technologies, strategies, goals. *International Security*, vol. 17, no. 2, pp. 5–40.

53. Lewis J.W., Litae X. 1988. *China builds the bomb*. Stanford, Stanford University Press.

54. Lodgaard S. 2011. *Nuclear disarmament and non-proliferation: Towards a nuclear-weapon-free world?* London, Routledge.

55. Lüthi L.M. 2012. Restoring chaos to history: Sino-Soviet-American relations, 1969. *The China Quarterly*, vol. 210, pp. 378–397. DOI: 10.1017/S030574101200046X.

56. Mallard G. 2014. *Fallout: Nuclear diplomacy in an age of global fracture*. Chicago, University of Chicago Press.

57. Marsh G.E. 2019. *Crossing the red line: The nuclear option*. London, World Scientific Publishing Co.

58. Mauroni A. 2019. The rise and fall of counterproliferation policy. *The Nonproliferation Review*, vol. 26, no. 1–2, pp. 127–141. DOI: 10.1080/10736700.2019.1593691.

59. Mehta R.N. 2020. *Delaying doomsday: The politics of nuclear reversal*. Oxford, Oxford University Press.

60. Mukherjee R. 2022. *Ascending order: Rising powers and the politics of status in international institutions*. Cambridge, Cambridge University Press.

61. Narang V. 2017. Strategies of nuclear proliferation: How states pursue the bomb. *International Security*, vol. 41, no. 3, pp. 110–150. DOI: 10.1162/ISEC_a_00268.

62. Ray A. 2021. *Tracing the undersea dragon: Chinese SSBN programme and the Indo-Pacific*. London, Routledge India.

63. Riedel B.O. 2015. *JFK's forgotten crisis: Tibet, the CIA, and Sino-Indian War*. Washington, D.C., Brookings Institution Press.

64. Roberts B.H. 1996. *Weapons proliferation and world order: After the Cold War*. Boston, Kluwer Law International.

65. Schrafstetter S. 2002. Preventing the 'smiling Buddha': British-Indian nuclear relations and the Commonwealth nuclear force, 1964–68. *Journal of Strategic Studies*, vol. 25, no. 3, pp. 87–108. DOI: 10.1080/01402390412331302785.

66. Smith B.C., Spaniel W. 2021. Do nonproliferation agreements constrain? *Journal of Peace Research*, vol. 58, no. 6, pp. 1163–1177. DOI: 10.1177/0022343320971355.

67. Spaniel W. 2019. *Bargaining over the bomb: The successes and failures of nuclear negotiations*. Cambridge, Cambridge University Press.

68. Taliaferro J.W. 2019. *Defending frenemies: Alliances, politics, and nuclear nonproliferation in US foreign policy*. Oxford, Oxford University Press.

69. Watson R.J. 1997. *History of the office of the secretary of defense. Vol. IV: Into the missile age, 1956–1960*. Washington, D.C., Office of the Secretary of Defense, Historical Office. Available at: https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/secretaryofdefense/OSDSeries_Vol4.pdf (accessed: 10.03.2023).

70. Whitlark R.E. 2021. *All options on the table: Leaders, preventive war, and nuclear proliferation*. Ithaca, New York, Cornell University Press.

71. Xia Y. 2006. *Negotiating with the enemy: US-China talks during the Cold War, 1949–1972*. Bloomington, Indiana University Press.

72. Yuan J. 2022. External and domestic drivers of nuclear trilemma in Southern Asia: China, India, and Pakistan. *Journal for Peace and Nuclear Disarmament*, vol. 5, no. 2, pp. 296–314. DOI: 10.1080/25751654.2022.2158700.

73. Zhihua Sh., Xia Y. 2012. *Between aid and restriction: Changing Soviet policies toward China's nuclear weapons program 1954–60. Working paper № 2*. Nuclear Proliferation International History Project, Woodrow Wilson International Center for Scholars, Washington, D.C. Available at: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/soviet_policies_twrds_chinas_nuclear_weapons_prgm_-_ver_2.pdf (accessed: 10.03.2023).

Статья поступила в редакцию 22.02.2023; одобрена после рецензирования 01.03.2023; принята к публикации 28.05.2023

The paper was submitted 22.02.2023; approved after reviewing 01.03.2023; accepted for publication 28.05.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92

Научная статья / Research paper

В.А. Кузнецов, В.В. Наумкин*

ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ «СТОЛЕТИЯ+» НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ: НОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

В центре внимания авторов исследования находится комплекс вопросов, связанных с оценкой ключевых трендов развития Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), который был поднят в статье академиков РАН В.Г. Барановского и В.В. Наумкина, увидевшей свет в 2018 г. Авторы ставят перед собой задачу оценить сформулированные в этой статье оценки и прогнозы с точки зрения последних событий в регионе и, отталкиваясь от этого, порассуждать о перспективах развития ситуации в БВСА. В соответствии с такой постановкой задачи в первой части исследования авторы последовательно разбирают основные выводы статьи 2018 г. Показано, какие из выделенных в ней глобальных и региональных трендов сохранили актуальность в современных условиях, а какие нуждаются в серьезном переосмыслении. В частности, отмечено, что тенденция к универсализации региональных политических систем на основе их общей модернизации всё чаще сталкивается с контртенденцией в виде возрождения архаичных социально-политических практик. Еще больше события последних лет отразились на процессах демократизации и на дихотомии трендов глобализации/регионализации. Как подчеркивают авторы, эти изменения не являются полностью непредвиденными, а, напротив, предстают вполне объяснимыми, если взглянуть на них через призму концепции неомодерна. Во второй части статьи представлен анализ современных трендов регионального развития. Показано, что на фоне постепенной деэскалации наиболее острых региональных конфликтов на пространстве

** Кузнецов Василий Александрович — кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения РАН; доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru); Наумкин Виталий Вячеславович — академик РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой региональных проблем факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова; научный руководитель Института востоковедения РАН (e-mail: director@ivran.ru).*

БВСА нарастают центробежные тенденции и усиливается дифференциация политических систем и режимов. В этой связи новое звучание приобретают дискурсы деколонизации и неокOLONIALИЗМА, усиливается роль символической политики.

Ключевые слова: Ближний Восток и Северная Африка, арабский мир, мегатренды, неомодерн, арабский национализм, политический ислам, неокOLONIALИЗМ, деколонизация, глобализация, регионализация, символическая политика, архайзация

Для цитирования: Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92.

Vasilii A. Kuznetsov, Vitalii V. Naumkin

**GLOBAL AND REGIONAL TRENDS
OF THE CENTURY+ IN THE MIDDLE EAST:
A NEW INTERPRETATION**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

The study focuses on a set of issues related to the assessment of key trends in the development of the Middle East and North Africa (MENA), which has been raised in the research published by Russian academicians V.G. Baranovskii and V.V. Naumkin in 2018. The aim of this paper is to reexamine their estimates and forecasts in the light of recent developments and on this basis to take a fresh look at the future of the MENA region. To that end, the first section of the paper revisits the main findings of the 2018 research. It shows which of the global and regional trends outlined there have retained their relevance under modern conditions, and which ones need serious reappraisal. In particular, the authors note that the trend towards the universalization of regional political systems stemmed from their overall modernization is being increasingly counterbalanced by the revival of archaic socio-political practices. The recent developments in the region have had an even greater impact on the process of democratization and the globalization-regionalization dichotomy. The authors argue that these changes were not completely unforeseen; on the contrary, they were anticipated if one looks at them through the lens of neo-modernism. The second section analyzes current trends in regional development. It shows that though the

most acute regional conflicts in the MENA region are gradually de-escalating, centrifugal tendencies are becoming more evident, as heterogeneity of political systems and regimes increases. In this context, the discourses of decolonization and neocolonialism, as well as symbolic politics in general, are gaining a whole new meaning.

Keywords: Middle East and North Africa, Arab world, megatrends, neo-modernism, Arab nationalism, political Islam, neocolonialism, decolonization, globalization, regionalization, symbolic politics, archaization

About the authors: *Vasilii A. Kuznetsov* — PhD (History), Deputy Director for Science, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vasiakuznets@yandex.ru); *Vitalii V. Naumkin* — Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Chair of Regional Issues of World Politics, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University; Scientific Director of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (e-mail: director@ivran.ru).

For citation: Kuznetsov V.A., Naumkin V.V. 2023. Global and regional trends of the century+ in the Middle East: A new interpretation. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 70–92. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92. (In Russ.)

В 2018 г. в журнале «Мировая экономика и международные отношения» вышла статья под названием «Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития» [Барановский, Наумкин, 2018], которая вызвала оживленную реакцию со стороны экспертного сообщества. С той поры минуло лишь около пяти лет, но в течение этого срока в Ближневосточном регионе¹ произошли столь ошеломительные тектонические сдвиги

¹ Обычно разные исследователи по-разному определяют границы данного региона, который мы здесь обозначаем этим сокращенным термином. На самом деле, его территория, как мы считаем, охватывает как собственно Ближний Восток, так и Северную Африку, поэтому корректнее называть его регионом Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА), как это чаще всего принято в академической среде и в профильных организациях и ведомствах. В то же время мы, предпочитая не углубляться в терминологические дебаты, оставляем в стороне термин «Большой Ближний Восток», хотя у него есть свои сторонники, а также более точный «расширенный Ближний Восток»; термин же «Ближний Восток» используем здесь лишь для удобства как сокращенное наименование (включая в него и Иран,

(как в переносном, так и в буквальном смысле, если иметь в виду ужасающее землетрясение в феврале 2023 г. в Турции и Сирии), что сейчас представляется целесообразным снова вернуться к поднятым тогда вопросам, но посмотреть на них под новым углом.

Во-первых, в рамках этой статьи предполагается ретроспективная критическая оценка выводов, сделанных в упомянутой публикации в то, казалось бы, не столь далекое время. Хотя предсказания, пусть и на краткосрочную перспективу, не должны входить в задачи исследователей, последние часто берутся за это неблагодарное дело, поэтому вполне допустимо попытаться определить, какие из оценок авторов статьи 2018 г. оказались с позиций сегодняшнего дня верными, а какие не совсем выдержали проверку временем.

Во-вторых, не опасаясь наступить на те же самые коварные научные грабли, с учетом допущенных недочетов и неточностей (а может, и достижений) хотелось бы порассуждать о такого же рода «ключевых трендах развития», которые обозначились сегодня и имеют шансы сохраниться в будущем (собственно, именно благодаря этому обстоятельству они и становятся трендами и мегатрендами).

Для того чтобы подступиться к решению этой двуединой задачи, представляется целесообразным сначала освежить размышления, опубликованные примерно пять лет назад в «статье-2018», как мы ее будем для краткости называть. С теоретико-методологической точки зрения данное исследование находится на стыке нескольких подходов, включая теорию неомодерна, приверженцем которой является один из соавторов. В то же время второй соавтор предпочитает смешивать на методологической палитре самые разные подходы и концепции, что обеспечивает синергический эффект и позволяет лучше понять архисложную реальность региона [Naumkin, 2005].

Ближний Восток пять лет спустя: прогнозы сбывшиеся и несбывшиеся

Прежде всего, следует прокомментировать заявленный в названии настоящей статьи своеобразный временной «фрэйминг» [подробнее см.: Наумкин, 2011]. Образ «столетия+» неслучаен. Он,

который в отечественной географической традиции относится к Среднему Востоку) [Регионы в современном мире..., 2020; Воскресенский, 2012; Труевцев, 2020; Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022; Арабский кризис и его международные последствия, 2014].

конечно же, отсылает к идеям известного британского историка-марксиста Э. Хобсбаума, который ввел в оборот концепты «долгого XIX века» (от Великой французской революции до Первой мировой войны) и «короткого XX века» (1914–1991) [Хобсбаум, 2004: 7–27]. Авторы «статьи-2018» отталкивались именно от концепта «долгого столетия», стремясь показать, что ход событий в огромном и чрезвычайно разнородном Ближневосточном мегарегионе во многом детерминировался тенденциями, унаследованными от XX в., хотя уже тогда возникал вопрос об их серьезном перереформировании [Барановский, 2016].

Образ «столетия+» призван показать органическую связь системы трендов/мегатрендов, обозначенной в «статье-2018» для 1917–2017 гг., и тенденций последних пяти лет. Именно эти пять лет стали мостиком, через наше настоящее связующим прошлое с будущим, о котором мы поговорим подробнее во второй части данной статьи и который, продолжая указанную логику, возможно, будут называть «сверхкоротким XXI веком», ограничивающимся всего несколькими годами. Впрочем, здесь нам не хотелось бы выступать в роли неких самозванных провидцев.

Для упрощенного обобщения будем исходить из двоичного членения трендовой системы — на глобальные и региональные тренды. В «статье-2018» было использовано более дробное деление. В ней справедливо утверждалось, что на протяжении столетия в регионе Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) обнаруживалось переплетение трендов различных уровней. Наиболее важные из них авторы объединили в два кластера: в одном — глобальные и региональные мегатренды, в другом — долгосрочные, среднесрочные и краткосрочные региональные тренды.

Что касается трендов (и мегатрендов) глобального характера, то из них наибольшее влияние на ближневосточную реальность оказали:

- становление государственности и универсализация политических систем;
- глобализация/регионализация мировой политики;
- изменение роли Запада на мировой арене;
- формирование целостности мировой экономической системы и мирохозяйственная специализация стран и регионов;
- высокая демографическая динамика;
- модернизация и усложнение социальных структур;

- повышение значимости религиозного фактора в общественной жизни и общественном сознании;
- подъем и упадок крупных идеологических течений [Барановский, Наумкин, 2018: 6].

Как показало истекшее пятилетие, некоторые из этих трендов (высокая демографическая динамика, усложнение социальных структур) сохраняют актуальность, другие могут быть дополнены или уточнены (универсализация политических систем, модернизация, изменение роли Запада), а третьи и вовсе стоит пересмотреть.

Так, если на формальном уровне движение к универсализации политических систем и сохраняет значимость сегодня, то содержательное наполнение этой универсализации всё больше пересматривается. Появление и развитие парламентских структур, политических партий и движений, совершенствование электоральных систем, институтов гражданского общества — всё это актуальные реалии региона БВСА. Однако быстрое развитие этих институтов вовсе не отменяет значимости иных: *бай'а* (присяги), родоплеменных связей и соответствующих групп солидарности, конфессиональных сетей и т.п.

Таким образом, обычно ранее увязывавшаяся с универсализацией политических систем модернизация, хотя и сохраняется сегодня как концепт, сопровождается не только сосуществованием, но подчас и ренессансом значительного числа элементов социально-политической архаики.

Еще сложнее дело обстоит с процессом демократизации, который часто соотносят с модернизацией. Став ведущим вектором трансформационного движения в регионе, демократизация демонстрирует свою неоднозначность, вытекающую из трех обстоятельств.

Во-первых, требование демократизации всё больше используется как инструмент давления на региональные государства с целью заставить их согласиться с доминированием глобальных держав, которые позиционируют себя как образцовые демократии. При этом их режимы на самом деле далеко не идеальны и уж, во всяком случае, непригодны для всеобщего распространения. Мы имеем в виду прежде всего США, напористо эксклюзивистская и, по сути, всё более неокOLONIALИСТСКАЯ политическая практика которых в последние годы вызывает отторжение не только у значительной части населения ближневосточных стран, но и у многих в самом

американском обществе, высокую поляризованность которого продемонстрировали события, связанные с движением BLM («Черные жизни значимы») и ожесточенными дискуссиями об историческом наследии страны.

Во-вторых, последние годы вернули нас к тому известному в истории региона и мира опыту, в лоне которого режимы легитимизировали присущий им авторитаризм через формально демократические процедуры.

В-третьих, в условиях конфликтной ситуации, сложившейся в отношениях между, с одной стороны, государствами Запада и, с другой, группой стран, выступающих в качестве его антагонистов, среди которых главная роль принадлежит России и Китаю, первые заговорили о якобы определяющем для этой ситуации мегатренде — противоречии между двумя лагерями: демократии в ее неолиберальной интерпретации и автократии². Ко второму лагерю они относят большинство государств БВСА и с особым рвением — те из них, политика которых не соответствует интересам самого Запада. Это оживляет в памяти времена старой холодной войны (или «холодной войны 1.0»), если рассматривать сегодняшние события как «холодную войну 2.0»). В данном случае речь не идет о том, чтобы отрицать факт столкновения в регионе демократии и авторитаризма, о чем, в частности, ярко писали некоторые наши коллеги. Приведем в пример работу К.М. Труевцева, в которой он делает вывод, что Арабское пробуждение и последовавшая за ним новая волна региональной конфликтности в арабском мире «явственно продемонстрировали обреченность и близкую конечность авторитарных политических систем» (курсив наш) [Труевцев, 2020: 312]. В то же время, по мнению исследователя, перспективы укрепления демократии в регионе БВСА весьма туманны, его будущее политическое развитие сопряжено с множеством угроз, среди которых на первый план выступают возникновение новых конфликтов и реформативное изменение государств.

В простую бинарную схему, рисуемую сторонниками господствующего неолиберального тренда в общественной мысли Запада, плохо вписываются и ряд крупных незападных государств, которые имеют основания рассматривать себя как «государства-цивилизации»

² Никифоров О. В Мюнхене обсудят миропорядок без России // Независимая газета. 16.02.2023. Доступ: https://www.ng.ru/kartblansh/2023-02-16/3_8663_kb.html (дата обращения: 01.03.2023).

[Naumkin, 2021] (к ним в регионе БВСА обычно относят Турцию). Следует ли их считать антагонистами «лагеря демократии»?

Другой важнейший мегатренд, выделявшийся в «статье-2018», был связан с дихотомией глобализации/регионализации, первая часть которой понималась авторами в трех ипостасях: политической, экономической и интеллектуальной. Если политическая ее ипостась была связана с идеей о меняющейся роли Запада в мировой политике, то экономическая — с представлением о формировании целостности мировой экономической системы, а интеллектуальная — с тезисом о подъеме и упадке крупных идеологических движений. Сегодня эти выводы и наблюдения также нуждаются в уточнении.

Собственно, именно взаимоувязанные процессы глобализации и регионализации в свое время и привели к формированию Ближнего Востока как специфического региона, с одной стороны, очевидно выделявшегося на карте мира, а с другой — тесно интегрированного с иными региональными сообществами, прежде всего европейским и шире — западным. Особенности Ближнего Востока были: отсутствие одного доминирующего государства, постоянный дефицит безопасности, эксклюзивизм архитектуры региональной безопасности, низкий уровень региональной интеграции, ресурсная дефицитность, высокая конфликтность, усиливающаяся экономическая дифференциация составляющих его стран и их места в мировом хозяйстве. Слабость экономических и политических механизмов связывания этого пространства повышала значимость ценностных и идеологических факторов — отсюда особая роль арабского языка, ислама и политических идеологий (в первую очередь арабского национализма и политического ислама). При этом необходимость размежевания с Западом подталкивала Ближний Восток к подчеркиванию своей ценностно-смысловой альтернативности более могущественному соседу.

В этой картине события 2020–2022 гг. изменили главное. Политическая глобализация в том виде, в каком она существовала ранее, фактически прекратилась, и возможности возвращения к ней в ближайшей перспективе не просматриваются. Одновременно быстрый переход множества крупнейших мировых экономик к взаиморасчетам в национальных валютах³, «нормализация» санкционных

³Shagina M. Western financial warfare and Russia's de-dollarization strategy. How sanctions on Russia might reshape the global financial system. FIIA Briefing Paper. May

режимов со стороны некоторых государств Запада [Тимофеев, 2018: 36–37] и нарушение логистических цепочек в результате «украинского кризиса» обозначили расшатывание механизмов глобализации экономической. Что же касается интеллектуального компонента, то усилившаяся значимость антиколониальной повестки (см. далее) указывает на возможность распада и единого глобального интеллектуального пространства, на смену которому, вероятно, могут прийти какие-то новые школы мысли, глубоко укорененные в тех или иных культурных традициях (арабо-мусульманской, китайской, индийской и т.д.). В пользу этого свидетельствует наблюдающееся сегодня повышение интереса к незападным методологиям в гуманитарных науках.

На первый взгляд, эти события воспринимаются как «черные лебеди», внезапно меняющие мир на всех уровнях: глобальном (разрушение глобального миропорядка), региональном (изменение места различных регионов, включая Ближневосточный, в мировом хозяйстве, системе логистических связей и мировой политике) и национальном («возвращение государства» в период пандемии и после нее). Однако при более пристальном анализе можно увидеть, что если такие события, как пандемия COVID-19 и разрушительные землетрясения в Турции и Сирии в 2023 г. (их последствия нам еще только предстоит оценить), и были совершенно неожиданными, а эскалировавшие в 2022 г. конфликты (региональный (украинский) и глобальный), хотя и прогнозировались в общих чертах, оказались непредсказуемыми в своих конкретных проявлениях и особенно в степени интенсивности, то социально- и международно-политические последствия всех этих разноплановых событий вовсе не могут считаться непредвиденными. Они, в частности, не только согласуются с основными выводами, которые были сделаны в «статье-2018», но и соответствуют положениям, выдвинутым в нескольких публикациях, посвященных проблеме неомодерна [Кузнецов, 2020а, 2020б, 2019].

В этих работах к основным чертам состояния неомодерна были отнесены: поиск новых единств (на социальном, идейном, политическом и международном уровнях), проблематизация смыслов

2022 // Finnish Institute of International Affairs. P. 7. Available at: https://www.fiaa.fi/wp-content/uploads/2022/05/bp339_western-financial-warfare-and-russias-de-dollarization-strategy.pdf (accessed: 28.02.2023).

и ценностей социально-политического бытия, новая политизация исторической памяти и актуализация проблемы идентичности, рост гетерогенности международно-политических акторов, размывание границ (не только между государствами, но также между внутренней и внешней политикой) при всеобщем стремлении к укреплению суверенитета, нарастающая ирония доминирующих политических дискурсов (отказ от однозначных высказываний, попытки совместить противоположности, цитатность) и, наконец, состояние переходности, неустойчивости как характерная особенность миропорядка. Эти черты неомодерна не только не потеряли актуальности, но и, напротив, в современных условиях раскрылись еще более полно.

Тренды после «столетия+»

На региональном уровне начало второго десятилетия XXI в. ознаменовалось несколькими противоречивыми процессами. С одной стороны, наметилась деэскалация наиболее острых региональных конфликтов: сирийского, ливийского и йеменского. Военная фаза первого из них фактически завершилась с установлением прочного контроля правительства САР над основной территорией страны и различных оппозиционных сил — над отдельными ее частями, где были сформированы: курдская зона Автономной администрации Северной и Восточной Сирии (ААСВС) и контролируемые Турцией три анклава: зоны Временного правительства Сирии (ВПС), Сирийского правительства спасения (СПС) в Идлибе и созданная США «Зона безопасности» вокруг пограничного контрольно-пропускного пункта Ат-Танф. Ливийский конфликт из военной фазы перешел в политическую после достижения соглашений о прекращении огня в контексте решений Берлинской конференции 2020 г. Даже провал политического процесса после срыва выборов в декабре 2021 г. не стал поводом к возобновлению боевых действий. Наконец, в Йемене, несмотря на завершение полугодового перемирия между движением «Ансар Аллах» и правительством в начале октября 2022 г., арабская коалиция заявляет о фактическом сохранении режима деэскалации, хотя ее противники относятся к этим заявлениям с откровенным скепсисом⁴. Обращает на себя

⁴Калима ас-сайид ал-каид 'Абд ал-Малик Бадр ад-Дин ал-Хуси фи аз-зикра ас-наууйа ли-ш-шахид ар-раис Салих ас-самад 1444 г.х. — 2023 [Речь господина глав-

внимание, что ни в одной из трех ситуаций не идет речи не только об окончательном урегулировании конфликта, но и о складывании сколь-либо стабильной военно-политической ситуации.

Отчасти отмеченная деэскалация связана со снижением рискованности внешней политики ряда региональных акторов (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара, ИРИ) и др. В то же время иные державы, напротив, в последние годы начали демонстрировать новую активность как на региональном, так и на глобальном уровне. Прежде всего, это касается Алжира, который после прихода к власти А. Теббуна пытается стремительно восстановить свое положение как ключевого государства Магриба и одного из африканских лидеров, что порождает сразу несколько узлов напряженности в Северной Африке⁵. Усиление дилеммы безопасности и соперничества в алжиро-марокканских отношениях [Zoubir, 2020], происходящее на фоне резкого обострения глобальных противоречий, потенциально способно стать источником новой конфликтности.

Некая зыбкость региональной ситуации становится возможной не только в силу внутренней логики конфликтов или особенностей внешней политики тех или иных государств, но и из-за резко усилившегося расхождения векторов развития четырех субрегионов БВСА: Магриба, Аравийского полуострова, Благодатного полумесяца и Долины Нила. Даже наличие некоторых центростремительных факторов регионального развития в виде Авраамовых соглашений⁶

нокомандующего Абд ал-Малика Бадраддина ал-Хуси по случаю годовщины мученика Салиха ас-Самада] // Аль-Масира. 23.02.2023. Доступ: <https://www.masirahtv.net/post/228964/%28-نص فيديو 29% كلمة السيد القائد-عبد الملك بدير الدين الحوثي في الذكرى السنوية للشهيد-28> (дата обращения: 01.03.2023). (In Arabic.)

⁵ Василенко А.И., Лукьянов Г.В. Международные организации во внешней политике Алжира // РСМД. 25.01.2023. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/mezhdunarodnye-organizatsii-vo-vneshney-politike-alzhira/> (дата обращения: 15.02.2023); Zoubir Y.H. Algeria's foreign policy in the post-Hirak era. Issue brief. September 2022 // Middle East Council on Global Affairs. Available at: https://mecouncil.org/wp-content/uploads/2022/09/MECGA_Issue-Brief-7_Zoubir_Final-Web-1.pdf (accessed: 01.03.2023).

⁶ См. также: Singh M. Axis of Abraham. Arab-Israeli normalization could remake the Middle East // Foreign Affairs. 22.02.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2022-02-22/axis-abraham> (accessed: 01.03.2023). Про критику соглашений см.: Hassan Z., Muasher M. Why the Abraham accords fall short. Sidelineing the Palestinians is a recipe for violence, not peace // Foreign Affairs. 07.06.2022. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/middle-east/why-abraham-accords-fall-short> (accessed: 04.03.2023).

[Звягельская, 2021], с одной стороны, и нового обращения Алжира к палестинской повестке⁷ — с другой не может изменить эту общую тенденцию. Она имеет не только политическое измерение, но и экономическое: в то время как государства, контролирующие ключевые логистические и транспортные узлы, становятся крупнейшими экономическими, иногда — технологическими хабами и военно-политическими центрами (Турция, страны Персидского залива, Египет), положение других на мировой арене, напротив, маргинализируется. Это означает не просто количественный отрыв богатых государств региона от бедных, но и отрыв качественный: если в одних случаях (ОАЭ, Катар и др.) речь идет о переходе к новому технологическому укладу, то в других — об упрощении форм экономической жизни⁸ [Валиахметова, Цуканов, 2022; Матвеев, 2022: 265–278].

Одновременно с этим четыре указанных субрегиона по-разному выстраивают отношения с иными региональными сообществами. Международное положение стран Благодатного полумесяца и Долины Нила остается несколько неопределенным. Однако последовательно укрепляющие свою роль в Азии участники Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в 2022 г. смогли также резко усилить влияние и на европейских рынках углеводородов⁹, что позволяет им в перспективе претендовать на особое место в складывающемся полицентричном миропорядке. В то же время всё более тесно связанный с Европой Магриб оказывается оторван от западной части арабского мира, по меткому выражению К.М. Труевцева, «ливийским рвом».

Вместе с тенденциями к размежеванию между собой различных частей региона появляется и иной тренд — ко всё большей дифференциации политических систем и режимов. И это еще один довод против упомянутой политической универсализации. Так, по мере развития арабских монархий их политические системы всё больше усложняются и становятся непохожими друг на друга. В случаях

⁷ Василенко А.И., Лукьянов Г.В. Указ. соч.

⁸ См. также: Digital trends in the Arab States region 2021: Information and communication technology trends and developments in the Arab States region, 2017–2020 // ITU. Available at: <http://handle.itu.int/11.1002/pub/8184d626-en> (accessed: 25.02.2023).

⁹ Mathews S. 'Trading places': Moscow muscles in on Saudi Arabia's oil sales to Asia // Middle East Eye. 06.12.2022. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/trading-places-moscow-muscles-saudi-arabias-oil-sales-asia> (accessed: 28.02.2023).

ОАЭ, КСА и Катара вместе со сменой поколения политических элит наблюдается усиление роли отдельных лидеров, в то же время в Кувейте довольно ощутимый вес приобрели парламентские институты [Мелкумян, 2021]. В Бахрейне укрепление влияния парламента было приостановлено в 2022 г., когда основные группы оппозиции не были допущены к участию в выборах¹⁰. В арабских республиках ситуация еще более разнообразная. Сложившаяся еще при А. Бутефлике гибридная политическая система Алжира демонстрирует устойчивость и при А. Теббуне, пусть даже результаты всех выборов при обоих президентах и указывают на чрезвычайно низкое доверие общества к власти [Кузнецов, 2022]. В Тунисе, считавшемся маяком Арабского пробуждения, с 2021 г. начался процесс консолидации власти в руках президента¹¹. Рекордно низкая явка на парламентских выборах 2022 г.¹² не помешала пока что осуществлению этого курса. В Египте, напротив, президент А. ас-Сиси запустил процесс амнистии многих противников режима¹³ и объявил о начале национального диалога с оппозицией¹⁴. Кроме того, несмотря на популярность точки зрения о восстановлении при А. ас-Сиси основных параметров политической системы Х. Мубарака, реальность показывает нечто иное. При действующем президенте принципиально меньше роль технократи-

¹⁰ ‘The entire political process is fraudulent’. A legal and political study of the 2022 parliamentary elections in Bahrain // Bahrain Institute for Rights & Democracy. November 2022. Available at: <https://birdbh.org/wp-content/uploads/2022/11/The-Entire-Political-Process-is-Fraudulent-A-Legal-and-Political-Study-of-the-2022-Parliamentary-Elections-in-Bahrain-©BIRD.pdf> (accessed: 28.02.2023).

¹¹ Gobe E. Le populisme de Kais Saïed comme cristallisation de la crise du régime parlementaire tunisien [The populism of Kais Saïed as a crystallization of the crisis of the Tunisian parliamentary regime] // HAL SHS. 19.03.2022. P. 14–16. Available at: <https://shs.hal.science/halshs-03613984> (accessed: 19.02.2023). (In French.)

¹² Dahmani F. Record mondial d’abstention en Tunisie: Cinq questions pour comprendre les résultats des législatives [World record of abstention in Tunisia: Five questions to understand the results of the legislative elections] // Jeune Afrique. 20.12.2022. Available at: <https://www.jeuneafrique.com/1402104/politique/record-mondial-dabstention-en-tunisie-cinq-questions-pour-comprendre-les-resultats-des-legislatives/> (accessed: 28.02.2023). (In French.)

¹³ Dawoud K. Egyptian ‘national dialogue’ will kick off amid difficult domestic situation // MEI@75. 20.10.2022. Available at: <https://www.mei.edu/publications/egyptian-national-dialogue-will-kick-amid-difficult-domestic-situation> (accessed: 25.02.2023).

¹⁴ Egypt’s National Dialogue is for all forces except the faction that resorted to killing: Sisi // Ahram Online. 04.07.2022. Available at: <https://english.ahram.org.eg/News/471062.aspx> (accessed: 25.02.2023).

ческой бюрократии, но больше значение, с одной стороны, армии, а с другой — парламента. Вместе с тем, как отмечает Б. Резерфорд, изменилась и сама основа политического режима, который теперь базируется прежде всего на способности обеспечивать безопасность [Rutherford, 2018]. В Ливане и Ираке политические системы по-прежнему находятся в кризисе и перспективы консолидации власти не просматриваются. Наконец, в Сирии президент Б. Асад демонстрирует способность сохранять всю полноту власти, несмотря на тяжелейшие экономические условия.

Такая пестрая картина политических систем и режимов для Ближнего Востока принципиально нова. Вместе с тем она, как видно, похожа на общерегиональную ситуацию своей зыбкостью, переходностью и видимой неустойчивостью. Эти зыбкость и неустойчивость усиливаются не только из-за специфического состояния международных отношений, но и вследствие особенностей социально-политической обстановки. Отмеченное в тунисском и алжирском случаях отчуждение общества от государства характерно и для других стран. Именно серьезные социальные, экономические и политические разрывы, по всей видимости, заставляют элиты региона прилагать специальные усилия для поиска консолидирующих идеологий. Если в случае с монархиями Персидского залива их роль играют амбициозные стратегии национального развития [Мелкумян, 2019], предлагающие населению образ прекрасного будущего и в некоторых случаях прямо говорящие о ценности национального единства¹⁵, то в других ту же консолидирующую функцию выполняет обращение к теме национализма. Так, широко распространенным египетским лозунгом становится «Наша общая цель — построение современного Египта». В Алжире это утверждение национального единства осуществляется посредством обращения к памяти о колониализме [Monciaud, 2021], в Марокко — через подпитывание ирредентистских

¹⁵ Ру'яя Катар аль-ваганийя 2030 [Национальное видение Катара 2030] // Planning and Statistics Authority. Доступ: https://www.psa.gov.qa/ar/qnv1/Documents/QNV2030_Arabic_v2.pdf#page=13 (дата обращения: 01.12.2022). (In Arabic); Bahrainouna. Available at: https://www.youtube.com/channel/UCWhfGUcbax_ySeDvaUzasKA (accessed: 01.12.2022). (In Arabic); Vision Oman 2040 // Arab National Development Planning Portal. January 2019. Available at: <http://extwprlegs1.fao.org/docs/pdf/oma201987.pdf> (accessed: 10.02.2023); Ру'айа 2030. Ал-Мамлака ал-'арабийи ас-са'удийа [Видение-2030. Королевство Саудовская Аравия] // Vision 2030. Доступ: <https://www.vision2030.gov.sa/ar/v2030/overview/> (дата обращения: 16.07.2022). (In Arabic.)

настроений¹⁶. В целом же можно отметить, что остававшиеся во многих странах региона доминантой общественно-политической жизни в 2010-е годы дискуссии об идентичности и цивилизационном выборе в 2020-е годы сменились повсеместным стремлением к достижению национального согласия на узконационалистической основе. Это в свою очередь означает частичное снижение значимости общей арабской культурно-национальной идентичности, на протяжении десятилетий компенсировавшей слабость механизмов политической и экономической интеграции.

Другим механизмом компенсации в те же годы оставалось представление о принадлежности той или иной страны к исламскому миру, находившее политическое выражение во многом через многообразные организации политического ислама. Проблема заключается в том, что обозначившийся было в 2011 г. успех этого механизма оказался совсем недолгим. Так, хотя в том или ином виде умеренные исламистские и салафитские силы были интегрированы во все политические системы региона (где-то институционально, где-то нет), за исключением Сирии и ОАЭ, нигде они не стали доминирующими, но везде вынуждены были перейти от глобальной исламской повестки к национальной.

С этими не только политическими, но и ценностно-смысловыми изменениями в регионе БВСА связано появление нового тренда, в «статье-2018» не фигурировавшего, но, судя по событиям 2022 г., вполне способного стать одним из доминирующих в среднесрочной перспективе. Речь идет о *трансформации колониальности* (или, как некоторые эксперты говорили еще недавно, *деколониальном повороте*), органично сочетающейся с идеей прекращения интеллектуальной глобализации. Показательно, что в последнее время российские авторы активно разрабатывают эту тему, часто пытаются интерпретировать ее по-новому [Фитуни, Абрамова, 2020; Энтин и др., 2019; Глостанова, 2007, 2020].

Отсутствие упоминания этого мегатренда в «статье-2018» отчасти объясняется тем, что тогда проблема деколонизации еще не принадлежала, как отмечали многие эксперты, к «мейнстриму современного политического дискурса». Вместо нее в фокусе внимания, особенно

¹⁶ El Bouzdani W. Le Sahara oriental de nouveau dans l'actualité: La frontière de l'arbitraire [Eastern Sahara is back in the news: The border of arbitrariness] // MarocHebdo. 03.03.2023. Available at: <https://www.maroc-hebdo.press.ma/sahara-oriental-frontiere-arbitraire> (accessed: 05.03.2023). (In French.)

в западной академической литературе, была «тематика модернизации, европеизации, вестернизации, демократизации, догоняющего развития и встраивания в глобализацию» [Энтин и др., 2019: 124–125]. Однако сейчас в экспертной среде всё чаще признают тот факт, что вместо ожидаемого ослабления рудиментов колониальности в последние годы шел процесс их оживления и даже усиления элементов неокOLONIALИЗМА в форме открытого и явного принуждения. Так, в целях оказания давления на более слабых партнеров или конкурентов государства коллективного Запада во главе с США стали всё более активно использовать весьма обширный репертуар средств, включающий экономические санкции, разного рода провокации, инспирирование заговоров и прямые угрозы применения силы.

Однако хотелось бы подчеркнуть, что происходило и одновременное усиление противоположных тенденций, и это позволяет говорить о неоднозначности указанного мегатренда. Рост субъектности и стремления к суверенности и независимости практически во всех бывших зависимых государствах, теперь явственнее, чем прежде, сопротивляющихся давлению, заметен на всех континентах. В качестве примера можно привести нефтяную политику Саудовской Аравии.

* * *

Сопоставляя наблюдаемые сегодня тренды с тем, о чем говорилось в «статье-2018» и в публикациях по неомодерну, можно попытаться спрогнозировать некоторые направления развития ситуации на Ближнем Востоке в среднесрочной перспективе. Разумеется, при этом следует принимать во внимание тот факт, что, пожалуй, наиболее существенной методологической проблемой прогнозирования остается сегодня необходимость оценки масштабов тех явлений, с которыми мы имеем дело, и определения, какие из выделенных тенденций носят конъюнктурный характер, а какие — фундаментальный. По большому счету, успех здесь никогда не может быть гарантирован.

Тем не менее можно с большей или меньшей долей уверенности утверждать, что все те факторы, которые позволяли до сих пор говорить о существовании специфического феномена — региона БВСА, сегодня могут быть поставлены под сомнение. В то же время нарастающее движение ряда ближневосточных государств к укреплению суверенитета в самых разных областях — от военно-политической до

ценностной и культурной, а также провал стратегий модернизации по западному образцу и выраженное стремление к поиску альтернативных путей развития в совокупности с размыванием дихотомии авторитаризма и демократии и ростом политического многообразия указывают на то, что желание стран БВСА дистанцироваться от Запада не только сохранится, но, возможно, и усилится.

Такое дистанцирование, по всей видимости, должно быть связано с новым запросом на идеологию, которая, впрочем, будет пониматься во многом инструментально и ограниченно (не так, как понималась в XX в., но скорее так, как понимается уже сегодня в арабских монархиях Персидского залива). Сегодня на этот запрос отвечает обращение к страновому национализму, однако оно объективно способствует еще большему размежеванию государств региона перед лицом внерегиональных акторов. В случае усиления их давления (через продолжение политики «демократизации» или экономический экспансионизм) эти партикуляристские националистические устремления, вероятно, могут быть уравновешены новыми объединительными концептами, в том числе антиколониальным.

Такая ситуация будет в свою очередь вести к повышению роли символической политики, особенно в зонах конфликтов, новым «войнам памяти» и политической инструментализации истории, подчас нетривиальной. Некоторые подобные тенденции видны уже сегодня. Так, сирийское Министерство вакфов, разрабатывая собственную религиозную доктрину (так называемый *фикх аль-азма*, или фикх кризиса), называет идеологию ваххабизма фашистской. Такая необычная для исламского религиозного дискурса характеристика позволяет описывать адептов этой идеологии как воплощение абсолютного зла. На другом конце арабского мира Марокко и Алжир оказываются втянуты в громкий скандал из-за использования орнамента мишуар в форме алжирских спортсменов, которые должны были выступать на чемпионате мира по футболу в Катаре. При этом ни то обстоятельство, что алжирская сборная в Катаре не поехала, ни то, что этот орнамент был позаимствован из расположенного сегодня на алжирской территории дворца в Тлемсене, скандалу не препятствовали: с марокканской точки зрения, тлемсенское наследие принадлежит исключительно Алауитскому королевству.

Выход на первый план проектов укрепления государственности и национальной консолидации наиболее вероятен в странах с высокой экономической состоятельностью, а также, возможно, в пере-

живающих постконфликтное восстановление, где запрос общества к элитам остается достаточно скромным и ограничивается в основном обеспечением безопасности. Однако в других государствах (Алжире, Тунисе, Ливане, Ираке) объективная база для такого рода стратегии довольно узка, а значит, риски их дестабилизации могут усилиться.

С этим связана угроза возобновления конфликтности и формирования новых очагов противостояния. Помимо ценностно-идеологических факторов этому будут способствовать и некоторые объективные обстоятельства: неурегулированность прежних конфликтов, высокая милитаризация населения, экономические кризисы, ресурсный дефицит и др.

В то же время в тех странах, где избежать негативных сценариев удастся, а также в успешных государствах, по всей видимости, сохранится и усилится курс на усложнение и гибридизацию политических систем, что в целом должно вести к их укреплению. Так, в монархиях ССАГПЗ с высокой вероятностью будет появляться больше современных институтов государственного управления, а в ряде республик могут усилиться традиционные элементы осуществления власти. И то, и другое должно, по идее, стать механизмом преодоления отчужденности общества и государства.

Наконец, в условиях распада регионального единства на историческую авансцену вполне могут выйти единства субрегиональные, особенно это верно для тех случаев, где взаимодействие на уровне субрегиона обеспечивается экономической взаимодополняемостью государств и/или необходимостью создания общих механизмов безопасности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арабский кризис и его международные последствия / Под ред. А.М. Васильева, А.Д. Саватеева, Л.М. Исаева. М.: URSS, 2014.

2. Барановский В.Г. Трансформация системы международных отношений на рубеже XX и XXI вв. // Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: Аспект Пресс, 2016. С. 201–243.

3. Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19.

4. Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / Под ред. И.Д. Звягельской. М.: Аспект Пресс, 2022.

5. Валиахметова Г.Н., Цуканов Л.В. Цифровой вызов для арабского мира: фактор интеграции или дифференциации? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22. № 2. С. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319.

6. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях // Сравнительная политика. 2012. Т. 3. № 2. С. 30–58.

7. Звягельская И.Д. Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности? // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2.

8. Кузнецов В.А. Арабские общества эпохи неомодерна: поиск новых единств // Восток (Oriens). 2020. № 2. С. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1.

9. Кузнецов В.А. Избирательные процессы и уличные протесты в Алжире XXI века: особенности алжирской политической культуры // История. 2022. Т. 13. № 12 (122). Часть I. DOI: 10.18254/S207987840023902-1.

10. Кузнецов В.А. Концепция неомодерна: новые рамки политического бытия. Ближневосточный кейс // Восточный курьер. 2020. № 3–4. С. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9.

11. Кузнецов В.А. От Океана до Залива: идентичность одного региона в условиях неомодерна // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2019. Т. 11. № 2. С. 9–38.

12. Матвеев И.А. Политэкономия Сирии в конфликте: В 2 т. Т. 1: Битва за выживание. М.: Институт востоковедения РАН, 2022.

13. Мелкумян Е.С. Кувейт: внутривосточная ситуация после Арабской весны // Восток (Oriens). 2021. № 3. С. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0.

14. Мелкумян Е.С. Стратегии развития арабских монархий Залива: основные приоритеты // Труды Института востоковедения РАН. 2019. № 26. С. 601–610.

15. Наумкин В.В. «Алжирский транзит» в зоне Магриба — Сахеля: взгляд через призму теорий символической политики и социального движения // Ближний Восток в мировой политике и культуре: избранные статьи, лекции, доклады. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 352–375.

16. Регионы в современном мире: глобализация и Азия. Зарубежное регионоведение / Отв. ред. Е.А. Канаев. СПб.: Алетейя, 2020.

17. Тимофеев И.Н. Экономические санкции как политическое понятие // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 2 (59). С. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42.

18. Глостанова М.В. Критика западного образца глобализации в деколониальном проекте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2007. № 1. С. 5–13.

19. Глостанова М.В. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1 (161). С. 66–84.

20. Труевцев К.М. Глобализация и арабский мир: до и после двух волн турбулентности. М.: Институт востоковедения РАН, 2020.

21. Фитуни Л.Л., Абрамова И.О. Политическая теория деколонизации: императивы современного прочтения // Полис. Политические исследования. 2020. № 6. С. 26–40. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.03.

22. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991). М.: Независимая газета, 2004.

23. Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Новый этап деколонизации: от формальной суверенности к реальной // Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 124–135. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.09.

24. Monciaud D. Le ‘rapport Stora’: Un premier débat sur les enjeux mémoriels // Cahiers d’histoire. Revue d’histoire critique. 2021. Vol. 149. P. 137–161. DOI: 10.4000/chrhc.16509.

25. Naumkin V. Non-West model: Is there such a thing as a civilization state? // Social Sciences. 2021. Vol. 52. No. 1. P. 50–64. DOI: 10.21557/SSC.66175049.

26. Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: Between pen and rifle. Lanham, Boulder, Oxford: Rowman & Littlefield Publishers Inc., 2005.

27. Rutherford B.K. Egypt’s new authoritarianism under Sisi // Middle East Journal. 2018. Vol. 72. No. 2. P. 185–208. DOI: 10.3751/72.2.11.

28. Zoubir Y. The Algerian-Moroccan rivalry: Constructing the imaged enemy // Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa / Ed. by I. Mansour, W.R. Thompson. Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2020. P. 179–200.

REFERENCES

1. Vasil’ev A.M., Savateev A.D. (eds.). 2014. *Arabskii krizis i ego mezhdunarodnye posledstviya* [The Arab crisis and its international consequences]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

2. Baranovskii V.G. 2016. Transformatsiya sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii na rubezhe XX i XXI vv. [Transformation of the international relations system at the turn of the 20th and 21st centuries]. In: Gaman-Golutvina O.V. (ed.). *Politicheskaya nauka pered vyzovami global’nogo i regional’nogo razvitiya*

[Political studies and the challenges of global and regional development]. Moscow, Aspekt Press Publ., pp. 201–243. (In Russ.)

3. Baranovskii V.G., Naumkin V.V. 2018. Blizhnii Vostok v menyayushchemsya global'nom kontekste: klyuchevye trendy stoletnego razvitiya [The Middle East in the changing global context: The key trends of centennial development]. *World Economy and International Relations*, vol. 62, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-3-5-19. (In Russ.)

4. Zvyagel'skaya I.D. (ed.). 2022. *Bor'ba za Vostochnoe Sredizemnomor'e: interesy i ambitsii* [The struggle for the Eastern Mediterranean. Interests and ambitions]. Moscow, Aspekt Press Publ. (In Russ.)

5. Valiakhmetova G.N., Tsukanov L.V. 2022. Tsifrovoy vyzov dlya arabskogo mira: faktor integratsii ili differentsiatsii? [Digital challenge for the Arab world: Integration or differentiation factor?]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya*, vol. 22, no. 2, pp. 303–319. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-2-303-319.

6. Voskresenskii A.D. 2012. Kontseptsii regionalizatsii, regional'nykh pod-sistem, regional'nykh kompleksov i regional'nykh transformatsii v sovremen-nykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh [Concepts of regionalization, regional subsystems, regional complexes and regional transformations in contemporary international relations]. *Comparative Politics*, vol. 3, no. 2, pp. 30–58. (In Russ.)

7. Zvyagel'skaya I.D. 2021. Arabo-izrail'skoe sblizhenie: v poiskakh novoi normal'nosti? [The Arab-Israeli rapprochement: A search for new normality?]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 109–120. DOI: 10.31857/S086919080015114-2. (In Russ.)

8. Kuznetsov V.A. 2020a. Arabskie obshchestva epokhi neomoderna: poisk novykh edinstv [Arab societies of neomodernity: Seeking for new unities]. *Vostok (Oriens)*, no. 2, pp. 28–40. DOI: 10.31857/S086919080009104-1. (In Russ.)

9. Kuznetsov V.A. 2022. Izbiratel'nye protsessy i ulichnye protesty v Alzhire XXI veka: osobennosti alzhirskoi politicheskoi kul'tury [Electoral processes and street protests in 21st century Algeria: Features and traits of Algerian political culture]. *Istoriya*, vol. 13, no. 12 (122), part 1. DOI: 10.18254/S207987840023902-1. (In Russ.)

10. Kuznetsov V.A. 2020b. Kontseptsiya neomoderna: novye ramki politicheskogo bytiya. Blizhnevostochnyi keis [Neomodernity: A new framework for political reality. The Middle Eastern case]. *Oriental Courier*, no. 3–4, pp. 27–43. DOI: 10.18254/S268684310012374-9. (In Russ.)

11. Kuznetsov V.A. 2019. Ot Okeana do Zaliva: identichnost' odnogo regiona v usloviyakh neomoderna [From the Ocean to the Gulf: One region's identity in the context of neomodernity]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 11, no. 2, pp. 9–38. (In Russ.)

12. Matveev I.A. 2022. *Politekonomiya Sirii v konflikte: V 2 t. T. 1: Bitva za vyzhivanie* [The political economy of Syria in conflict: In 2 vols. Vol. 1: The battle for survival]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

13. Melkumyan E.S. 2021. Kuveit: vnutripoliticheskaya situatsiya posle Arab-skoj vesny [Kuwait: Internal political situation after the Arab spring]. *Vostok (Oriens)*, no. 3, pp. 74–84. DOI: 10.31857/S086919080015049-0. (In Russ.)

14. Melkumyan E.S. 2019. Strategii razvitiya arabskikh monarkhii Zaliva: osnovnye priority [Strategy of development of the Arab Gulf monarchies: Major priorities]. *Trudy Instituta vostokovedeniya RAN*, no. 26, pp. 601–610. (In Russ.)

15. Naumkin V.V. 2011. 'Alzhirskii tranzit' v zone Magriba — Sakhelya: vzglyad cherez prizmu teorii simvolicheskoi politiki i sotsial'nogo dvizheniya ['Algerian transit' in the Maghreb-Sahel zone: A look through the lens of theories of symbolic politics and social movement]. In: *Blizhnii Vostok v mirovoi politike i kul'ture: izbrannye stat'i, leksii, doklady* [The Middle East in world politics and culture: Selected papers, lectures, reports]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ., pp. 352–375. (In Russ.)

16. Kanaev E.A. (ed.). 2020. *Regiony v sovremennom mire: globalizatsiya i Aziya. Zarubezhnoe regionovedenie* [Regions in the modern world: Globalization and Asia. Foreign regional studies]. Saint-Petersburg, Aleteiya Publ. (In Russ.)

17. Timofeev I.N. 2018. Ekonomicheskie sanktsii kak politicheskoe ponyatie [Economic sanctions as a concept of power politics]. *MGIMO Review of International Relations*, no. 2 (59), pp. 26–42. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-2-59-26-42. (In Russ.)

18. Tlostanova M.V. 2007. Kritika zapadnogo obraztsa globalizatsii v dekolonial'nom proekte [The critique of the Western image of globalization in decolonial project]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya*, no. 1, pp. 5–13. (In Russ.)

19. Tlostanova M.V. 2020. Postkolonial'nyi udel i dekolonial'nyi vybor: post-sotsialisticheskaya mediatsiya [The postcolonial condition and the decolonial option: A postsocialist mediation]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 1 (161), pp. 66–84. (In Russ.)

20. Truevtsev K.M. 2020. *Globalizatsiya i arabskii mir: do i posle dvukh voln turbulentnosti* [Globalization and the Arab world: Before and after two waves of turbulence]. Moscow, Institut vostokovedeniya RAN Publ. (In Russ.)

21. Fituni L.L., Abramova I.O. 2020. Politicheskaya teoriya dekolonizatsii: imperativy sovremennogo prochteniya [Political theory of decolonization: Essentials of modern reading]. *Polis. Political Studies*, no. 6, pp. 26–40. DOI: 10.17976/jpps/2020.06.03. (In Russ.)

22. Hobsbawm E.J. 1994. *Age of extremes: The short twentieth century, 1914–1991*. Michael Joseph [Russ. ed.: Khobsbaum E. 2004. Epokha krainostei: korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991). Moscow, Nezavisimaya gazeta Publ.].

23. Entin M.L., Entina E.G., Torkunova E.A. 2019. Novyi etap dekolonizatsii: ot formal'noi suverenosti k real'noi [New phase of decolonization: From formal sovereignty to real one]. *Polis. Political Studies*, no. 1, pp. 124–135. DOI: 10.17976/jpps/2019.01.09. (In Russ.)

24. Monciaud D. 2021. Le ‘rapport Stora’: Un premier débat sur les enjeux mémoriels [The ‘Stora report’: A first debate on memorial issues]. *Cahiers d’histoire. Revue d’histoire critique*, vol. 149, pp. 137–161. DOI: 10.4000/chrhc.16509. (In French.)

25. Naumkin V. 2021. Non-West model: Is there such a thing as a civilization state? *Social Sciences*, vol. 52, no. 1, pp. 50–64. DOI: 10.21557/SSC.66175049.

26. Naumkin V. 2005. *Radical Islam in Central Asia: Between pen and rifle*. Lanham, Boulder, Oxford, Rowman & Littlefield Publishers Inc.

27. Rutherford B.K. 2018. Egypt’s new authoritarianism under Sisi. *Middle East Journal*, vol. 72, no. 2, pp. 185–208. DOI: 10.3751/72.2.11.

28. Zoubir Y. 2020. The Algerian-Moroccan rivalry: Constructing the imaged enemy. In: Mansour I., W.R. Thompson (eds.). *Shocks and rivalries in the Middle East and North Africa*. Washington, D.C., Georgetown University Press, pp. 179–200.

Статья поступила в редакцию 09.03.2023; одобрена после рецензирования
19.03.2023; принята к публикации 02.05.2023

The paper was submitted 09.03.2023; approved after reviewing 19.03.2023;
accepted for publication 02.05.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132

Научная статья / Research paper

А.М. Понамарева*

МНЕМОНИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В РОССИЙСКО-СЕРБСКИХ ОТНОШЕНИЯХ: ПРЕДЕЛЫ ВОЗМОЖНОГО

*Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова
Российской академии наук»
117997, Москва, ул. Профсоюзная, 23*

Балканский регион традиционно имеет особое значение для России, при этом в современных условиях Сербия остается одной из немногих европейских стран, потенциально подверженных — в силу сохраняющейся ценностной общности — воздействию российской «мягкой силы». Важным инструментом поддержания этой общности является политика памяти, которая позволяет формулировать объединяющие исторические нарративы, обеспечивать совпадающее восприятие ключевых событий общей истории, оценивать на этой основе текущую ситуацию и рисовать образ желаемого будущего. В то же время такая политика имеет и вполне конкретные объективные ограничения. В статье предпринимается попытка проанализировать устойчивость российско-сербского мнемонического союза. В основе исследования лежит понятие «мнемоническая дипломатия», под которым подразумевается совокупность приемов и методов утверждения, согласования и распространения определенных исторических нарративов, призванных содействовать решению задач внешней политики государства. По мнению автора, краеугольным камнем российско-сербского альянса памяти является прежде всего общность оценок событий Второй мировой войны. В статье обозначены ключевые этапы, внутренние и внешние детерминанты складывания этого мнемонического союза, а также выявлены противоречия и конфликты, которые были присущи данному процессу. В связи с этим автор подчеркивает, что в рамках российско-сербского альянса памяти обе стороны всегда преследовали собственные цели. Так, Сербия стремилась с его помощью повысить свою роль в балканской и, шире, европейской политике, а также укрепить отношения с традиционным геополитическим союзником. Для России этот мнемонический

* Понамарева Анастасия Михайловна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора международных организаций и глобального политического регулирования ИМЭМО РАН (e-mail: amp1982@mail.ru).

союз приобрел особое значение, когда руководство страны взяло курс на трансформацию мирового порядка, сложившегося после окончания холодной войны. Однако именно этот поворот российской внешней политики, наиболее ярко проявившийся с началом специальной военной операции на Украине, резко усложнил положение Сербии, в том числе в области политики памяти, одновременно рельефно обозначив пределы российско-сербского мнемонического союза. Автор заключает, что и эффективность мнемонической дипломатии, и, шире, сама возможность формирования и поддержания мнемонического союзничества зависят в конечном счете от совокупности объективных факторов: наличия тесных экономических связей и взаимной геополитической заинтересованности. Вынесенные за пределы этой комфортной зоны комплементарные исторические нарративы, построенные на обращении к общему наследию, быстро утрачивают силу притяжения.

Ключевые слова: мнемоническая дипломатия, политика памяти, историческая политика, символическая политика, Россия, Сербия, российско-сербские отношения, Западные Балканы, мнемонический союз, политическая идентичность, Вторая мировая война

Для цитирования: Понамарева А.М. Мнемоническая дипломатия в российско-сербских отношениях: пределы возможного // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 93–132. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132.

Anastasiya M. Ponomareva

MNEMONIC DIPLOMACY IN RUSSIAN-SERBIAN RELATIONS: THE LIMITS OF THE POSSIBLE

*Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russia, 117997*

The Balkan region has traditionally been of particular importance for Russia, and currently Serbia remains one of the few European countries potentially exposed, due to ideological affinity, to the influence of Russia's soft power. Memory policy is an important tool in creating and maintaining this affinity because it enables formulation of unifying historical narratives and shared vision of the key events in the common history, thereby providing underpinning for assessments of current developments and for creating an image of the desired future. However, it has its limits and boundaries, and this paper aims at assess-

ing the strength of the Russian-Serbian mnemonic union. The research builds on the concept of 'mnemonic diplomacy', which refers to a set of techniques and methods for the affirmation, coordination and dissemination of certain historical narratives designed to support the state's foreign policy activities. The author argues that the Russian-Serbian memory alliance is based primarily on common assessments of the events of World War II. The paper examines the key stages, internal and external drivers of this mnemonic union development, as well as identifies contradictions and conflicts inherent to this process. The author emphasizes that within the framework of the Russian-Serbian memory alliance both parties have always pursued their own goals. For instance, Serbia sought to use it to increase its weight in the Balkan and, more broadly, European politics, as well as to strengthen relations with its traditional geopolitical ally. For Russia, this mnemonic alliance acquired particular significance when the country's leaders set a course for transforming the post-Cold War world order. However, it was exactly this new turn of Russia's foreign policy whose most visible manifestation was the launch of the special military operation in Ukraine that dramatically complicated Serbia's position, including that in the field of memory politics. At the same time it has revealed the limits of the Russian-Serbian mnemonic union. The author concludes that the effectiveness of mnemonic diplomacy and, more broadly, the very possibility of forming and maintaining mnemonic alliances, ultimately depend on a combination of objective factors, including close economic ties and mutual geopolitical interest. Pushed outside this comfort zone, complementary historical narratives built solely on the appeal to the common heritage quickly lose their power of attraction.

Keywords: mnemonic diplomacy, memory politics, history politics, symbolic politics, Russia, Serbia, Russian-Serbian relations, Western Balkans, mnemonic alliance, political identity, World War II

About the author: Anastasiya M. Ponamareva — PhD (Sociology), Senior Research Fellow, Sector of International Organizations and Global Political Governance, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (e-mail: amp1982@mail.ru).

For citation: Ponamareva A.M. 2023. Mnemonic diplomacy in Russian-Serbian relations: The limits of the possible. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 93–132. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-93-132. (In Russ.)

Российско-сербские отношения, складывавшиеся на протяжении веков и основанные на общности славянских народов и православной веры, всегда зависели от внешнеполитического контекста. В период «европейского концерта» — от отношений России с другими

его участниками; в годы холодной войны — от динамики блоковой конкуренции и умения малых государств играть на противоречиях супердержав; с наступлением затянувшегося на десятилетия «однополярного момента» США — от готовности каждой из сторон поступиться своей идентичностью ради вхождения в «просвещенный» западный мир и, что не менее важно, от готовности этого мира принять «неофитов от демократии», причем в качестве равноправных партнеров.

К сожалению, последующие исторические события подтвердили диагноз норвежского антрополога Ивера Нойманна, озвученный им в книге «Использование “Другого”»: в европейском дискурсе диапазон ролей, отведенных России, ограничивается двумя — «варвара у ворот» или «вечного подмастерья», чье вступление в цех постоянно откладывается, а критерии принятия меняются [Нойманн, 2004]. Курс на сближение с Западом, взятый Россией после окончания холодной войны, себя не оправдал, и, что характерно, первый яркий символический жест, иллюстрировавший внешнеполитическую переориентацию страны, так называемый разворот Е.М. Примакова над Атлантикой¹, оказался связан с началом военной операции НАТО в Союзной Республике Югославия.

Трансформация внешнеполитических приоритетов России нашла отражение в Концепции внешней политики РФ 2000 г.², в которой впервые было зафиксировано намерение страны добиваться формирования многополярной системы международных отношений. В русле этой логики была выдержана Мюнхенская речь В.В. Путина 2007 г., когда президент Российской Федерации пообещал противо-

¹ 24 марта 1999 г. премьер-министр России Е.М. Примаков направлялся с официальным визитом в Соединенные Штаты Америки. Уже в самолете он узнал о том, что силы НАТО во главе с США начали военную операцию против Югославии. Массированные воздушные бомбардировки суверенного европейского государства без какой-либо санкции Совета Безопасности ООН стали примером грубейшего нарушения международного права. Е.М. Примаков приказал развернуть самолет, и правительственный борт вернулся в Москву. Тем самым Россия продемонстрировала солидарность с сербским народом, осудив агрессию Запада в отношении Югославии и отказавшись поддерживать политику НАТО.

² Концепция внешней политики Российской Федерации от 28 июня 2000 г. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов «Кодекс». Доступ: <https://docs.cntd.ru/document/901764263> (дата обращения: 23.01.2023).

действовать расширению НАТО на восток военным путем³. Как отмечает Д.В. Ефременко, «Мюнхенская речь Владимира Путина обозначила переход к определению онтологической безопасности российского общества и государства в системе координат, конфронтационной по отношению к американоцентричному миропорядку, но более привычной и даже комфортной для макрополитического сообщества» [Ефременко, 2022]. В 2008 г. по итогам вооруженного конфликта в Южной Осетии президент России Д.А. Медведев (2008–2012) обозначил принципы выстраивания внешней политики страны, а именно: безусловное признание многополярности мира и первенства основополагающих норм международного права, направленность России на конфронтацию ни с одним государством при сохранении в качестве приоритетных задач защиты жизни и достоинства российских граждан (где бы они ни находились) и соблюдения интересов России в дружественных ей регионах⁴. Многополярность, если опираться на текст новой Концепции внешней политики РФ 2008 г.⁵, подразумевала не просто справедливый мировой порядок, но глобальную безопасность.

Казалось бы, этот подход нашел понимание у Белого дома, и основной парадигмой американо-российских отношений в период первого президентства Б. Обамы (2009–2012) стала «перезагрузка», однако даже на стадии ее расцвета США, по справедливому замечанию известного ученого-международника Ф.Г. Войтоловского, не были готовы предложить России что-то большее, чем новую форму асимметричного партнерства⁶. Таким образом, негативные тенденции в отношениях Москвы и «коллективного Запада», от имени которого говорил преимущественно Вашингтон, стали нарастать задолго до Евромайдана на Украине, но точка невозврата была прой-

³ Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 10.02.2007. Доступ: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴ Шкель Т. Дмитрий Медведев назвал пять принципов внешней политики России // Российская газета. 01.09.2022. Доступ: <https://rg.ru/2008/09/01/principy.html> (дата обращения: 23.01.2023).

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации от 12 июля 2008 г. // Официальный сайт Президента России. Доступ: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (дата обращения: 23.01.2023).

⁶ Чесноков Э. Почему Барак Обама не смог перезагрузить отношения с Россией // Комсомольская правда. 04.08.2021. Доступ: <https://www.kp.ru/daily/28312/4454249/> (дата обращения: 23.01.2023).

дена в 2014 г. Правда, если для западной стороны она была связана с вхождением Крыма в состав РФ, то для России — с намеренным срывом подписанного в Киеве при участии министров иностранных дел Франции, Германии и Польши соглашения, предусматривавшего поэтапный план политического урегулирования в «незалежной». Маховик санкций, запущенный против нашей страны, стал набирать обороты, а события вокруг Донбасса, вылившиеся в гражданскую войну на Украине, окончательно развели Россию и Запад по разные стороны баррикад.

В таких условиях 24 февраля 2022 г. началась специальная военная операция РФ на Украине, которая проводится против численно превосходящего противника, имеющего боевой опыт и получающего снабжение, финансирование, оснащение и разведывательные данные от стран НАТО во главе с США⁷. Можно заключить, что для России соображения онтологической безопасности возобладали над рациональностью дня сегодняшнего и сопутствующие риски были сочтены приемлемыми в контексте борьбы за сохранение статуса великой державы.

Возрастание турбулентности на международной арене, становление «миропорядка Z» [Ефременко, 2022], тот факт, что Балканы были и остаются «пороховой бочкой Европы», представляются достаточными для того, чтобы задаться вопросом об устойчивости российско-сербских отношений и роли механизмов политического использования прошлого в укреплении этой устойчивости. Можем ли мы прогнозировать, что в текущих условиях ценностная общность России и Сербии окажется более значимой, чем институцио-

⁷ В общей сложности только в период с 24 января (когда НАТО объявило о повышении боеготовности своих войск в связи с ситуацией на Украине) по 3 августа 2022 г., по данным проекта Кильского института мировой экономики, объем обязательств западных стран по оказанию военной и финансовой помощи Украине достиг 84,2 млрд евро. В эту сумму включены обязательства 40 государств, в том числе G7 и стран ЕС, обязательства институтов Европейского союза (Европейской комиссии, Совета Европейского союза и Европейского инвестиционного банка), а также Австралии, Новой Зеландии, Норвегии, Южной Кореи, Швейцарии, Турции, Индии, Китая и Тайваня. Данные приводятся по: Kiel working paper No. 2218. The Ukraine support tracker: Which countries help Ukraine and how? // Kiel Institute for the World Economy. February 2023. Available at: https://www.ifw-kiel.de/fileadmin/Dateiv-erwaltung/IfW-Publications/-ifw/Kiel_Working_Paper/2022/KWP_2218_Which_countries_help_Ukraine_and_how_/KWP_2218_Trebesch_et_al_Ukraine_Support_Tracker.pdf (accessed: 23.01.2023).

нальное давление, вынуждающее Белград и дальше продвигаться на пути к интеграции в Европейский союз и НАТО?

Одним из опорных элементов общественно-политического дискурса современных России и Сербии выступает политика памяти в отношении наследия Второй мировой войны, в рамках которой властные элиты обеих стран используют нарратив о победе над национал-социализмом в качестве инструмента внутригосударственной консолидации и дополнительной легитимации собственных решений. Параллельно с этим история героического народного сопротивления «коричневой чуме» (в той своей части, которая ориентирована на внешнюю аудиторию) работает на укрепление сотрудничества между двумя государствами. С учетом комплементарности российского и сербского официальных исторических нарративов в области публичной политики выстраивается своеобразная линия «дипломатии памяти», или мнемонической дипломатии, предполагающая активное сотворчество, а не просто одностороннюю трансляцию собственной оценки событий прошлого наиболее весомым международным игроком.

В рамках настоящей статьи прослеживается формирование российско-сербского альянса памяти о Второй мировой войне⁸, определяется триггер, способствовавший его возникновению, а также обозначаются те преимущества, которые каждая из сторон извлекает из взаимодействия в плоскости мнемонической дипломатии, и те внешние и внутренние факторы, что размывают устойчивость российско-сербского мнемонического союза. Предпринимается попытка ответить на вопрос, способна ли мнемоническая дипломатия оказывать значимое влияние на внешнеполитическую стратегию государства или же она имеет чисто вспомогательное значение, отражая уровень текущих отношений и не более.

⁸ Безусловно, российско-сербское взаимодействие в области «дипломатии памяти» не ограничивается одним лишь вопросом согласования нарративов, касающихся Второй мировой войны. В рамках двусторонних отношений с Сербией активно использовалась тематика Первой мировой войны, что неудивительно, поскольку Россия оказала значительную помощь своей балканской союзнице. Однако с учетом объективных ограничений, связанных с объемом статьи, и роли Второй мировой войны как точки отсчета в становлении Ялтинско-Потсдамского миропорядка и «учредительного события» для всех политических наций евразийского пространства мы сосредоточим свое внимание на рассмотрении именно этого исторического сюжета.

Дать аргументированные ответы на перечисленные вопросы, с точки зрения автора, невозможно без понимания мирополитического контекста взаимодействия официальных Москвы и Белграда, а с учетом очевидной асимметричности двусторонних отношений — без анализа методов борьбы современной России за подтверждение статуса великой державы. Таким образом, еще одной исследовательской задачей настоящей статьи выступает определение той стратегии, которая используется Москвой на этом пути, в том числе на балканском треке.

Методологические основы исследования

Выводы исследования были получены с использованием дискурс-анализа, выполненного на различных типах документов, включая пресс-релизы, тексты политических выступлений, СМИ и т.п. Обращение к дискурс-анализу позволяет прояснить, как семантические конструкции оформляют культурно и политически обусловленные исторические интерпретации и каким образом они проецируют прошлое на политически значимые события настоящего. При оценке эволюции роли «мест памяти» Сербии в общественно-политическом дискурсе, в частности кладбища освободителей Белграда, были использованы элементы этнографического похода. С учетом сверхсложности и сверхдетерминированности феномена политики памяти работа приобрела междисциплинарный характер и была построена на стыке истории, социологии, политологии и международных отношений.

Система координат настоящего исследования была задана работами современных отечественных авторов, внесших наибольший вклад в изучение специфики влияния идентичности на выбор форм и моделей поведения субъектов мировой политики, а именно трудами И.Л. Прохоренко [Прохоренко, 2017], И.С. Семененко [Семененко, 2011a; 2011b; 2016], Е.Ю. Цумаровой [Цумарова, 2012], Л.А. Фадеевой [Фадеева, 2012] и др. Сопоставление гипотез, высказанных этими учеными, и предлагаемых ими трактовок политики идентичности определило саму постановку исследовательского вопроса и характер анализа накопленного материала. Так, соприкасаясь с проблематикой политики идентичности, мы рассматриваем последнюю как *identity policy*, т.е. совокупность целенаправленных действий институциональных акторов, прежде всего государств, которые через инструменты публичной дипломатии и институты социализации

формируют свой проект нацистроительства [Семененко, 2011b: 18]. При этом диалектическое понимание отношений агентов и структур, на необходимость которого указывал К. Хэй [Hay, 2010], следует дополнить с учетом того, что диапазон свободы действий акторов политики идентичности ограничен структурными характеристиками среды, а она в свою очередь нестатична и меняется под влиянием накопительного эффекта самих их действий.

Не вполне привычным, если говорить о категориально-понятийном аппарате статьи, представляется термин «мнемоническая дипломатия». Поясняя, почему именно он используется в данном исследовании для осмысления и изучения феномена исторической памяти в межгосударственном взаимодействии, нельзя не упомянуть новаторскую в рамках отечественной науки работу О.С. Нагорной «Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии» [Нагорная, 2020]. В ней автор отмечает слабость концептуального оформления вненационального измерения изучения памяти и предлагает коллегам расширить круг исследовательских вопросов, касающихся политики памяти, вводя термин «мемориальная дипломатия», под которым понимает «усилия государственных и общественных организаций по использованию совместной исторической памяти в целях управления межнациональными отношениями» [Нагорная, 2020: 93]. Однако неочевидна целесообразность расширения числа потенциальных «носителей» данного вида дипломатии за счет включения в их список общественных (неправительственных) организаций. Если мы отталкиваемся от классического определения дипломатии, то ядром такового остается фиксация на использовании этого инструмента для защиты национальных интересов государства. Понимание национальных интересов у государственных и общественных структур может различаться, и включение последних в число субъектов «дипломатии памяти» размывает предлагаемую категорию. Кроме того, поскольку обращение к исторической памяти неизменно является ответом на вызовы сегодняшнего дня и прошлое переосмысливается сообразно текущей политической конъюнктуре, эпитет «мнемоническая» в применении к дипломатии представляется более точным, чем определение «мемориальная». С одной стороны, он позволяет подчеркнуть изменчивую природу внешнеполитического процесса, зависящего от нюансов взаимного восприятия, с другой — фиксирует внимание на совокупности

приемов и методов передачи информации (от греч. *mneomonikon* — искусство запоминания), а не на материальных объектах («мемориальный» — т.е. служащий для увековечивания памяти о чем-либо). Таким образом, в данной работе мы будем оперировать именно понятием «мнемоническая дипломатия», определяя его как совокупность приемов и методов утверждения, согласования и распространения исторических нарративов, призванных содействовать решению внешнеполитических задач государства, сознательно используемых в межгосударственном взаимодействии на уровне глав государств, правительств и специальных органов внешней политики.

Понятия «мнемоническая дипломатия» и «символическая политика» частично пересекаются, если трактовать последнее как неотъемлемую часть реальной политики и «деятельность политических акторов, направленную на производство и продвижение/ навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [Малинова, 2010: 92]. В связи с этим в рассмотрении мнемонической дипломатии как одного из инструментов символической политики при анализе специфики столкновения конкурирующих исторических нарративов в мирополитическом пространстве учитывались разработки А.И. Миллера [Миллер, 2012; 2016], Д.В. Ефременко [Ефременко, 2005, 2021; Ефременко, Севостьянова, 2020], Е.Ю. Мелешкиной [Мелешкина, 2018], О.Ю. Малиновой [Малинова, 2018] — авторов, изучающих различные нюансы стратегического использования символического капитала в борьбе за внедрение собственных интерпретационных схем.

Непосредственно в рамках российско-сербских отношений эффективность российского экспорта «правильной» версии исторического прошлого оценивалась в исследовании руководителя центра российских и евроазиатских исследований Общества Генри Джексона при Кембриджском университете доктора Дж. Макглинн и эксперта Венского университета Х. Джуреинович [McGlynn, Đureinović, 2022]. В силу того что одной из основных скреп мнемонического союза России и Сербии стала память о Второй мировой войне⁹, полезна

⁹ Не отрицая важности общего исторического прошлого Первой мировой войны в российско-сербском взаимодействии, отметим, что столь же устойчивого, как в случае Второй мировой войны, общественно-политического консенсуса в отношении трактовки роли, итогов, героев и жертв в России не сложилось. В настоящее время государственные и общественные усилия скорее направлены на то, чтобы найти место этой «забытой войне» в национальном историческом нарративе.

для раскрытия проблемы ревизии истории диссертация С.И. Белова, в которой данная тема была впервые в отечественной политологии выведена в качестве отдельного объекта исследования. При этом можно заключить, что некоторые выводы автора нуждаются в уточнении, в частности тезис об отсутствии внятного и последовательного позиционирования Россией своей мнемонической концепции на внешнеполитической арене [Белов, 2021: 48]. Представляется, что невосприимчивость контрагентов связана не столько с издержками российского самопозиционирования, сколько с тем, что, как точно подмечает известный российский международник А.В. Фененко, «применение мягкой силы возможно лишь там и тогда, где объект воздействия готов её принять или, по крайней мере, относится к ней нейтрально. Там, где элиты настроены к стране — субъекту мягкой силы изначально враждебно или воспринимают ее как более низкую культуру по сравнению со своей, она теряет влияние». Приходится признать, что в применении стратегии антимягкой силы, т.е. в способности государства «сделать оппонента “непривлекательным”, “ненравящимся”, а в некоторых случаях и “неприемлемым” в глазах своего общества» [Фененко, 2020: 45], геополитические противники России добились значимых результатов.

Полагая, что невозможно уловить все нюансы мнемонической дипломатии России и Сербии, ограничив их рассмотрение плоскостью двусторонних отношений, мы расширяем количество подлежащих изучению факторов потенциального влияния. И одним из приоритетных и требующих более подробного описания вслед за Я. Шчепановичем считаем отражение стремления России подтвердить свой статус великой державы в политике на балканском направлении [Šćerpanović, 2022]. Влияние фрустрации от невозможности добиться соответствия между саморепрезентацией на международной арене и образом, складывающимся у значимых референтных субъектов мировой политики, применительно к России рассматривалось в работах Д. Ларсон, А. Шевченко, А. Крицковича, Ю. Вебер и У. Уолфорта [см., в частности: Krickovic, Weber, 2018; Larson, Shevchenko, 2019; Larson, Wohlforth, 2014]. Если исходить из транслируемого ими предположения, что от претензий на великодержавность Россия никогда

И, следовательно, обращение ко Второй мировой войне с точки зрения мнемонической дипломатии для России более удобный и привычный механизм, чем работа с наследием Первой мировой войны.

не отказывалась, то колебания во внешней политике должны отражать смену стратегий достижения искомого статуса. Опираясь на теорию социальной идентичности, изначально разработанную для анализа результатов межгруппового взаимодействия британским психологом Г. Тэджфелом [Tajfel, 1982], мы вслед за применившими ее положения к изучению международных отношений Д. Ларсон и А. Шевченко можем выделить следующие три стратегии поиска государством своей статусной позиции: 1) *социальная мобильность* — готовность государства карабкаться вверх по статусной лестнице, соблюдая сложившиеся правила игры; 2) *социальная конкуренция* — отказ признавать легитимными действующие правила и нормы, коль скоро они не оставляют государству-ревизионисту пространства для вертикальной мобильности; 3) *социальное творчество* — попытка перенести игру на свое поле, где удастся достичь доминирования, не отказываясь от самой игры [Larson, Shevchenko, 2010: 71–75]. Внешнеполитическая доктрина государства зачастую сочетает различные элементы трех обозначенных стратегий, подстраиваясь под текущую обстановку [Горельский, Миронюк, 2019].

Обращение к теории социальной идентичности расширяет наше понимание агрессивного поведения государств, которое может быть результатом не только увеличения материальных (а именно военных) возможностей, но и осознания нелегитимности существующей статусной иерархии. Государства стремятся к позитивной и самобытной идентичности и вступают в группы (сообщества привилегированных), обладающие ею. Это требует от них соблюдения стандартов, установленных членами группы. Однако критерии статуса великой державы постепенно меняются. Неслучайно, уступая конкурентам по таким параметрам, как благополучие граждан, эффективность управления экономикой, Россия неизменно подчеркивала важность иного критерия «величия» — сохранения традиционного вестфальского суверенитета.

Становление независимой Сербии:

«приватизация» общей истории Второй мировой войны

В основе российско-сербского альянса памяти о Второй мировой войне лежит общий исторический опыт осени 1944 г., когда Красная армия и Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) вместе сражались против сил стран оси на территории Сербии. К 20 октября Белград и большая часть страны были полностью

освобождены от нацистских оккупантов [Белградская операция, 1990], а 28 октября 1944 г. маршал Тито, выступая перед участниками парада югославских войск, заявил: «В боях за Белград воины славной Красной армии и наши воины объединились для совместной борьбы против немцев. Улицы Белграда были политы кровью сынов всех народов Югославии и кровью героев Красной армии, сынов великого Советского Союза. Именно поэтому борьба за Белград имеет исключительное историческое значение»¹⁰. В этих боях пали смертью храбрых 4350 воинов Красной армии, потери югославских партизан составили около 3000 человек¹¹.

Вклад Тито в разгром гитлеровских войск был высоко оценен И.В. Сталиным: 9 сентября 1945 г. югославскому маршалу вручили высшую военную награду СССР — орден «Победа». Помимо него подобной чести удостоивались только американский президент Д. Эйзенхауэр, Б. Монтоммери, король Румынии Михай I и польский маршал М. Роля-Жимерский.

В целом в период с 1944 по 1948 г. на официальном уровне выстраивания политики памяти о Второй мировой войне подчеркивалось значение советско-югославского союза в сопротивлении нацизму с акцентом на роли СССР [Živanović, 2020: 142].

При этом на пути укрепления «братства и единства» народов самой Югославии стояли воспоминания о межэтническом насилии. Сложное наследие Второй мировой войны в регионе не позволяло с легкостью разграничить жертв и преступников.

Сразу после советско-югославского раскола 1948–1949 гг., завершившегося разрывом двусторонних отношений, в Федеративной Народной Республике Югославия (ФНРЮ) участие СССР в освобождении ее территории стали замалчивать [Živanović, 2020: 145]. В 1951 г. был показательно снесен памятник советским бойцам, павшим при освобождении Белграда, установленный в ноябре 1944 г. на центральной площади столицы. Также были убраны те 18 больших и 84 малых памятника воинам Красной армии, что спонтанно создавались в первые послевоенные годы в разных частях города. Все

¹⁰ Освобождение Белграда: как фашистов выкуривали из столицы Югославии // РИА Новости. 17.02.2020. Доступ: <https://ria.ru/20191020/1559941778.html?ysclid=lbtsgvprw7w259796342> (дата обращения: 23.01.2023).

¹¹ Статистика приводится по: В Сербии ко Дню Победы впервые включили праздничное освещение Парка освободителей Белграда // ТАСС. 09.05.2020. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/8434267> (дата обращения: 23.01.2023).

останки советских воинов власти решили перезахоронить в специальном комплексе, который и был построен в 1954 г.¹²

К тому времени внешнеполитические страсти несколько поутихли, и кладбище освободителей Белграда стало последним домом для 818 советских солдат и 1395 югославских. Однако взаимное охлаждение СССР и ФНРЮ всё же нашло отражение в архитектуре комплекса. Так, у входа на кладбище находится изваяние югославского партизана — и только, причем на барельефах вокруг изображены батальные сцены, где югославы сражаются с немцами, а рядом просто стоят советские солдаты. При этом статуя советского воина расположена в глубине мемориального комплекса и представляет собой фигуру довольно нелепую. Солдат, находящийся на посту, изображен прислонившимся к стене, на нем — шапка-ушанка (что, безусловно, отражает стереотипное представление о русских, но не соответствует исторической правде, если задуматься о температурном режиме стран Южной Европы в середине октября), и одет он в шинель до пят, хотя подобные в нашей армии весной 1942 г. приказом Верховного главнокомандующего были заменены на ватные куртки.

Таким образом, если рассматривать данный архитектурный комплекс с точки зрения адекватного отображения роли советских красноармейцев в освобождении Югославии, мы увидим перед собой не столько «место памяти», сколько «место алиби» — означающее без означаемого¹³.

¹² Там же.

¹³ Термин «место алиби» как своеобразная парафраза классического понятия «место памяти» Пьера Нора был использован ведущим научным сотрудником Института социологии ФНИСЦ РАН доктором политических наук А.В. Митрофановой и ведущим научным сотрудником Института гуманитарных исследований ПФИЦ УРО РАН доктором философских наук С.В. Рязановой в рамках совместного доклада на заседании первого междисциплинарного методологического семинара «Структура факта» кафедры истории России Новейшего времени РГГУ и кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова. Эксперты выступали с сообщением на тему «Хронотоп(ы) травматической памяти: методологический аспект». Представленный доклад отражал результаты исследования авторов, выполненного за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-0036 «Место без времени и время без места: хронотоп “Пермь-36” в контексте конструирования культурной травмы». Было отмечено, что с переходом памяти из коммуникативной в культурную меняется семантическая насыщенность сохранившихся мемориальных объектов. Зачастую изучение совокупности нескольких десятков пространственных и темпоральных характеристик мемориального

В последовавшие за 1954 г. десятилетия акценты в историческом нарративе о победе еще больше сместились в сторону восхваления югославских партизан как освободителей и носителей революционной трансформации общества [Manojlović, 2010: 547].

В первые годы правления С. Милошевича (1989–2000) Народно-освободительная война использовалась сербским режимом в качестве дополнительного источника укрепления символического капитала за счет подчеркивания его преэминентности с Югославией Тито и героическим партизанским движением. Однако в период кровавого распада Социалистической Федеративной Республики Югославия (СФРЮ) режим С. Милошевича выступил в роли этнического антрепренера, осуществив «приватизацию» подвигов югославских партизан как совершенных только и исключительно сербами. Участие других народов СФРЮ было проигнорировано. По мнению автора, тот факт, что в 1990-х годах на сербских коммеморативных мероприятиях, посвященных Второй мировой войне, присутствовали российские, украинские и белорусские дипломаты, но не было представителей других бывших югославских республик, подтверждает гипотезу о «приватизации истории». Тем не менее справедливо будет указать, что такой состав участников коммемораций мог объясняться и негативным восприятием старого югославского нарратива Второй мировой войны в новых независимых государствах и их натянутыми отношениями с Союзной Республикой Югославия (СРЮ).

После свержения С. Милошевича в 2000 г. официальная политика памяти определялась антикоммунистическим консенсусом новых политических элит, внедрявших нарратив, в рамках которого окончание Второй мировой войны означало начало коммунистической оккупации, а не освобождение от нацизма¹⁴. Иными словами, до-

объекта (режим видимости объекта, привязка к местности, режимы функционирования места памяти, наличие и характер реставрации и т.п.) подводит исследователя к мысли, что объект существует скорее в качестве формального реверанса перед чем-то требующим уважения, но не является содержательно значимым элементом политики памяти. Подробнее см.: Официальный сайт Междисциплинарного методологического семинара кафедры истории России Новейшего времени РГГУ и кафедры внешней политики России и стран СНГ факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова «Структура факта». Доступ: <https://factstructure.com/> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁴ Na 20. oktobar podsećaju škola i tri ulice // Blic. 21.10.2008. Available at: <https://www.blic.rs/vesti/beograd/na20-oktobar-podsecaju-skola-i-tri-ulice/ctw823s> (accessed: 23.01.2023).

минирующие дискурсы в Сербии вписывались в общую парадигму антикоммунистической политики памяти в постсоциалистических странах Центральной и Восточной Европы [Walker, 2018; Мелешкина, 2018]. Отметим, что в 2005 г. ни сербский премьер В. Коштуница, ни президент Сербии Б. Тадич не изъявили желания приехать в Москву на 60-летие Дня Победы, хотя участие в праздновании приняли свыше 50 первых лиц, включая президента США Дж. Буша-мл. и президента Украины В. Ющенко. Последующие 10 лет коммеморативные мероприятия, связанные с мировыми и местными датами Второй мировой войны, были сведены к минимуму [Тимофеев, 2020: 148].

Одновременно ретроспективной криминализации было подвергнуто Народно-освободительное движение, а ранее стигматизированные группы националистов оказались вписанными в ряды «слегка перегнувших палку» борцов за свободу. В 2004 г. сербский парламент принял закон, согласно которому партизаны и четники получили равные права ветеранов Второй мировой войны. Логическим продолжением этой политики стало принятие в 2006 г. закона о реабилитации лиц, которые «без судебного или административного решения или согласно судебному или административному решению были казнены, лишены свободы или других прав по политическим или идеологическим причинам с 6 апреля 1941 г. по сегодняшний день и проживали на территории Республики Сербия»¹⁵. В 2009 г. сербское правительство учредило две государственные комиссии по «пересмотру исторических событий», которые имели место в Сербии во время и сразу после Второй мировой войны [Джурейнович, Попович, 2020: 62].

В доминирующих исторических нарративах роль Красной армии либо полностью игнорировалась, либо признавалась, но лишь с целью показать, что возглавляемые коммунистами партизаны отработывали «советскую» повестку дня и были чем-то внешним по отношению к Сербии и ее народу. День освобождения Белграда перестал быть государственным праздником, 60-летие этого события в 2004 г. официально не отмечалось.

За годы, прошедшие с распада СФРЮ, свыше 500 улиц в Сербии поменяли свои названия, однако (и это необходимо подчеркнуть)

¹⁵ Službeni glasnik 33/06 — Zakon o rehabilitaciji, Službeni glasnik RS, br. 33/06 // Botschaft der Bundesrepublik Deutschland Belgrad. Available at: <https://belgrad.diplo.de/blob/2258900/e8f810f305c7d3a49e8e9a7609275d31/rehabilitierungsgesetz-originaltext-data.pdf> (accessed: 23.01.2023).

кампания по переименованию носила антикоммунистический, но не антироссийский характер. Из топонимики городского пространства устранялись ссылки на Ленина, Октябрьскую революцию, Красную армию, но в том же Белграде были сохранены улицы Чехова, Толстого и Горького. Помимо кладбища освободителей Белграда в Сербии остались восемь больших мемориальных комплексов, посвященных советским воинам: в Суботице, Сомборе, Зреняине, Вршаце, Пожареваце, Горни-Милановаце, Ягодине и Заечаре¹⁶.

Сдвиг в сербской политике памяти

Отношение к празднику Победы и участию советских воинов в освобождении Югославии стало меняться по мере разрастания конфликта вокруг Косова и Метохии и формирования у официального Белграда понимания, что обретение этой территорией независимости оказывается всё более вероятным. Изначально в данном вопросе Россия взяла на себя роль политического и мнемонического союзника сербского руководства.

После одностороннего провозглашения независимости Косова 17 февраля 2008 г. Россия совместно с Сербией выступила инициатором созыва экстренного заседания Совета Безопасности ООН, однако на нем 5 из 15 членов высказались в поддержку косоваров¹⁷. К 2008 г. растущая зависимость от России в числе прочего побудила сербские политические элиты инициировать заметные празднования победы над нацизмом и солидаризироваться в политике памяти о Второй мировой войне с официальными нарративами, продвигаемыми Москвой.

В 2009 г. смещение акцентов в сербской политике памяти в направлении признания значимости России было наглядно проиллюстрировано масштабной акцией «Белград помнит: 65 лет свободы»¹⁸. Накануне спешно провели ремонт и реставрацию на кладбище

¹⁶ В Сербии начался международный форум организаторов шествия «Бессмертный полк» // ТАСС. 03.11.2021. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/12835021> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁷ Край Косово объявил независимость, Россия созывает СБ ООН // Известия. 17.02.2008. Доступ: <https://iz.ru/news/418750> (дата обращения: 23.01.2023).

¹⁸ Борисов А. Сербы с трепетом чтят память советских воинов — освободителей Белграда // Российская газета. 20.10.2019. Доступ: <https://rg.ru/2019/10/20/serby-s-trepetom-chtiat-pamiat-sovetskih-voinov-osvoboditelej-belgrada.html?ysclid=ld07b7ixgy197352260> (дата обращения: 23.01.2023).

освободителей Белграда. Празднование, трансляция которого шла в прямом эфире по национальному телевидению, было посвящено общей борьбе и победе русского и сербского народов над нацизмом, а также будущему сотрудничеству двух стран. Россию на торжествах представляли находившийся в Белграде с визитом президент Д.А. Медведев и члены федерального правительства. Мероприятие завершилось торжественным вечером в столичном Сава-центре, где в своих выступлениях оба президента — и Б. Тадич, и Д.А. Медведев, подчеркивая важность сохранения памяти о совместной борьбе с нацизмом, увязали эту тему с проблемой сепаратизма Косова: «...за наше Косово и Метохию мы будем бороться настойчиво и последовательно — мирными, политическими и дипломатическими средствами. К этому нас обязывает и наше антифашистское наследие», — подчеркнул сербский лидер. «Можете не сомневаться: Россия и дальше будет занимать твердую позицию в международных вопросах, которые мы считаем принципиальными для развития Европы, человечества, всех нас. В том числе и по вопросу территориальной целостности Сербии, по вопросу Косово и Метохии», — заявил в свою очередь Д.А. Медведев под бурные овации зала. Таким образом, защита территориальной целостности Сербии оказалась вписана в нарративный шаблон сопротивления фашистским захватчикам. Коснувшись событий военных лет, Д.А. Медведев напомнил о подвиге югославских партизан, солдат и офицеров 3-го Украинского фронта и подчеркнул недопустимость спекуляции историей¹⁹.

Сдвиг в политике памяти Сербии не может быть понят вне более широкого контекста российско-сербских дипломатических и экономических отношений [Stojanović, 2011]. Поддержка со стороны России приобрела особую значимость для Белграда накануне провозглашения независимости Косова. Тогда правительство Сербии одобрило продажу контрольного пакета акций нефтяного монополиста NIS (Naftna Industrija Srbije) российской газовой компании «Газпром». Соглашение о продаже своего единственного нефтеперерабатывающего предприятия за 400 млн евро Сербия заключила на фоне газового спора между Россией и Украиной²⁰. В ходе своего

¹⁹ Медведев: совместные планы Москвы и Белграда будут реализованы // РИА Новости. 29.10.2009. Доступ: <https://www.vesti.ru/article/2210678?ysclid=lc3cr2qne680469115> (дата обращения: 23.01.2023).

²⁰ В 2014 г. по инициативе МВД Сербия начала расследование продажи NIS «Газпром нефти». Условия сделки были поставлены под сомнение, несмотря на

визита в 2009 г. Д.А. Медведев подписал пять соглашений о сотрудничестве в различных областях, включая договоренности по так и не реализованному в итоге проекту газопровода «Южный поток». Он также обсудил потенциальный кредит Сербии в размере 1 млрд долл. и подтвердил поддержку Россией Сербии в косовском вопросе²¹.

Таким образом, проведение совместных коммеморативных мероприятий в отношении наследия Второй мировой войны имело место еще до прихода к власти Сербской прогрессивной партии (СПП) в 2012 г., но интенсивность их возрастала по мере сближения двух стран. Отметим, что СПП, безусловно, является проевропейской партией, но одновременно национально ориентированной и представляющей будущую Сербию в качестве некоего моста между Востоком и Западом. Внешнеполитическая многовекторность Белграда находит отражение и в программных документах партии, где указывается следующее: «Выбор Сербии в пользу вступления в Европейский союз бесспорен, но Сербия может войти в Европу только как целостное государство с Косово и Метохией как составной частью. Одновременно Сербия должна развивать теснейшие отношения с Российской Федерацией, Китаем, Индией и остальными великими политическими и экономическими силами в мире, а также с традиционными друзьями и союзниками нашей страны, и в соответствии со своими программными целями упорно работать над улучшением двусторонних отношений, что подразумевает и деятельность, направленную на изменение позиции тех стран, которые, особенно в последние годы, не оказывали Сербии поддержку»²².

С 2012 г. председатель СПП, президент Сербии с 2017 г. А. Вучич либо лично присутствовал на параде победы на Красной площади, либо отправлял официальное праздничное послание в Россию. Подобное участие представляет собой простейшую форму мнемонической дипломатии: предпринятое другим государством обра-

то что контракт был продолжением договоренностей руководителей двух стран и энергетического соглашения между государствами и само решение о продаже впоследствии было ратифицировано скупщиной Сербии.

²¹ Сербия разрешила России купить местных нефтяников // Lenta.ru. 24.12.2008. Доступ: <https://lenta.ru/news/2008/12/24/agree/?ysclid=ld5tsdb3dx504540604> (дата обращения: 23.01.2023).

²² Программа SNS — белая книга «Программа к переменам» // Официальный сайт Сербской прогрессивной партии. 01.10.2011. Доступ: <https://www.sns.org.rs/o-nama/izvrnsni-odbor-srpske-napredne-stranke> (дата обращения: 23.01.2023).

щение к истории, призванное продемонстрировать единство ценностей, а соответственно и общее видение будущего. Но это далеко не единственный доступный формат. Например, для В.В. Путина и С.В. Лаврова с 2014 г. стало традицией возлагать венок к памятнику освободителям Белграда и мемориалу советского солдата во время их визитов. Эти новые ритуалы осуществляются даже в тех случаях, когда посещения российскими высокопоставленными лицами Сербии не совпадают с памятными датами. Показательно, что в 2014 г. сербское правительство пригласило В.В. Путина стать почетным гостем на военном параде «Шаг победителя», посвященном 70-летию освобождения Белграда, именно в тот период, когда Россия столкнулась с попытками международной изоляции на G20 после сецессии Крыма.

Военный парад, проведенный ко Дню освобождения Белграда в 2014 г., стал первым после долгого перерыва²³. С этой даты сербское правительство начало использовать годовщины исторических событий и для демонстрации военной мощи — практика, которая в дальнейшем была распространена и на коммеморативные мероприятия в отношении войн 1990-х годов.

В последующие несколько лет государственные и рабочие визиты С.В. Лаврова (июнь 2014 г., май 2015 г., декабрь 2016 г., февраль 2018 г., апрель 2019 г. и август 2020 г.) и В.В. Путина (январь 2016 г. и март 2019 г.) неизменно включали элементы мнемонической дипломатии, призванные укрепить российско-сербский альянс памяти.

В феврале 2020 г. в ходе заседания российско-сербской межпарламентской комиссии с инициативой создать институт защиты исторической памяти выступил В.В. Володин, причем тогда это предложение было поддержано сербской стороной²⁴. Хотелось бы отметить, что к настоящему времени данная инициатива благополучно почилла в бозе.

²³ Два последних по времени военных парада в Белграде были организованы в 1975 г. (по случаю празднования 30-летия победы во Второй мировой войне — с участием военной техники) и в 1985 г. (по случаю 40-летия победы во Второй мировой войне — без участия военной техники).

²⁴ Михайловская М. Россия и Сербия не позволят переписать итоги Второй мировой войны // Парламентская газета. 12.02.2020. Доступ: <https://www.pnp.ru/politics/rossiya-i-serbiya-ne-pozvolyat-perepisat-itogi-vtoroy-mirovoy-voyny.html?ysclid=ld60anqexc522923608> (дата обращения: 23.01.2023).

В июне 2020 г. на сайте МИД РФ в преддверии рабочего визита С.В. Лаврова в Сербию было опубликовано очередное заявление, постулировавшее «культурно-историческую общность, единство подходов и оценок прошлого и современности». В этом же тексте взвешенный сербский подход к политике памяти имплицитно противопоставлялся позиции иных стран, последовавших по пути искажения истории. Утверждалось: «В Сербии бережно относятся к совместному наследию мировых войн, памяти российских и советских солдат, погибших за свободу наших стран и Европы в целом. Мемориальные объекты поддерживаются в хорошем состоянии»²⁵. Готовность придерживаться одного исторического нарратива неизменно остается для Москвы одним из основополагающих критериев разделения стран на «дружественные» и «недружественные».

Россия не навязывала Сербии роль мнемонического союзника в одностороннем порядке. В 2015 г. по инициативе Москвы сербское представительство Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) провело конференцию, посвященную усвоению «уроков Второй мировой войны»²⁶. Участники российской делегации, которую возглавлял директор Департамента по гуманитарному сотрудничеству и правам человека МИД РФ А.Д. Викторов, подвергли критике попытки отдельных стран провести ревизию принципов и приговора Нюрнбергского трибунала, противопоставив таковым объективный подход Сербии²⁷. Тем самым была подтверждена «потенциально симбиотическая связь между войнами памяти и альянсами памяти, в результате чего альянс укрепляется в коалиции против предполагаемых мнемонических врагов» [McGlynn, Đureinović, 2022: 9].

²⁵ Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с рабочим визитом министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в Сербию // Министерство иностранных дел РФ. 17.06.2020. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1435079/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁶ Комментарий Департамента информации и печати МИД России о конференции ОБСЕ, посвященной 70-летию окончания Второй мировой войны // Министерство иностранных дел РФ. 11.09.2015. Доступ: https://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/kommentarii/1514333/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁷ Конференция ОБСЕ «Уроки Второй мировой войны: память и государственная политика» // Посольство Российской Федерации в Республике Сербия. 08.09.2015. Доступ: <http://www.ambasadarusije.rs/ru/vesti/konferencija-obse-uroki-vtoroi-mirovoi-vojni-pamjat-i-gosudarstvennaja-politika> (дата обращения: 23.01.2023).

Отметим, что российские власти оказались достаточно чувствительны к проблемным вопросам сербского исторического прошлого. Стремление не ставить собственного мнемонического союзника в неудобное положение в числе прочего отразил доклад МИД 2018 г. о героизации нацизма в Европе, в котором основное внимание было уделено памяти о Второй мировой войне. Если критика в адрес «недружественных» стран, таких как Соединенное Королевство, содержала даже некоторые преувеличения, то раздел о Сербии — лишь приглушенные ссылки на реабилитацию четников²⁸.

В аналогичном докладе за 2022 г. Сербия вовсе не была включена в список рассматриваемых стран. В комментарии к докладу указывалось: «Наиболее угрожающая ситуация в этой сфере сложилась, помимо Украины, в государствах Прибалтики, в Польше и Чехии»²⁹. Применительно к Республике Сербской — одному из двух энтитетов Боснии и Герцеговины — лишь аккуратно подчеркивались риски, связанные с коммеморативными практиками, сложившимися вокруг весьма неоднозначной фигуры Д. Михайловича: «При этом для местных сербов характерно особое восприятие роли Сербии во Второй мировой войне, в частности правительства в изгнании и его вооруженных сил на Балканах. В июне 2019 г. в Билече был установлен памятник предводителю этнического движения Д. Михайловичу, принимавшему участие в боевых действиях не только против нацистов, но и против партизан народно-освободительной Армии Югославии. Имеются планы по возведению аналогичного памятника в Биелине (Республика Сербская). <...> Кроме того, ежегодно в день ареста Д. Михайловича (10 марта 1946 г.) сторонники этнического движения организуют памятные мероприятия в Вишеграде»³⁰.

Таким образом, к концу второго десятилетия XXI в. сформировался полноценный российско-сербский альянс памяти, выстроенный на совпадении нарративных шаблонов и множестве параллелей в интерпретациях Народно-освободительной и Великой

²⁸ О ситуации с героизацией нацизма, распространении неонацизма и других видов практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости (Доклад Министерства иностранных дел Российской Федерации 2022 г.) // Официальный сайт МИД РФ. 30.08.2022. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/humanitarian_cooperation/1827824/ (дата обращения: 23.01.2023).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

Отечественной войн. При этом сербская сторона демонстрировала большую склонность к этнизации описания действий своей армии, в то время как российская акцентировала «подвиг народов», однако в обоих случаях мы могли видеть стремление отвлечь внимание от роли коммунистической идеологии. Обращение к нарративам национальной гордости позволяло российским и сербским политическим деятелям произвести некое присвоение победы над нацизмом в целях (ре)конструкции и укрепления легитимности режимов у власти. Расширение пространства политической борьбы за счет охвата мнемонического измерения было призвано усилить позиции России за влияние в Сербии против предполагаемых конкурентов, в частности Европейского союза, заявку на вступление в который Сербия подала в сентябре 2009 г.

Вызовы евроинтеграции и политика памяти

Стремление государств Западных Балкан интегрироваться в Европейский союз или хотя бы выстроить более тесные связи с его институциональной инфраструктурой сопровождалось попытками «поднять» собственный локальный и региональный опыт прохождения через испытания Второй мировой войны до уровня общеевропейской памяти. Однако широко распространенные в посткоммунистической Югославии интерпретации прошлого, в частности идея о том, что насилие в военное время затронуло в первую очередь титульные народы республик, а не евреев, бросали вызов нарративу о Холокосте как ядру транснациональной культуры памяти в Западной Европе [Миллер, 2016]. Акцент на всеобщем страдании не столь охотно воспринимался на Балканах, где страдания титульной нации, как правило, выдвигались на передний план наряду с оппозицией немецко-фашистской оккупации.

Но и сам космополитический проект европейской памяти оказался под угрозой с 2004 г. — начала расширения Европейского союза на восток. Общая транснациональная память столкнулась с множественностью национальных памятей. В терминах немецкого историка и культуролога А. Ассман Европе Холокоста оказалась противопоставлена Европа ГУЛАГа³¹. Последовательное уравнивание жертв нацизма и коммунизма и исключение ответственности собственной

³¹ См. комментарий к книге: Europa: Notre histoire / Ed. by E. François, T. Serrier. Paris: Éditions des Arènes, 2017.

нации за преступления периода Второй мировой войны, безусловно, негативно сказывались на общеевропейском единстве вплоть до 24 февраля 2022 г., когда появление старого, привычного уже «врага у ворот» вновь временно сгладило имеющиеся исторические противоречия.

Востребованной оказалась сформированная за десятилетие до данных драматических событий «инфраструктура для подготовки своеобразного “Нюрнберга” над Советским Союзом»³², в основу которой легли резолюция Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) № 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» (2006)³³ и резолюция Парламентской ассамблеи ОБСЕ «О воссоединении разделенной Европы: Поощрение прав человека и гражданских свобод в регионе ОБСЕ в XXI веке» (2009)³⁴. Оба документа фактически поставили знак равенства между нацистской Германией — страной-агрессором — и СССР, народы которого ценой огромных жертв освободили Европу от «коричневой чумы». Однако в Сербии «переход от признания Холокоста центральным трагическим событием европейской истории XX в. к “приравниванию” преступлений фашистских и коммунистических тоталитарных режимов позволил фактически завершить реабилитацию четников как национальной силы, боровшейся и с фашистами (немецкими и итальянскими оккупантами, а также усташами), и с коммунистами» [Ефременко, 2021: 141].

Помимо уже упоминавшихся резолюций ПАСЕ и Парламентской ассамблеи ОБСЕ этим же целям служили подписание Пражской

³² Дюков А.Р. К подготовке «Анти-Нюрнберга». Новое средство от развала ЕС // Русский век. 23.11.2011. Доступ: https://ruvek.mid.ru/publications/k_podgotovke_anti_nyurnberga_novoe_sredstvo_ot_razvala_es_6329/ (дата обращения: 23.01.2023).

³³ Резолюция 1481 «О необходимости осуждения международным сообществом преступлений тоталитарных коммунистических режимов» // Парламентская ассамблея Совета Европы. 25.01.2006. Доступ: https://www.coe.int/T/r/Parliamentary_Assembly/%5BRussian_documents%5D/%5B2006%5D/%5BJan2006%5D/Res1481_rus.asp (дата обращения: 23.01.2023).

³⁴ Вильнюсская декларация Парламентской ассамблеи ОБСЕ и резолюции восемнадцатой ежегодной сессии. Вильнюс, 29 июня — 3 июля 2009 г. // Парламентская ассамблея ОБСЕ. С. 53–56. Доступ: <https://www.oscepa.org/documents/annual-sessions/2009-vilnius/declaration-6/265-2009-vilnius-declaration-rus/file> (дата обращения: 23.01.2023).

декларации о европейской совести и коммунизме (2008)³⁵, Декларации о провозглашении 23 августа Европейским днем памяти жертв сталинизма и нацизма (2008)³⁶, Варшавской Декларации по случаю Европейского дня памяти жертв тоталитарных режимов (2011)³⁷; создание образовательного проекта «Платформа европейской памяти и совести» (2011); совместные заявления представителей правительств государств — членов ЕС от 23 августа 2018 г. о почтении памяти жертв коммунизма и, наконец, принятая в сентябре 2019 г. 535 голосами «за» при всего 66 «против» резолюция Европарламента «О важности европейской памяти для будущего Европы»³⁸. Этот факт заслуживает упоминания, но его детальное рассмотрение не входит в задачи исследования. Столь подробное перечисление документов было необходимо нам для того, чтобы проиллюстрировать тезис о несовместимости выбора Сербией проевропейской (в том виде, в каком она задается «младоевропейцами») ориентации в символической политике с сохранением альянса памяти с Россией. И по мере расхождения РФ с коллективным Западом, разочарования Белграда в способности Москвы качественно изменить ситуацию в отношении Косова и Метохии символический капитал этого альянса начинает истощаться, причем его устойчивости угрожают не только давление извне, но и внутренние противоречия.

Nihil semper suo statu manet **(«Поворот не туда»)**

Мнемоническая дипломатия позволила России и Сербии создать альянс памяти как некое транснациональное политическое про-

³⁵ Prague Declaration on European Conscience and Communism. June 3rd, 2008, Prague // Senate of the Parliament of the Czech Republic. Available at: <https://www.praguedeclaration.eu/> (accessed: 23.01.2023).

³⁶ Declaration of the European Parliament on the proclamation of 23 August as European Day of Remembrance for Victims of Stalinism and Nazism // European Parliament. 23.09.2008. Available at: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-6-2008-0439_EN.html (accessed: 23.01.2023).

³⁷ Warsaw Declaration on the occasion of the European Day of Remembrance for Victims of Totalitarian Regimes, 23rd of August 2011 // Platform of European Memory and Conscience. Available at: http://www.memoryandconscience.eu/wp-content/uploads/2011/08/warsaw_declaration.pdf (accessed: 23.01.2023).

³⁸ European Parliament resolution on the importance of European remembrance for the future of Europe // European Parliament. 17.09.2019. Available at: http://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-9-2019-0100_EN.html (accessed: 23.01.2023).

странство, призванное служить реализации общих интересов. Для сербских политических акторов повествование о вечном братстве двух народов, которые разделяют общее славное и победоносное прошлое, стало еще одним источником легитимности, ориентированным на внутреннюю аудиторию. Одновременно подключение к российскому нарративу содействовало укреплению международного престижа Сербии. Таким образом, рассматриваемый нами альянс памяти имел достаточно сильный оборонительный аспект: благодаря мнемоническому союзу с Россией Сербия становилась частью оплота против исторического ревизионизма и преднамеренного забвения героев.

Мнемонической диффузии способствовала инициативность русскоязычной диаспоры Сербии. Однако основная нагрузка в плане содействия распространению российской «мягкой силы» в стране легла на плечи официальных представительств: посольства и Российского центра науки и культуры в Белграде — «Русского дома» [Энтина, Смирнова, 2018: 55].

С 2015 г. — в качестве одного из отложенных следствий «крымской весны» — Россия стала активнее проводить свою историческую политику за рубежом. В числе прочего это проявилось в интернационализации движения «Бессмертный полк» в его уже огосударственной версии [Пономарёва, 2020].

В 2019 г. Россотрудничество совместно с Российским военно-историческим обществом инициировало совместный проект «Дороги Победы». Это историко-просветительская акция, в рамках которой организуются пешеходные экскурсии по дорогам боевой славы в европейских городах, за освобождение и взятие которых в 1945 г. были учреждены боевые медали: Белград, Варшава, Будапешт, Вена, Берлин, Прага. Именно Белград был выбран для старта проекта, причем на открытии присутствовал Д.А. Медведев.

Можно также упомянуть менее масштабные инициативы, например «Вальс Победы». На данном мероприятии традиционно присутствуют пророссийские сербские политические деятели, в том числе представители партии «Двери» — организации, основанной на сербском православном национализме, евроскептицизме и антиглобализме.

С 2019 г. акция «Бессмертный полк» стала государственным мероприятием в Сербии, также в Белграде прошла первая международная конференция «Память победителей» по инициативе Обще-

российского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России». В работе форума приняли участие около 100 организаторов шествия из 55 стран. В декабре 2020 г. в Парке освободителей был зажжен первый в Сербии Вечный огонь³⁹.

В том же 2020 г. А. Вучич лично предложил «Почте Сербии» выпустить марку, посвященную «Бессмертному полку». Это движение как-то сразу приобрело в стране массовый характер, объяснение чему политики увидели в соотнесенности национальных историй⁴⁰. В данном контексте симптоматично высказывание главы сербского представительства Россотрудничества Е.А. Баранова, который в 2021 г. объяснял журналистам причины массовости «Бессмертного полка» в стране: «Есть только два народа в мире, которые прошли через немецкий коэффициент “один к ста”. Больше, кроме нас и сербов, таких народов нет: за каждого убитого немецкого солдата по распоряжению командования уничтожались 100 сербов и 100 жителей СССР»⁴¹.

Подобное отождествление было призвано подчеркнуть нерушимость альянса памяти двух народов, одобренного политической элитой. Однако приходится констатировать, что властные круги демонстрируют скорее инструментальный подход к так называемым общим ценностям и причинно-следственная связь разворачивается в обратном направлении: не разделяемое прошлое служит основой политической солидарности в настоящем, а политическая конъюнктура сегодняшнего дня определяет, в какой степени это прошлое будет разделяться.

В 2022 г. коммеморативные мероприятия вокруг победы в Великой Отечественной войне как события, воплощающего суть культурного кода России, стали хорошей лакмусовой бумажкой отношения к нам в странах-союзниках или нейтральных государствах. Неслучайно в 2022 г. единственными членами правящей коалиции в «Бессмертном полку», прошедшими маршем от памятника Вуку

³⁹ В Сербии начался международный форум организаторов шествия «Бессмертный полк» // ТАСС. 03.11.2021. Доступ: <https://tass.ru/obschestvo/12835021> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁰ «Бессмертный полк» в Сербии стал самым массовым после РФ — Россотрудничество // ИА Красная Весна. 03.11.2021. Доступ: <https://rossaprimavera.ru/news/d05e46ac> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴¹ В Россотрудничестве объяснили массовость «Бессмертного полка» в Сербии // РИА Новости. 03.11.2021. Доступ: <https://ria.ru/20211103/serbiya-1757609608.html?ysclid=ld0ot7iz15260207489> (дата обращения: 23.01.2023).

Караджичу к мемориалу освободителям Белграда вместе с послом России А. Боцаном-Харченко, были министр без портфеля Н. Попович и директор «Сербиягаза» социалист Д. Баятович (занимающийся в том числе и сотрудничеством с «Газпромом»).

Что же могло оттолкнуть представителей правящей СПП от демонстрации мемориального союзничества с Россией?

Скорее всего, смешение нарративов: во главе колонны было развернуто большое знамя «Бессмертный полк Белграда», несли картонную фигуру президента России В.В. Путина, а также большую латинскую букву «Z»⁴².

Проблема Косова и Метохии, когда-то подтолкнувшая Белград к партнерству с Москвой, в том числе в области мнемонической политики, в современных условиях «мира после специальной военной операции» может стать триггером к разрыву мнемонического союза.

26 апреля 2022 г. российский лидер провел переговоры с Генеральным секретарем ООН. В.В. Путин, в частности, напомнил А. Гутерришу о поддержанном большинством западных стран решении Международного суда ООН по ситуации в Косове⁴³, «где написано, что при реализации права на самоопределение та или иная территория какого бы то ни было государства не обязана обращаться за разрешением на провозглашение своего суверенитета к центральным властям страны». «Если этот прецедент создан, — выразил недоумение двойными стандартами западного общества российский лидер, — то же самое могли сделать и республики Донбасса. Они сделали это, а мы со своей стороны получили право их признать в качестве независимых государств»⁴⁴.

Аналогия, проведенная В.В. Путиным, не нашла понимания у А. Вучича, заявившего 5 мая 2022 г. по итогам встречи с канцлером ФРГ О. Шольцем: «Наша позиция тяжела, ужасно сложна, а заявлениями президента Путина дополнительно усложнена. <...> В поли-

⁴² Басенков В. Функционеров правящей партии не пустили на «Бессмертный полк»? // RuSerbia.com. 11.05.2022. Доступ: <https://ruserbia.com/politika/funkcionerov-pravjashhej-partii-ne-pustili-na-bessmertnyj-polk/?ysclid=lcdmlylzxo363675345> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴³ 22 июля 2010 г. Международный суд ООН признал, что провозглашение независимости Косово не противоречит нормам международного права.

⁴⁴ Встреча с Генеральным секретарем ООН Антониу Гутеррешем // Официальный сайт Президента России. 26.04.2022. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68287> (дата обращения: 23.01.2023).

тическом смысле никогда не было тяжелее, а боюсь, что со всем, что предстоит и в экономическом смысле, никогда не было тяжелее»⁴⁵.

Ранее, на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 2 марта 2022 г., Сербия проголосовала против специальной военной операции РФ на Украине. А. Вучич неоднократно повторял, что Белград поддерживает «территориальную целостность Украины, так же как поддерживает территориальную целостность Сербии»⁴⁶, которая при этом является единственной страной, находящейся западнее Белоруссии и не введшей санкции против РФ. Из 13 пунктов резолюции ООН «по осуждению действий России на Украине» Сербия поддержала только 4 — те, что не предполагают санкций и отчуждения имущества российских компаний в стране. В апреле 2022 г. тот же А. Вучич выразил благодарность российскому руководству за понимание решения Белграда проголосовать за приостановку участия РФ в Совете ООН по правам человека⁴⁷.

Сербия остается одной из немногих европейских стран, где всё еще работает «газовая дипломатия»⁴⁸, и Москва с пониманием относится к балансированию Белграда. Но интенсификация геополитической борьбы, в том числе на информационном фронте, грозит ослабить сложившиеся узы, и в первую очередь пострадает «надстройка» — отношения в области символической политики.

⁴⁵ Павлов Я. «Если Косово — не Сербия, то Донбасс — не Украина»: почему жалуется Вучич? // EurAsia Daily. 05.05.2022. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/05/esli-kosovo-ne-serbiya-to-donbass-ne-ukraina-pochemu-zhaluetsya-vuchich> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁶ Время давления на независимые страны прошло, заявил Вучич // РИА Новости. 23.06.2022. Доступ: <https://ria.ru/20220623/vuchich-1797498863.html?ysclid=ld4vuohgfk739630604> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁷ Ахтырко А. «Никогда не было тяжелее». Как сравнение Косово с Донбассом усложнило позицию Сербии // Газета.ru. 05.05.2022. Доступ: <https://www.gazeta.ru/politics/2022/05/05/14819048.shtml?ysclid=ld36fqst29509015615&updated> (дата обращения: 23.01.2023).

⁴⁸ В июне 2022 г. президенты России и Сербии условились о дальнейших бесперебойных поставках российского природного газа в Сербии. В настоящее время страна покупает газ в 4,5 раза дешевле, чем вся Европа. Новый газовый контракт подписан на три года, цена на газ рассчитывается 100% по нефтяной формуле, что означает от 310 до 408 долл. за 1 тыс. куб. м газа. Данные приводятся по: Павлов Я. «Если Косово — не Сербия, то Донбасс — не Украина»: почему жалуется Вучич? // EurAsia Daily. 05.05.2022. Доступ: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/05/esli-kosovo-ne-serbiya-to-donbass-ne-ukraina-pochemu-zhaluetsya-vuchich> (дата обращения: 23.01.2023).

Однако это будут межгосударственные отношения, а не отношения народов. Показательно, что пока тот же А. Вучич публично осуждает потенциальные контакты сербов с ЧВК «Вагнер», первые сербские добровольцы (никак не связанные с данной ЧВК) уже начали боевую подготовку в Запорожской области.

* * *

Обращение к исторической памяти всегда было одним из важнейших инструментов модерации общественно-политической повестки. Одновременно политика памяти выступает составным элементом современных практик *soft power*, которые формируют ценностную структуру национального самосознания и позитивный имидж страны на международной арене [Белов, 2021]. Причем последний тезис нуждается в уточнении: эффективное использование «мягкой силы» каким-либо государством возможно лишь при условии, что в своих мирополитических интеракциях оно не имеет дело с культурой, изначально отвергающей его как такового.

Постъюгославское пространство отличается высоким уровнем трансграничного мнемонического обмена, и зачастую исторические нарративы, сформированные элитами бывшей СФРЮ, противоречат один другому.

Мнемоническая дипломатия, даже в асимметричных отношениях, каковыми в силу различий в потенциалах государств являются отношения России и Сербии, не предполагает одностороннего навязывания контента. Цели и мотивы обеих сторон российско-сербского альянса памяти расходятся.

Лучшему пониманию мотивации Сербии к участию в мнемоническом союзе с Россией способствует анализ популистских тенденций во внутренней и внешней политике страны. Заинтересованность Белграда объясняется стремлением ретроспективно повысить роль Сербии в европейской и мировой истории, а также упрочить отношения с традиционным геополитическим союзником. Поводом к укреплению российско-сербского альянса памяти стал «косовский прецедент», но в современных условиях, после сецессии Крыма, вхождения в состав России Донецкой и Луганской Народных Республик, а также Херсонской и Запорожской областей, попытки российских политических лидеров провести аналогии между ситуациями в Косове и Донбассе негативно сказываются на отношениях Белграда

и Москвы. Неизменный аргумент, с которым Сербия выступает на любых международных площадках, включая ООН, — это защита территориальной целостности суверенных государств — тезис, распространяемый и на Украину.

Россия с помощью альянса памяти с Сербией укрепляла свой международный престиж как страны — наследницы Великой Победы и защитницы исторической правды от фальсификации. С момента образования нового независимого государства вопрос о его статусе в мировой системе был принципиально важен для Москвы. Стратегия социальной мобильности, неуместная для великой державы, была символически отброшена с разворотом Е.М. Примакова над Атлантикой и постепенно сменена на стратегии социального творчества и социальной конкуренции. Региональное социальное творчество Москвы на пространстве Западных Балкан выразилось в покровительстве консерватизму, православию, связях со славянами региона и продвижении комплементарных российскому исторических нарративов средствами мнемонической дипломатии. Применение этой стратегии, как следует из теории социальной идентичности, не предполагает, что претендент на статус открыто бросит вызов существующей и признаваемой им иерархии. Вместо этого он хочет получить искомый статус, отличившись в другой системе ранжирования. С 2014 г. во внешней политике России возобладали иная стратегия поиска международного статуса — стратегия конкуренции. Мировой порядок, сложившийся после окончания холодной войны, был окончательно признан нелегитимным. Россия стала выступать за его трансформацию в некую форму нового «концерта великих держав», в котором она будет участвовать наравне с другими. Это нашло отражение и в ужесточении риторики в области политики памяти, криминализации мемориального законодательства, отражающих готовность новой России выступить с позиции государства-ревизиониста [Edele, 2017], стремящегося к изменению сложившегося по итогам холодной войны несправедливого миропорядка. Угрозы обществу, которые присутствовали в более ранние периоды, риторически переносятся на настоящее, усиливая сценарии риска.

Когда описание взаимодействия с Западом через метафору второго издания холодной войны становится общим местом экспертных дискуссий, важно показать максимальному числу колеблющихся игроков как внутри, так и за пределами государства, что у тебя есть

союзники в этой борьбе, в том числе в области символической политики. Демонстрируя наличие у России мнемонических союзников вне постсоветского пространства, официальная Москва обозначает свою готовность обеспечить приемлемую для целого блока государств, не вписывающихся в западный неолиберальный проект, цивилизационную альтернативу Западу. Ссылка на Сербию как на еще одну страну, идущую по пути России, призвана оправдать мессианское изображение политическим руководством глобальной роли своей страны.

Однако в современной ситуации активизации информационного противостояния Запада и не-Запада Россия в восприятии политической элиты Белграда становится тем токсичным партнером, негативные эффекты взаимодействия с которым перевешивают позитивные. Симптоматично в данном случае одно из последних высказываний А. Вучича: «Когда у нас были самые большие потери и войны, у нас были союзники. Сейчас на нас никто не смотрел бы как на союзника из-за вооруженного конфликта на Украине и того факта, что Сербия, руководствуясь своей ответственной и честной позицией, не ввела санкции в отношении России»⁴⁹. Важно отметить: стратегия социальной конкуренции допускает, что действия соискателя более высокого статуса будут восприниматься как незаконные, дестабилизирующие или угрожающие существующей иерархии ценностей, однако в конечном счете победа останется за тем, чья версия мироустройства привлечет большее количество сателлитов и крупных игроков. Успешность любой стратегии измеряется, в числе прочего, готовностью обладателей более высокого статуса признать достижения страны в той области, где она пытается добиться престижа [Larson, Shevchenko, 2019: 271]. Статус — это ранг в иерархически выстроенном сообществе. Он интерсубъективен, поскольку основан на вере других и должен предоставляться путем добровольного уважения. Таким образом, восприятие имеет решающее значение.

В данном контексте контуры закладывающегося сегодня «миропорядка Z» определяют результаты специальной военной операции и способность России воспользоваться ими. Пока же, хотя формально Сербия занимает нейтральную позицию, операция по

⁴⁹ Вучич заявил, что Сербия осталась без союзников на Западе // РИА Новости. 02.02.2023. Доступ: <https://ria.ru/20230202/serbiya-1849251777.html?ysclid=ldoe1qdfhm757930634> (дата обращения: 03.02.2023).

«денацификации» Украины подорвала ее надежды на улучшение своего регионального и глобального статуса при помощи Москвы. В данном контексте российскому высшему политическому руководству остается акцентировать антинатовскую составляющую своего отношения к «прецеденту Косова», рассчитывая на сохранение поддержки если не официального Белграда, то сербского общества, и не педалировать тему права на самоопределение.

Анализируя уровень самоценности мнемонической дипломатии, отметим, что политические акторы неизменно демонстрируют чувствительность к культурному контексту, выстраивая свои исторические интерпретации. Последние должны хотя бы в минимальной степени соответствовать базовым ценностям политики, чтобы иметь перспективы достижения долгосрочного резонанса в обществе. Откликаясь на вызовы сегодняшнего дня, политика памяти всё же не полностью свободна от влияния укоренившихся традиций, норм и ценностей. Пренебрежение этим обстоятельством нередко оборачивается расколом между элитами, подвижными тактическими соображениями получения максимальной экономической выгоды, и обществом, более инертным в части сохранения опорных элементов своей культурной идентичности.

Обуславливающие факторы мнемонической дипломатии возникают как на национальной, так и на экстратерриториальной почве. И в данном контексте уместно сравнить альянсы памяти с золотом эльфов из «Лабиринтов Эхо» М. Фрая: вынесенное за пределы волшебного леса, оно превращалось в труху. Для сохранения «золотого» мнемонического союзничества необходимо, чтобы отношения взаимодействующих акторов развивались в «волшебном лесу» пусть асимметричных, но тесных экономических связей: взаимной геополитической заинтересованности и общего видения будущего. Вынесенные за пределы этой комфортной зоны комплементарные исторические нарративы, построенные на обращении к общему наследию, утрачивают силу притяжения и оказываются перед вызовом трансформации, соответствующей новому определению национальных интересов в условиях смены союзников и противников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белградская операция / Под общ. ред. Д.А. Волкогонова, С. Йоксимовича. М.: Воениздат, 1990.

2. Белов С.И. Трансформации политики памяти в отношении Второй мировой войны в 2008–2018 гг.: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук. М., 2021. Доступ: https://iphras.ru/uplfile/diss/belov/avtoreferat_belov.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

3. Горельский И.Е., Миронюк М.Г. Взбираясь по «статусной лестнице»: опыт эмпирического исследования связи статуса государства в системе международных отношений и государственной состоятельности // Политическая наука. 2019. № 3. С. 140–174. DOI: 10.31249/poln/2019.03.06.

4. Джурейнович Е., Попович М. «Работы малочисленной группы историков-ревизионистов получают огромный резонанс в медиа, поскольку они выступают агентами санкционированной государством политики памяти». Интервью с Е. Джурейнович // Историческая экспертиза. 2020. № 4 (25). С. 61–76. Доступ: https://ac1e3abf-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_b9c88769b1584a7198e36a7d46c60868.pdf (дата обращения: 23.01.2023).

5. Ефременко Д.В. Драма европейской идентичности // Политическая наука. 2005. № 3. С. 157–169.

6. Ефременко Д.В. Миропорядок Z. Необратимость изменений и перспективы выживания // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20. № 3 (115). С. 12–30. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30.

7. Ефременко Д.В. «Скелеты в славянском шкафу». Контроверзы исторической памяти и нацистроительство в Сербии и Хорватии после распада СФРЮ // Полис. Политические исследования. 2021. № 5. С. 127–145. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.09.

8. Ефременко Д.В., Севастьянова Я.В. Секьюритизация памяти и дилемма мнемонической безопасности // Политическая наука. 2020. № 2. С. 66–86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03.

9. Малинова О.Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти: сборник научных трудов / Отв. ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. С. 27–54.

10. Малинова О.Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис. Политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.

11. Мелешкина Е.Ю. Память о социалистической Югославии в публичном пространстве бывших республик СФРЮ // Политическая наука. 2018. № 3. С. 217–237. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11.

12. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / Под ред. А.И. Миллера, М. Липмана. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.

13. Миллер А.И. Политика памяти в посткоммунистической Европе и ее воздействие на европейскую культуру памяти // *Полития: анализ, хроника, прогноз*. 2016. № 1 (80). С. 111–121. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121.

14. Нагорная О.С. Репрезентации прошлого в международных публичных пространствах: практики и границы мемориальной дипломатии // *Новое прошлое*. 2020. № 2. С. 90–100. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-90-100.

15. Нойманн И. Использование «Другого»: образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004.

16. Понамарёва А.М. Огосударствление гражданских инициатив в практике политического использования прошлого (на примере движения «Бессмертный полк») // *Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Акторы, институты, нарративы* / Под ред. А.И. Миллера, Д.В. Ефременко. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2020. С. 188–201.

17. Прохоренко И.Л. Внешнеполитическая идентичность // *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание* / Отв. ред. И.С. Семенов. Москва: Весь мир, 2017. С. 465–469.

18. Семенов И.С. Политика идентичности // *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 1: Идентичность как категория политической науки: словарь терминов и понятий* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2011. С. 162–168.

19. Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // *Полис. Политические исследования*. 2016. № 4. С. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03.

20. Семенов И.С. Политическая идентичность в контексте политики идентичности // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. 2011. Т. 7. № 2. С. 5–24.

21. Тимофеев А.Ю. Метаморфозы памяти о боевом братстве русских и сербов в годы Второй мировой войны в современной Сербии // *Вестник МГИМО-Университета*. 2020. Т. 13. № 4. С. 142–156. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156.

22. Фадеева Л.А. Политика идентичности: акторы, стратегии, дискурсы // *Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 т. Т. 2: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке* / Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012. С. 72–98.

23. Фененко А.В. Анти-мягкая сила в политической теории и практике // *Международные процессы*. 2020. Т. 18. № 1 (60). С. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3.

24. Цумарова Е.Ю. Политика идентичности: politics или policy? // *Вестник Пермского университета. Политология*. 2012. № 2 (18). С. 5–16.

25. Энтина Е.Г., Смирнова А.С. Роль диаспоры в формировании и развитии «мягкой силы» России в современной Сербии // Современная Европа. 2018. № 5 (84). С. 49–59. DOI: 10.15211/soveurope520184959.

26. Edele M. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of World War II // History and Memory. 2017. Vol. 29. No. 2. P. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.

27. Europa: Notre histoire / Ed. by E. François, T. Serrier. Paris: Éditions des Arènes, 2017.

28. Hay C. Structure and agency // Theory and methods in political science / Ed. by D. Marsh, G. Stoker. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. P. 189–206.

29. Krickovic A., Weber Y. What can Russia teach us about change? Status seeking as a catalyst for transformation in international politics // International Studies Review. 2018. Vol. 20. No. 2. P. 292–300. DOI: 10.1093/isr/viy024.

30. Larson D.W., Shevchenko A. Quest for status: Chinese and Russian foreign policy. New Haven: Yale University Press, 2019.

31. Larson D.W., Shevchenko A. Status seekers: Chinese and Russian responses to US primacy // International Security. 2010. Vol. 34. No. 4. P. 63–95. DOI: 10.1162/isec.2010.34.4.63.

32. Larson D.W., Wohlforth W.C. Status and world order // Status in world politics / Ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. New York: Cambridge University Press, 2014. P. 3–29.

33. Manojlović P.O. Nevidljiva mesta sećanja: Spomenici crvenoarmejcima u Srbiji. Oslobođenje Beograda 1944. 2010. P. 545–553.

34. McGlynn J., Đureinović H. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy // Memory Studies. 2022. P. 1–16. DOI: 10.1177/17506980211073108.

35. Šćepanović J. Russia, the Western Balkans, and the question of status // East European Politics and Societies. 2022. P. 1–25. DOI: 10.1177/08883254221130366.

36. Stojanović D. Revisions of Second World War history in contemporary Serbia // Serbia and the Serbs in World War Two / Ed. by S.P. Ramet, O. Listhaug. London: Palgrave Macmillan, 2011. P. 247–264.

37. Tajfel H. Social psychology of intergroup relations // Annual Review of Psychology. 1982. Vol. 33. No. 1. P. 1–39. DOI: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245.

38. Walker S. The long hangover: Putin's Russia and the ghosts of the past. Oxford; New York: Oxford University Press, 2018.

39. Živanović M. Politika sećanja u Jugoslaviji na oslobodilačke operacije 1944: i ulogu Crvene armije // Tokovi Istorije. 2020. No. 2. P. 139–160. DOI: 10.31212/tokovi.2020.2.ziv.139-160.

REFERENCES

1. Volkogonov D.A., Ioksimovich S. (eds.). 1990. *Belgradskaya operatsiya* [The Belgrade offensive]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)

2. Belov S.I. 2021. *Transformatsii politiki pamyati v otnoshenii Vtoroi mirovoi voyny v 2008–2018 gg.* [Transformations of the politics of memory in relation to the Second World War in 2008–2018]. Abstract of Doctor of Science thesis. Moscow. Available at: https://iphras.ru/uplfile/diss/below/avtoreferat_belov.pdf (accessed: 23.01.2023). (In Russ.)

3. Gorel'skii I.E., Mironyuk M.G. 2019. Vzbirayas' po 'statusnoi lestnitse': opyt empiricheskogo issledovaniya svyazi statusa gosudarstva v sisteme mezhdunarodnykh otnoshenii i gosudarstvennoi sostoyatel'nosti [Climbing the status ladder: An experiment in empirical research of relation between status of a state in the system of international relations and state capacity]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 140–174. DOI: 10.31249/poln/2019.03.06. (In Russ.)

4. Dzhureinovich E., Popovich M. 2020. 'Raboty malochislennoi gruppy istorikov-revizionistov poluchayut ogromnyi rezonans v media, poskol'ku oni vystupayut agentami sanktsionirovannoi gosudarstvom politiki pamyati'. Interv'y u s E. Dzhureinovich ['Serbian revisionist historians are actually fewer than five people. However, their work resonates widely because they receive media attention'. Interview with Jelena Đureinović]. *The Historical Expertise*, no. 4 (25), pp. 61–76. Available at: https://ac1e3a6f-914c-4de9-ab23-1dac1208aaf7.usrfiles.com/ugd/2fab34_b9c88769b1584a7198e36a7d46c60868.pdf (accessed: 23.01.2023). (In Russ.)

5. Efremenko D.V. 2005. Drama evropeiskoi identichnosti [The drama of European identity]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 157–169. (In Russ.)

6. Efremenko D.V. 2022. Miroporyadok Z. Neobratimost' izmenenii i perspektivy vyzhivaniya [World order Z: The irreversibility of change and prospects for survival]. *Russia in the Global Affairs*, vol. 20, no. 3 (115), pp. 12–30. DOI: 10.31278/1810-6439-2022-20-3-12-30. (In Russ.)

7. Efremenko D.V. 2021. 'Skelety v slavyanskom shkafu'. Kontroverzy istoricheskoi pamyati i natsiestroitel'stvo v Serbii i Khorvatii posle raspada SFRYU [Skeletons in a Slavic closet. Controversies of historical memory and nation-building in Serbia and Croatia after the collapse of the SFRY]. *Polis. Political Studies*, no. 5, pp. 127–145. DOI: 10.17976/jpps/2021.05.09. (In Russ.)

8. Efremenko D.V., Sevast'yanova Ya.V. 2020. Sek'yuritizedatsiya pamyati i dilemma mnemonicheskoi bezopasnosti [Securitization of memory and dilemma of mnemonic security]. *Politicheskaya nauka*, no. 2, pp. 66–86. DOI: 10.31249/poln/2020.02.03. (In Russ.)

9. Malinova O.Yu. 2018. Politika pamyati kak oblast' simvolicheskoi politiki [Politics of memory as a branch of symbolic politics]. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Metodologicheskies voprosy izucheniya politiki pamyati: sbornik nauchnykh trudov* [Methodological issues of studying the politics of memory]. Moscow, Saint-Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 27–54. (In Russ.)

10. Malinova O.Yu. 2010. Simvolicheskaya politika i konstruirovaniye makropoliticheskoi identichnosti v postsovetsskoi Rossii [Symbolic politics and

construction of macro-political identity in post-soviet Russia]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 90–105. (In Russ.)

11. Meleshkina E.Yu. 2018. Pamyat' o sotsialisticheskoi Yugoslavii v publichnom prostranstve byvshikh respublik SFRYu [Memory of socialist Yugoslavia in public sphere of the former SFRY republics]. *Politicheskaya nauka*, no. 3, pp. 217–237. DOI: 10.31249/poln/2018.03.11. (In Russ.)

12. Miller A.I. 2012. Istoricheskaya politika v Vostochnoi Evrope nachala XXI v. [History politics in Eastern Europe at the beginning of the 21st century]. In: Miller A.I., Lipman M. (eds.). *Istoricheskaya politika v XXI veke* [History politics in the 21st century]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., pp. 7–32. (In Russ.)

13. Miller A.I. 2016. Politika pamyati v postkommunisticheskoi Evrope i ee vozdeistvie na evropeiskuyu kul'turu pamyati [The politics of memory in post-communist Europe and its impact on the European memory culture]. *Politeia*, no. 1 (80), pp. 111–121. DOI: 10.30570/2078-5089-2016-80-1-111-121. (In Russ.)

14. Nagornaya O.S. 2020. Rerezentatsii proshlogo v mehdunarodnykh publichnykh prostranstvakh: praktiki i granitsy memorial'noi diplomatii [Representations of the past in the international public spaces: Practices and limitations of memorial diplomacy]. *The New Past*, no. 2, pp. 90–100. DOI: 10.18522/2500-3224-2020-2-90-100. (In Russ.)

15. Neumann I. 1998. *Uses of the Other: 'The East in the European identity formation*. University of Minnesota Press [Russ. ed.: Noimann I. 2004. Ispol'zovanie 'Drugogo': obrazy Vostoka v formirovanii evropeiskoi identichnosti. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ.].

16. Ponomareva A.M. 2020. Ogosudarstvenie grazhdanskikh initsiativ v praktike politicheskogo ispol'zovaniya proshlogo (na primere dvizheniya 'Bessmertnyi polk') [Nationalization of civil initiatives in the political instrumentalization of the past (The case of the movement 'Immortal Regiment')]. In: Miller A.I., Efremenko D.V. (eds.). *Politika pamyati v sovremennoi Rossii i stranakh Vostochnoi Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The politics of memory in contemporary Russia and in countries of Eastern Europe. Actors, institutions, narratives]. Saint Petersburg, Evropeiskii universitet v Sankt-Peterburge Publ., pp. 188–201. (In Russ.)

17. Prokhorenko I.L. 2017. Vneshnepoliticheskaya identichnost' [Foreign policy identity]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic edition]. Moscow, Ves' mir Publ., pp. 465–469. (In Russ.)

18. Semenenko I.S. 2011a. Politika identichnosti [Identity politics]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 1: Identichnost' kak kategoriya politicheskoi nauki: slovar' terminov i ponyatii* [Political identity and identity politics: In 2 vols. Vol. 1: Identity as a category of

political science: Dictionary of terms and concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 162–168. (In Russ.)

19. Semenenko I.S. 2016. Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti: etnonatsional'nye rakursy, evropeiskii kontekst [Identity politics and identity in politics: Ethno-national perspectives, European context]. *Polis. Political Studies*, no. 4, pp. 8–28. DOI: 10.17976/jpps/2016.04.03. (In Russ.)

20. Semenenko I.S. 2011b. Politicheskaya identichnost' v kontekste politiki identichnosti [Political identity and identity politics]. *Political Expertise: POLITEX*, vol. 7, no. 2, pp. 5–24. (In Russ.)

21. Timofeev A.Yu. 2020. Metamorfozy pamyati o boevom bratstve russkikh i serbov v gody Vtoroi mirovoi voyny v sovremennoi Serbii [Metamorphoses of memory of the Russian-Serbian brotherhood of war in modern Serbia]. *MGIMO Review of International Relations*, vol. 13, no. 4, pp. 142–156. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-4-73-142-156. (In Russ.)

22. Fadeeva L.A. 2012. Politika identichnosti: akторы, strategii, diskursy [Identity politics: Actors, strategies, discourses]. In: Semenenko I.S. (ed.). *Politicheskaya identichnost' i politika identichnosti: V 2 t. T. 2: Identichnost' i sotsial'no-politicheskie izmeneniya v XXI veke* [Political identity and identity politics: In 2 vols. Vol. 2: Identity and socio-political changes in the 21st century]. Moscow, ROSSPEN Publ., pp. 72–98. (In Russ.)

23. Fenenko A.V. 2020. Anti-myagkaya sila v politicheskoi teorii i praktike [Anti-soft power in political theory and practice]. *International Trends*, vol. 18, no. 1 (60), pp. 40–71. DOI: 10.17994/IT.2020.18.1.60.3. (In Russ.)

24. Tsumarova E.Yu. 2012. Politika identichnosti: politics ili policy? [Identity politics: politics or policy]. *Bulletin of Perm University. Political Science*, no. 2 (18), pp. 5–16. (In Russ.)

25. Entina E.G., Smirnova A.S. 2018. Rol' diaspory v formirovanii i razvitiu 'myagkoi sily' Rossii v sovremennoi Serbii [The role of the diaspora in the formation and the development of Russia's 'soft power' in modern Serbia]. *Contemporary Europe*, no. 5 (84), pp. 49–59. DOI: 10.15211/soveurope520184959. (In Russ.)

26. Edele M. 2017. Fighting Russia's history wars: Vladimir Putin and the codification of World War II. *History and Memory*, vol. 29, no. 2, pp. 90–124. DOI: 10.2979/histmemo.29.2.05.

27. François E., Serrier T. (eds.). 2017. *Europa: Notre histoire*. Paris, Éditions des Arènes.

28. Hay C. 2010. Structure and agency. In: Marsh D., Stoker G. (eds.). *Theory and methods in political science*. Basingstoke, Palgrave Macmillan, pp. 189–206.

29. Krickovic A., Weber Y. 2018. What can Russia teach us about change? Status seeking as a catalyst for transformation in international politics. *International Studies Review*, vol. 20, no. 2, pp. 292–300. DOI: 10.1093/isr/viy024.

30. Larson D.W., Shevchenko A. 2019. *Quest for status: Chinese and Russian foreign policy*. New Haven, Yale University Press.

31. Larson D.W., Shevchenko A. 2010. Status seekers: Chinese and Russian responses to US primacy. *International Security*, vol. 34, no. 4, pp. 63–95. DOI: 10.1162/isec.2010.34.4.63.

32. Larson D.W., Wohlforth W.C. 2014. Status and world order. In: Paul T.V., Larson D.W., Wohlforth W.C. (eds.). *Status in world politics*. New York, Cambridge University Press, pp. 3–29.

33. Manojlović P.O. 2010. *Nevidljiva mesta sećanja: Spomenici crvenoarmejcima u Srbiji. Oslobođenje Beograda 1944*, pp. 545–553.

34. McGlynn J., Đureinović H. 2022. The alliance of victory: Russo-Serbian memory diplomacy. *Memory Studies*, pp. 1–16. DOI: 10.1177/17506980211073108.

35. Šćepanović J. 2022. Russia, the Western Balkans, and the question of status. *East European Politics and Societies*, pp. 1–25. DOI: 10.1177/08883254221130366.

36. Stojanović D. 2011. Revisions of Second World War history in contemporary Serbia. In: Ramet S.P., Listhaug O. (eds.). *Serbia and the Serbs in World War Two*. London, Palgrave Macmillan, pp. 247–264.

37. Tajfel H. 1982. Social psychology of intergroup relations. *Annual Review of Psychology*, vol. 33, no. 1, pp. 1–39. DOI: 10.1146/annurev.ps.33.020182.000245.

38. Walker S. 2018. *The long hangover: Putin's Russia and the ghosts of the past*. Oxford, New York, Oxford University Press.

39. Živanović M. 2020. Politika sećanja u Jugoslaviji na oslobodilačke operacije 1944: i ulogu Crvene armije. *Tokovi Istorije*, no. 2, pp. 139–160. DOI: 10.31212/tokovi.2020.2.ziv.139-160.

Статья поступила в редакцию 21.01.2023; одобрена после рецензирования 02.03.2023; принята к публикации 20.05.2023

The paper was submitted 21.01.2023; approved after reviewing 02.03.2023; accepted for publication 20.05.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163

Научная статья / Research paper

В.И. Бартнев*

СОДЕЙСТВИЕ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ ДЛЯ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЛОГИКА СОПРЯЖЕНИЯ ТЕМ**

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, ул. Ленинские горы, 1*

Содействие международному развитию (СМР) и политические риски для внешнеэкономической деятельности (ВЭД) — две темы, традиционно пользующиеся особым вниманием специалистов в области международной политической экономии. Каждая из этих тем изучается в рамках отдельной субдисциплины со своей особой терминологией, мощными профильными аналитическими центрами и авторитетными рецензируемыми изданиями. Хотя политические риски ассоциировались преимущественно с развивающимися странами (а по окончании холодной войны — также с государствами с переходной экономикой), эти предметные области парадоксальным образом развивались независимо друг от друга. Цель статьи — обозначить общие логические основания для сопряжения исследовательских повесток и наметить пунктиром линии их пересечения.

В первых двух разделах сформулированы аргументы в пользу взаимосвязанности двух тем. В качестве первого логического основания обозначены наличие коммерческой составляющей в любом виде содействия развитию и способность СМР служить инструментом обеспечения внешнеэкономических интересов, в качестве второго — неразрывная связь политических рисков для ведения бизнеса с дисбалансами в развитии. В третьем разделе рассмотрены конкретные измерения сопряжения исследовательских повесток. К таковым отнесены: 1) учет политических рисков при планировании и осуществлении программ и проектов развития; 2) оценка влияния реализации политических рисков на возмож-

* *Бартнев Владимир Игоревич* — кандидат исторических наук, директор-организатор Центра проблем безопасности и развития факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: vl_bartnev@mail.ru).

** Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01060 (<https://rscf.ru/project/23-28-01060/>).

ности различных провайдеров СМР по предоставлению средств в целях международного развития; 3) анализ применения инструментов СМР в целях митигации политических рисков для ВЭД — как с помощью непосредственного снижения уровня оцениваемого бизнес-структурами риска, так и через опосредованное воздействие на среду, в которой генерируются те или иные политические риски; 4) изучение логики формирования новых рисков в ходе применения инструментов СМР. В заключении обоснована необходимость выявления обратного влияния новых трендов в области СМР на параметры политических рисков для субъектов ВЭД из западных и незападных государств в условиях ускорения глобальной турбулентности с опорой на широкий массив традиционных и новых источников статистических данных. Намечена последовательность шагов, которые следует предпринять для достижения этой цели, и дана оценка теоретической и практической значимости ожидаемых результатов.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, политические риски, внешнеэкономическая деятельность, страхование политических рисков, инвестиции, международная политическая экономия, инструменты мобилизации ресурсов частного сектора, гарантии

Для цитирования: Бартенев В.И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163.

Vladimir I. Bartenev

**INTERNATIONAL DEVELOPMENT COOPERATION
AND POLITICAL RISKS FOR TRANSNATIONAL BUSINESS:
LINKING RESEARCH TOPICS**

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

International development cooperation and political risks for transnational business are two topics which have always drawn attention from specialists in international political economy. Each of these topics is studied by a dedicated subdiscipline with a specific terminology, strong analytical centers and influential peer-reviewed journals. Despite political risks had initially been associated with developing countries (and transition economies — after the Cold War),

two distinctive research clusters have developed separately from one another — quite inexplicably. Drawing on the idea of immanent proximity of international development studies and political risk analysis, this paper develops the logic of blending their research agendas.

The first two sections formulate key presumptions meant to justify the conjugation of two topics. The first presumption is an acknowledgement of an engrained commercial motivation in any modality of development cooperation and the latter's ability to serve as a tool to promote foreign economic interests. The second presumption emphasizes the existence of an indissoluble link between political risks for business with socio-economic and political development disbalances within and between countries. The final section identifies concrete dimensions of conjugation of two research agendas, such as: 1) conducting political risk assessments in the course of programming and implementing development projects; 2) examining the impact of political risk manifestations on provider countries' ability to mobilize financial resources for international development; 3) studying the practices of using different development cooperation tools to mitigate political risks for foreign economic activity — both through a direct and deliberate reduction of risk perceived by business and through an indirect impact on the environment where political risks are formed; 4) exploring the logic of emergence of new risk factors (of various types) in the course of implementing development cooperation policies. The conclusion argues for focusing on the reverse impact of new trends in international development cooperation on the parameters of political risks for international business from the Western and non-Western countries amidst the global turbulence, using all available sources of statistical data — conventional and unconventional. It also draws a step-by-step research plan and assesses the theoretical and policy relevance of obtaining anticipated results.

Keywords: international development cooperation, official development assistance, political risks, foreign economic activity, political risk insurance, investments, international political economy, private sector instruments, guarantees

About the author: *Vladimir I. Bartenev* — PhD (History), Founding Director of the Center for Security and Development Studies, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: vl_bartenev@mail.ru).

Acknowledgements: This research has been conducted with the financial support from the Russian Science Foundation, project No 23-28-01060 (<https://rscf.ru/en/project/23-28-01060/>).

For citation: Bartenev V.I. 2023. International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 133–163. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-133-163. (In Russ.)

Международная политическая экономия (МПЭ) как междисциплинарное направление исследований [см.: Олейнов, 2017] к настоящему моменту получила широкое признание и за рубежом, и в Российской Федерации, где стала активно складываться собственная школа [Ткаченко, 2015]. Бурное развитие МПЭ было обусловлено главным образом резким усилением взаимного проникновения политики и экономики в эпоху глобализации. Однако стремительное нарастание деглобализационных тенденций после мирового финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг. лишь повысило востребованность политэкономических разработок.

В число явлений, которым специалисты в области МПЭ неизменно уделяют особое внимание в своих исследованиях, входят, в частности, содействие международному развитию (СМР) и политические риски для внешнеэкономической деятельности (ВЭД). Каждое из них изучается в рамках отдельной субдисциплины — со своей особой терминологией, мощными профильными аналитическими центрами и авторитетными рецензируемыми изданиями. Хотя политические риски всех основных типов преимущественно ассоциировались с развивающимися странами (а после окончания холодной войны — также с государствами с переходной экономикой), две эти предметные области парадоксальным образом формировались независимо друг от друга. Тематики могли соседствовать на страницах крупных изданий обобщающего характера [один из редких примеров такого соседства в российской науке: Братерский, 2010], но богатый потенциал, который давала работа на их стыке, оставался не раскрыт — по неизвестным причинам, заслуживающим отдельного разбора и осмысления.

Цель данной статьи — логически обосновать возможность и необходимость сопряжения двух проблемных полей — исследований в области СМР и анализа политических рисков — и наметить пунктиром конкретные линии такого сопряжения. Эта нетривиальная задача еще не ставилась в научной литературе ни в Российской Федерации, ни за рубежом, несмотря на явный интерес специалистов, главным образом европейских, к отдельным аспектам заявленной проблематики. Этот интерес нашел отражение, например, в ряде новейших аналитических разработок, в которых рассматриваются проблемы мобилизации ресурсов частного сектора в целях развития и оцениваются среди прочего непреднамеренные негативные последствия применения инструментов страхования политических рисков (СПР) (*political risk insurance*, PRI) [Mayer, 2018; Bayliss et al., 2020; Craviotto, Caio, 2021;

Craviotto, 2022; и др.]. Основные тезисы, содержащиеся в этих публикациях, будут разобраны более детально в основной части статьи.

Дополнительную актуальность решению поставленной нами исследовательской задачи придает и динамика международных процессов последних лет. С одной стороны, объективно резко возросло внимание к вопросам мобилизации ресурсов частного сектора для целей устойчивого развития вследствие принятия в 2015 г. новой амбициозной глобальной повестки на период до 2030 г. и Аддис-Абебской программы действий, содержащей призыв увеличить на порядок объемы финансирования развития (перейти «от миллиардов к триллионам»). Добиться прорыва предполагалось, в частности, за счет привлечения дополнительных средств от зарубежных компаний, традиционно опасаящихся инвестировать в страны с высоким уровнем рисков, в том числе политических. С другой стороны, совокупный уровень рисков такого рода в мире в последние годы только увеличился — как по причине снижения стрессоустойчивости многих развивающихся стран, не в последнюю очередь — на фоне пандемии COVID-19, так и в результате нового стремительного обострения конкуренции идеологий, систем и моделей организации общественной жизни.

В новых политико-экономических условиях сопряжение заявленных тем обретает не только сугубо теоретическую, но и практическую значимость, становясь элементом поиска новых прикладных решений, связанных как с управлением рисками в ВЭД, так и с реализацией задач устойчивого развития. Однако для такого сопряжения необходимо привести непротиворечивые логические основания, попутно прояснив значение ключевых понятий и составив тот глоссарий, с помощью которого можно будет чертить нужные связи.

Содействие международному развитию как инструмент обеспечения внешнеэкономических интересов

Содействие международному развитию (СМР) — термин, который к настоящему моменту уже прочно закрепился в отечественном дискурсе — как политическом, так и научно-образовательном — и используется для обозначения того или иного набора инструментов невоенного сотрудничества с иностранными государствами, осуществляемого на льготной или безвозмездной основе. Законодательно содержательные границы категории «СМР» так и не были демаркированы, несмотря на многолетние призывы специалистов и отдельных представителей органов государственной власти [см., например: Ермо-

лов, 2015]. Однако применяется понятие в России на удивление широко. Его можно обнаружить в отдельных нормативно-правовых актах, доктринальных документах различного уровня, включая и широко известную Концепцию государственной политики в сфере СМР 2014 г.¹ (обновленную в марте 2023 г.²), и даже в наименованиях структурных подразделений министерств и ведомств³. В научно-образовательном поле термин присутствует в названиях элементов образовательных программ ведущих университетов⁴ и учебных изданий, которые готовятся для обеспечения их реализации [Содействие международному развитию..., 2012, 2022], крупных исследований монографического характера [Дегтерев, 2016; Содействие международному развитию..., 2018], диссертаций (причем как по экономическим [Зайцев, 2013; Белецкая, 2017; Морозкина, 2018], так и по политическим [Попова, 2019] специальностям), сотен научных статей⁵.

¹ Концепция государственной политики Российской Федерации в области содействия международному развитию (утв. Указом Президента РФ от 20 апреля 2014 г. № 259) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.04.2014. Доступ: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1584961/ (дата обращения: 05.02.2023).

² Указ Президента Российской Федерации от 13 марта 2023 г. № 161 «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» // Официальный интернет-портал правовой информации. 13.03.2023. Доступ: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130003> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Управление содействия международному развитию (ранее — Управление содействия международному развитию и гуманитарных программ) Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничества); отдел содействия международному развитию Департамента международных финансовых отношений Министерства финансов РФ; отдел по вопросам оперативной деятельности Организации Объединенных Наций и содействия международному развитию Министерства иностранных дел РФ.

⁴ Курс «Содействие международному развитию в политике глобальных акторов» в рамках магистерской программы «Экономическая дипломатия» на факультете мировой политики МГУ (читается на английском языке); курс «Актуальные проблемы содействия международному развитию» в рамках магистерской программы «Политика и экономика регионов мира (Европа и Америка)» в МГИМО (У) МИД РФ и др.

⁵ В базе данных РИНЦ проиндексировано в общей сложности почти 200 публикаций с термином «содействие международному развитию» непосредственно в названии, аннотации или списке ключевых слов, а общее число публикаций, в которых он используется, по состоянию на начало февраля 2023 г. уже приближается к 600.

Поскольку единства в подходах к определению содержательных границ «автохтонного» термина «СМР» не наблюдается, считаем важным зафиксировать в тексте рабочую дефиницию и соотнести ее с понятиями, прямо заимствованными из международного дискурса. Под СМР в статье будет пониматься совокупность мер, принимаемых органами государственной власти различных уровней, органами местного самоуправления, юридическими и физическими лицами в рамках оказания финансового, технического, гуманитарного и иного содействия (безвозмездного или на льготных условиях), направленного — прямо или косвенно — на обеспечение устойчивого и безопасного социально-экономического развития иностранных государств и урегулирование различного рода чрезвычайных ситуаций. Эта расширительная трактовка содержательно максимально близка той, которую изначально планировалось закрепить в уточненной редакции Концепции государственной политики в области СМР согласно проекту, разработанному МИД России и вынесенному на общественное обсуждение весной 2022 г.⁶, но которая так и не вошла в итоговый текст недавно принятого нормативно-правового акта.

Выбранное определение позволяет включать в СМР весьма широкий спектр потоков — как официальных, так и частных⁷. Официальный компонент СМР в этом случае, по сути, становится аналогом внедренной совсем недавно статистической категории «Общая официальная поддержка устойчивого развития» (ООПУР; *total official support for sustainable development*, TOSSD), которая охва-

⁶Проект Указа Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Концепцию государственной политики Российской Федерации в сфере содействия международному развитию, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259» // Федеральный портал проектов нормативно-правовых актов. Доступ: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=113016> (дата обращения: 15.03.2023).

⁷Это, впрочем, не самое широкое определение. Например, доцент кафедры мировой экономики МГИМО (У) МИД РФ Л.М. Капица, один из ответственных редакторов нового учебника «Содействие международному развитию», увидевшего свет летом 2022 г., определяет СМР как «совокупность некоторых видов некоммерческой деятельности, направленных на стимулирование и поддержку мировых процессов социально-экономической трансформации, которые способствуют переходу к модели устойчивого развития, ликвидации нищеты и выравниванию благосостояния как между регионами и странами, так и внутри страны» [Содействие международному развитию..., 2022: 124].

тывает официальную помощь развитию (ОПР), прочее официальное финансирование (ПОФ; *other official flows*, ООФ), не соответствующее ее жестким критериям в части целеполагания или степени льготности, трехстороннее сотрудничество, сотрудничество по линии Юг-Юг и инструменты мобилизации ресурсов частного сектора (*private sector instruments*, PSI), а также ряд нетрансграничных потоков, нацеленных на решение глобальных проблем.

При этом крайне важно понимать: и государственное, и частное содействие международному развитию — это не благотворительность. Провайдеры СМР никогда не действуют полностью бескорыстно и не забывают о своих прагматических интересах даже тогда, когда предоставляют гуманитарную помощь, хотя филантропические мотивы также могут играть важную роль. Сказанное относится и к негосударственным акторам (в том числе к частным компаниям — субъектам ВЭД), и к государствам-провайдерам, и даже к многосторонним организациям.

Так, для компаний, занимающихся внешнеэкономической деятельностью, стало уже общепринятым выделение средств на реализацию проектов корпоративной социальной ответственности (КСО), бенефициарами которых выступают граждане стран, где размещаются инвестиции или осуществляются экспортно-импортные операции. Речь может идти как о реализации социально ориентированных проектов непосредственно в развивающихся странах, так и, например, о финансировании расходов на обучение/повышение квалификации граждан в стране размещения штаб-квартиры компании. Очевидно, что такого рода действия продиктованы не только и не столько заботой бизнес-структур о нуждающихся, сколько стремлением улучшить свой имидж и конвертировать в дальнейшем репутационные дивиденды в материальные (дополнительную прибыль), в том числе за счет минимизации потерь от реализации различного рода рисков — как коммерческих, так и политических.

Обеспечивать свои прагматические интересы международный бизнес может не только через такого рода проекты КСО, но и через задействие — в той или иной форме — официальных учреждений страны происхождения. Речь может идти, с одной стороны, о софинансировании (в рамках государственно-частных партнерств различного формата) [см., например: Старикова, 2021], с другой — о лоббистской деятельности, призванной добиться от официальных учреждений «своей» страны направления ресурсов СМР в то или

иное иностранное государство, где компания ведет или намеревается вести бизнес, либо в те многосторонние организации, которые могут помочь реализации ее интересов.

Такая лоббистская деятельность может осуществляться как в индивидуальном порядке, так и через различные «зонтичные» структуры, например отраслевые ассоциации, группы адвокации (чаще всего включающие представителей не только бизнеса, но и некоммерческого сектора) или консультативные советы и рабочие группы по вопросам оказания СМР, создаваемые под эгидой органов государственной власти, а также через внесение взносов в избирательные кампании политиков, чей голос может иметь значение при выделении государственных ассигнований на цели содействия развитию. Так, американские ученые Д. Тингли и Х. Милнер из Принстонского университета в свое время выявили, что получавшие большие взносы от инвестиционных банков и компаний республиканцы склонны были «предавать» линию партии и поддерживать выделение средств на международную помощь, в то время как демократы, получавшие меньшие взносы, чаще голосовали против ее увеличения [Milner, Tingley, 2010: 225]. Еще одной нередко упускаемой из виду формой оказания частным бизнесом влияния на политику властей в области СМР может выступать финансирование ими проведения исследований профильными аналитическими центрами.

В структуре мотивации властей государств — провайдеров СМР также присутствуют и политико-стратегические интересы (включая обеспечение безопасности, расширение сфер влияния, продвижение той или иной идеологии, ценностей, модели развития, религии, культуры, языка и т.п.), и коммерческие — содействие расширению рынков сбыта продукции и инвестиционной деятельности национальных компаний, импорт стратегических ресурсов из стран-партнеров и т.п. В одном из хрестоматийных трудов, посвященных выявлению мотивов доноров на основе анализа характера распределения предоставляемой ими помощи, профессор Университета Париж 1 Пантеон-Сорбонна Ж.-К. Бертелеми весьма точно заметил: «Не все доноры имеют ярко выраженные геополитические интересы, но все они преследуют коммерческие интересы» [Berthélemy, 2006: 82]. Данный тезис в последние годы неоднократно подтверждался и результатами исследований других ученых [см., например: Martínez-Zarzoso et al., 2016]. Заместитель начальника Управления экономического сотрудничества Россотрудничества

М.О. Ермолов даже предлагает использовать для обозначения видов помощи, направленной на получение осязаемых экономических выгод, отдельный термин — «прагматичная помощь»⁸.

В случае с коммерческими мотивами логика официальных провайдеров будет двоякой. С одной стороны, чем охотнее и успешнее компании будут инвестировать за рубеж и вести международные торговые операции, тем больше будут налоговые поступления в бюджет (и налог на прибыль, и отчисления с фонда оплаты труда, и налог на доходы физических лиц — сотрудников данной компании или лиц, работающих на внутреннем рынке коммерческих структур, которые поставляют ей те или иные товары или услуги). В этом смысле вряд ли стоит удивляться тому, что увязка СМР с продвижением коммерческих интересов стала одним из главных способов повысить «отдачу от вложений» (*value for money*), чем развитые страны так озаботились после глобального финансового и экономического кризиса 2008–2009 гг., оказавшись вынуждены более четко обосновывать необходимость расходования скудеющих бюджетных средств за пределами страны [см.: Максимова, 2015]. С другой стороны, экспансию национального бизнеса государство-провайдер может пытаться использовать в качестве рычага воздействия на страну-партнера в целях реализации своих политико-стратегических интересов на локальном, региональном или глобальном уровне. Показательно, что содействовать укреплению позиций бизнеса власти стран — провайдеров СМР могут, предоставляя помощь не только на двусторонней основе (в том числе направляя часть бюджетных ассигнований в национальные институты финансирования развития), но и на многосторонней — задействуя международные организации, от работы которых национальные компании также могут получать определенные дивиденды [см. подробнее: McLean, 2015].

Наконец, и сами многосторонние организации вполне могут быть заинтересованы в создании благоприятных условий для компаний из иностранных государств, ведущих торгово-экономическую деятельность в развивающихся странах. В первую очередь речь идет, конечно, о многосторонних финансовых институтах (МФИ), которые будут тратить на эти цели средства государств-членов (обязательные

⁸ Ермолов М.О. Помощь развитию: благотворительность или бизнес? // РСМД. 01.03.2022. Доступ: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/pomoshch-razvitiyu-blagotvoritelnost-ili-biznes/> (дата обращения: 05.02.2023).

и добровольные взносы в основной бюджет или целевые взносы в различные целевые программы и фонды и на реализацию конкретных проектов) и мобилизовывать капитал на финансовых рынках (посредством выпуска облигаций). В данном случае интерес МФИ будет определяться не только стремлением к реализации своего мандата, но и желанием заработать (доход от процентов — в случае предоставления кредитов, тарифов за использование гарантийных инструментов или от администрирования целевых проектов (накладные расходы)). Как следствие, только за последнее десятилетие доля финансирования, направляемая в виде целевых взносов в тематические программы или на реализацию отдельных проектов, параметры которых задают их спонсоры, выросла с 2012 по 2020 г. с 12 до 16% общего объема ОПР⁹. Определенный финансово-экономический интерес будет присутствовать также у учреждений ООН и региональных нефинансовых организаций, выполнению уставных целей которых может способствовать активизация иностранных субъектов ВЭД в развивающихся странах. Наконец, отдельно стоит отметить особую роль Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в создании благоприятных условий для деятельности иностранного бизнеса: несмотря на заметное усиление роли развивающихся стран, эта организация всё же остается главным «законодателем мод» в сфере СМР.

В завершение данного раздела отметим: о каких бы акторах ни шла речь, следует понимать, что «содействие международному развитию» — это «зонтичный» термин. Он объединяет множество разнородных видов, форм, финансовых инструментов, параметров доведения средств до бенефициаров («связанность» (*tying status*), «обусловленность» (*conditionality*) и т.д.). Эту вариативность следует учитывать при любых концептуально-теоретических построениях, в том числе при прочерчивании связей между СМР и деятельностью международного бизнеса. Прямая бюджетная поддержка на безвозмездной основе, обусловленная проведением властями страны-реципиента тех или иных институциональных реформ, техническое содействие внешней торговле, направление взносов в МФИ, выделение льготного кредита на строительство того или иного объекта «под ключ» компаниями из государства-провайдера

⁹ Multilateral development finance 2022. Paris: OECD Publishing, 2022. P. 23. Available at: <https://doi.org/10.1787/9fea4cf2-en> (accessed: 05.02.2023).

или направление ресурсов ОПР в институты финансирования развития для мобилизации дополнительных инвестиций со стороны частного сектора имеют мало общего, кроме формального соответствия установленным Комитетом содействия развитию (КСР) ОЭСР критериям ОПР. Специфичность логики применения каждого инструмента, однако, ни в коем случае не должна удерживать исследователей от поиска вариантов сопряжения темы СМР с анализом политических рисков, которые для этих целей также требуется определить и классифицировать и которые соединены с проблематикой международного развития крепкими и, как представляется, более чем очевидными связями.

Политические риски для ведения бизнеса как проявление проблем развития

В отличие от категории «СМР», категория «политический риск» является прямой калькой с англоязычного термина *political risk*. Хотя описываемый этим концептом феномен известен с незапамятных времен, само понятие стало активно использоваться на Западе в разгар холодной войны для обозначения особой категории риска для ВЭД [см. подробнее: Нечкин, 2018; Бордовских, 2020]. Речь чаще всего шла о риске понести убытки в результате принятия антиимпериалистически настроенными властями принимающей страны определенного политического решения или, наоборот, их бездействия, создающего угрозу для ведения бизнеса компаниями из «первого мира», а позднее — и об угрожающих действиях различных негосударственных акторов. Долгое время фокус внимания практиков был направлен на анализ ситуации в принимающей стране, но позднее стали оцениваться и риски, генерируемые в стране происхождения компаний, а также в третьих странах (на фоне роста числа глобальных цепочек добавленной стоимости), хотя суть понятия от этого никак не поменялась. Сегодня категорией «политический риск» оперирует любой участник ВЭД в любой стране мира. Однако степень экспозиции к такого рода рискам заметно различается между отраслями и географическими ареалами инвестиционных и экспортно-импортных операций.

Классифицировать риски можно по-разному, но в абсолютном большинстве работ для этого используется матричный принцип. Так, по характеру происхождения их можно разделить на эндогенные и экзогенные. Первые генерируются внутри государства, принима-

ющего инвестиции или выступающего партнером по торговым операциям, вторые — во внешней по отношению к такому государству среде — как в других странах, так и в мире в целом.

По институциональному источнику политические риски делятся на две крупные категории — легально-правительственные и экстра-легальные. К первым относятся ограничительные решения разного рода, принимаемые государственными структурами. Наиболее радикальными среди таких решений являются, безусловно, национализация и экспроприация активов иностранных инвесторов, разрыв условий действующего контракта без компенсации, полный запрет на вывоз иностранной валюты, отказ от выплаты долговых обязательств, введение эмбарго на импорт/экспорт определенных товаров или таргетированные санкции в отношении отдельных физических/юридических лиц. Вместе с тем политические риски создаются и иными действиями, такими как косвенная (неявная, «ползучая» (*creeping*)) экспроприация [см. подробнее: Бордовских, 2022], дискриминация иностранного бизнеса, введение протекционистских мер, изменение налогового режима (в целом или в отдельной отрасли), ужесточение экспортного, валютного контроля или контроля за осуществлением иностранных инвестиций и т.п. В современных условиях нельзя также приуменьшать роль прямого или косвенного принуждения бизнеса правительством страны происхождения к выводу инвестиций из тех или иных государств, в том числе в рамках содействия переносу производств обратно в страну происхождения (решорингу) или их размещению в сопредельных (ниаршоринг) или дружественных (френдшоринг) странах.

Экстралегальные риски в свою очередь генерируются негосударственными акторами, чьи действия зачастую, впрочем, могут быть реакцией на те или иные меры, принимаемые правительством страны-реципиента. В эту категорию рисков попадают террористические акты, забастовки, протесты, активизация организованных преступных групп, государственные перевороты, восстания/революции, а также конфликты различного масштаба и интенсивности и др.

Кроме того, политические риски отличаются друг от друга по охвату. Их можно разделить на риски макроуровня, которые распространяются на всех субъектов ВЭД в принимающей стране, и риски микроуровня, затрагивающие деятельность отдельных отраслей или некоторых компаний.

Наиболее полной и часто используемой классификацией считается типология, представленная в классическом труде Дж. Саймона из «Корпорации РЭНД» 1982 г. [Simon, 1982]. Она также основана на матричном принципе и построена с учетом одновременно трех указанных критериев, что позволяет выделить в общей сложности 8 отдельных кластеров. В рамках такого рода типологии национализация, к примеру, будет выступать макрориском легально-правительственного характера внутригосударственного происхождения, а бойкот продукции конкретной иностранной компании — экстра-легальным микрориском внешнего происхождения.

В последние годы всё большее значение стали приобретать риски, генерируемые в развитых странах и создающие каскадный эффект, который распространяется по всей ткани глобальной экономики. Знаковыми событиями, потребовавшими внесения корректив в традиционные подходы, стали Брекзит, победа Д. Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., движение «желтых жилетов» во Франции и др. И тем не менее по-прежнему политические риски преимущественно ассоциируются именно с развивающимися рынками.

Боле того, все события, традиционно причисляемые к проявлениям политических рисков, оказываются так или иначе связаны с фундаментальной проблемой — асимметрией в уровне защищенности жизненно важных интересов (в том числе права на развитие и права на безопасность) и распределении благ и ресурсов — как внутри стран, так и между ними на международной арене. Большинство экстра-легальных рисков отражают недовольство различных социальных групп существующим в государстве положением дел, при котором они чувствуют себя в чем-то ущемленными. Но и большая часть перечисленных выше легально-правительственных рисков также обусловлены стремлением органов власти стран-реципиентов добиться более справедливого — в их понимании — распределения благ на глобальном уровне, в том числе в ущерб иностранным компаниям, которые начинают восприниматься преимущественно как проводники интересов враждебных внешних сил.

Впрочем, лицами, принимающими решения, движет и другой коренной интерес — сохранение за собой властных полномочий. Он побуждает их к использованию самого широкого спектра средств, позволяющих снизить вероятность неконтролируемого роста общественного недовольства — неблагоприятного изменения электоральных предпочтений или радикализации населения и выбора

им различных форм делинквентного поведения вплоть до участия в попытках свергнуть неугодное правительство. Неизбежное долгосрочное ухудшение инвестиционного климата в результате таких действий властей, как дискриминация иностранных компаний, ужесточение экспортного контроля или введение санкций, может казаться уполномоченным лицам как в развивающихся, так и в развитых странах вполне приемлемой платой за решение более приоритетных и насущных внутривнутриполитических задач.

Таким образом, проблема митигации политических рисков для международного бизнеса тесно сопрягается с вышедшей в последние годы на первый план в международном дискурсе проблемой повышения стрессоустойчивости (*resilience*). Этот концепт, как известно, использовали еще в 1960-1970-е годы в экологических исследованиях [Holling, 1973], но специалистами в области общественных наук он был взят на вооружение в начале нынешнего тысячелетия в качестве характеристики «способности системы справляться с нарушениями, реорганизовываться в процессе изменения и сохранять в целом ту же функциональность, структуру, идентичность и механизм обратных связей» [Walker et al., 2004]. Он закрепился и в девелопменталистском дискурсе — в рамках обсуждения проблематики «хрупких» государств (*fragile states*), которые преимущественно как раз и ассоциируются с повышенным уровнем политических рисков [подробнее см.: Бартнев, 2017]. При этом само понимание «хрупкости» (как антонима стрессоустойчивости) становится более многомерным, охватывая всё больше измерений развития. Как бы то ни было, чем выше уровень стрессоустойчивости, тем меньше вероятность, что многочисленные факторы политического риска [см. подробнее: Братерский, 2010: 144-208] будут раз за разом генерировать такие его проявления, которые приведут к ощутимым финансовым потерям для международного бизнеса.

В то же время многое определяется не только объективными дисбалансами, возникающими в процессе развития, но и чисто субъективными факторами, связанными с тем, как именно трансграничный бизнес и различные участники международных экономических отношений, которые с ним взаимодействуют на постоянной основе (кредитно-финансовые организации, страховые компании, консалтинговые агентства и т.д.), *оценивают* риски при реализации того или иного инвестиционного проекта или торговых операций. Даже при отсутствии сколько-нибудь высокой реальной вероятности

принятия тех или иных неблагоприятных решений правительством или резкой эскалации внутренних противоречий одного только восприятия угрозы понести потери как высокой будет достаточно для оказания неблагоприятного воздействия на торгово-инвестиционную деятельность. Банки будут повышать ставки по кредитам на реализацию проектов в наиболее «проблемных» странах, страховые компании — увеличивать размер страховой премии и т.п. Да коммерческие структуры и сами будут воздерживаться от ведения деятельности в странах с повышенными политическими рисками, предпочитая работать с менее «сложными» партнерами, страхуя себя от возможных потерь.

Какими бы факторами — объективными или субъективными — ни объяснялось нежелание международного бизнеса иметь дело с «хрупкими» государствами с низким уровнем стрессоустойчивости, в том числе и напрямую затронутыми вооруженными конфликтами, оно создает дополнительный дефицит финансовых ресурсов и тем самым препятствует стабилизации ситуации в этих странах. Так формируется еще один порочный круг, который мировое сообщество попросту не может разомкнуть, не применяя всего арсенала имеющихся у него средств, в том числе разнообразных инструментов СМР.

От презумпций к моделям сопряжения

С учетом сказанного, опираясь исключительно на логические умозаключения, можно обозначить несколько измерений, в которых темы СМР и политических рисков для ВЭД могут гипотетически сопрягаться.

Во-первых, оценка рисков ухудшения политической ситуации в стране часто производится при принятии решений о запуске проектов и программ СМР и по ходу их реализации. Проведение такой оценки считается одной из «лучших практик» в девелопменталистском сообществе вот уже более четверти века, по крайней мере с момента запуска проекта американской исследовательницы М. Андерсон «Local Capacities for Peace», который получил большую известность под названием «Do No Harm» («Не причинить вреда») [Anderson, 1999] и благодаря которому понятие «конфликточувствительность» (*conflict-sensitivity*) стало новой мантрой в сфере СМР. Возможное причинение вреда входит в число факторов, учитываемых при оценке так называемых программных рисков — одного

из компонентов широко применяемой в девелопменталистском сообществе триады рисков, разработанной еще в 2011 г. специалистами британского Института зарубежного развития и более известной под названием «Копенгагенские круги»¹⁰ [Metcalf et al., 2011]. Хотя политические риски создают угрозу и для международного бизнеса, их влияние непосредственно на деятельность субъектов ВЭД из стран-доноров, а не на процесс социально-экономического развития в странах-реципиентах в целом оценивается крайне редко.

Во-вторых, реализация политических рисков для бизнеса может существенно ограничивать его собственные финансовые возможности по выделению средств на безвозмездной основе на цели международного развития (как по проектам КСО, так и в качестве софинансирования в рамках различных государственно-частных партнерств). Более того, в ряде случаев активно осваивающий внешние рынки бизнес в государствах — провайдерах СМР (особенно в странах с ярко выраженной экспортно ориентированной экономикой) может нести весьма ощутимые потери от реализации политических рисков любого типа, будь то резкие изменения торговой политики ведущих держав, международные конфликты, введение ограничительных мер и т.д. Это в свою очередь может приводить к сокращению возможностей государств-провайдеров по выделению бюджетных ассигнований на цели развития, по крайней мере в краткосрочной и среднесрочной перспективе (как на безвозвратной, так и на возвратной основе), или к существенному изменению структуры СМР в пользу инструментов и секторальных направлений, приносящих большую отдачу от вложенных средств. В то же время такой эффект довольно сложно поддается сколько-нибудь точному измерению с использованием количественных данных — в силу фактора мультикаузальности, и примеры построения робастных моделей для его оценки нам неизвестны.

¹⁰ Контекстуальные риски связаны с возможностью утраты реципиентом состоятельности, возобновления вооруженного конфликта, возникновения гуманитарного или экономического кризиса, стихийного бедствия; программные — с возможным недостижением заявленных целей посредством оказания помощи или причинением вреда вмешательством. Институциональные риски для организации, предоставляющей помощь, включают риски безопасности, фидуциарные риски (риски нецелевого расходования средств или отсутствия прозрачности в их распределении) и репутационные, возникающие в том числе при взаимодействии с реципиентами, целесообразность содействия которым ставится под сомнение в стране-доноре. Кластер программных рисков представляет собой область, лежащую на стыке контекстуальных и институциональных рисков.

Наконец, в-третьих (по очередности, но отнюдь не по значению), снижение политических рисков для ВЭД может служить одним из мотивов осуществления СМР различными акторами. Как следствие, ресурсы содействия развитию могут использоваться ими для удовлетворения такой потребности.

Первый путь — направлять ресурсы СМР на то, чтобы непосредственно снижать уровень оцениваемого бизнес-структурами риска. Лучше всего для этого подходят такой элемент комплекса инструментов «финансирования развития» (*development finance*), как гарантии, а также СПР. Под гарантированием ОЭСР понимает принятие гарантом формальных обязательств выплатить часть или полную стоимость кредита, акций или других финансовых инструментов в случае невыплаты займа должником или снижения стоимости инвестиционного портфеля¹¹. Гарант принимает на себя часть рисков, при этом покрываться могут как отдельно политические или кредитные риски, так и риски обоих типов вместе. В случае если речь идет именно о политических рисках, такого рода гарантии близко соприкасаются с инструментами СПР [см.: Гурова, 2016], хотя эти два механизма не идентичны¹².

Как и ряд других инструментов мобилизации ресурсов частного сектора, гарантии и СПР призваны менять представления частных акторов о рисках финансирования того или иного проекта (в качестве либо кредитора, либо инвестора). Иными словами, результатом при-

¹¹ DAC Working Party on Development Finance Statistics. Converged Statistical Reporting Directives for the Credito Reporting System (CRS) and the Annual DAC Questionnaire. Annexes — modules A, B, and C. DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL. 20 April, 2021 // OECD — DCD/DAC. Available at: [https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT\(2020\)44/ADD1/FINAL/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DCD/DAC/STAT(2020)44/ADD1/FINAL/en/pdf) (accessed: 05.02.2023).

¹² Так, Т. Мацукава и О. Хабек указывают, что гарантии обычно подразумевают гарантирование выплаты по кредитам в случае неспособности заемщика обслужить долг и исполнение этих гарантийных обязательств происходит весьма оперативно, в то время как при использовании страховых инструментов предполагается составление соответствующих претензий застрахованным лицом перед выплатой страхового покрытия страховщиком. При этом некоторые провайдеры могут называть свои страховые продукты «гарантиями» [Matsukawa, Habeck, 2007: 1]. Сотрудники Директората сотрудничества в целях развития ОЭСР в докладе 2021 г. дополнительно указывают на тот момент, что инструменты СПР могут определять дополнительные условия, которые должны быть удовлетворены для выплаты страховой премии, — применительно к отдельным рискам, ситуациям, видам ущерба, сопутствующих потерь и т.п. [Garbacz et al., 2021: 14]. При этом в системе статистического учета разграничений между данными инструментами не делается.

влечения дополнительных средств может стать запуск проектов в тех или иных развивающихся странах, которые в противном случае либо вообще не были бы реализованы, либо повлекли бы существенно большее финансовое обременение частных акторов из принимающей страны (например, из-за более высоких ставок по кредитам).

Второй путь — улучшать с помощью инструментов СМР среду, в которой генерируются те или иные политические риски, воздействуя на коренные причины их появления, т.е. на факторы риска. Вместе с тем механизмы влияния будут существенно различаться в зависимости как от вида/инструмента/канала/способа/секторального предназначения помощи, так и от ключевых параметров риска (происхождения, институционального источника и уровня воздействия). В силу крайнего многообразия политических рисков один и тот же способ оказания СМР может быть весьма эффективен в снижении рисков легально-правительственного происхождения, но бесполезен в смягчении экстралегальных рисков или даже повышать их общий уровень (включая вероятность реализации и масштаб потенциального ущерба). Та же гетерогенность будет наблюдаться и применительно к эндогенным и экзогенным рискам. Но одно можно сказать точно: почти любые существенные изменения в структуре портфеля СМР того или иного донора в отдельно взятой стране/регионе или секторе будут оказывать опосредованное воздействие на уровень рисков различного типа — в одном случае более явное, в другом — может быть, менее очевидное, но от этого не менее значимое.

В-четвертых, использование различных инструментов СМР, несомненно, имеет все шансы не только смягчать политические риски для ВЭД, но и увеличивать их (при определенных обстоятельствах или допущении ошибок в планировании) или даже создавать новые факторы риска, зачастую не менее серьезные. Сегодня эта тема приобретает всё большее значение в рамках исследований, посвященных инструментам как прямого, так и непрямого воздействия на политические риски.

Что касается инновационных инструментов мобилизации ресурсов частного сектора, то непреднамеренные последствия их применения становятся предметом более пристального изучения в последние годы. Например, в исследовании, опубликованном в 2018 г. под эгидой Комиссии по вопросам «хрупкости» государств, содействия росту и развитию, учрежденной на базе Международного центра изучения роста на средства Лондонской школы экономики

и Школы управления имени Блаватника Оксфордского университета, Х. Мейер отмечает: использование инструментов СПР сопряжено с моральным риском (*moral hazard*), поскольку может устранять стимулы к проведению реформ в принимающих странах или урегулированию инвестиционных споров [Mayer, 2018]. На этой основе автор представляет набор практических рекомендаций: усиливать роль многосторонних институтов в СПР, интенсифицировать взаимодействие между публичными и частными страховщиками (включая применение инструментов со- и перестрахования), гарантировать страховое покрытие не только иностранным, но также локальным и региональным инвесторам, усилить связку между двусторонними инвестиционными соглашениями и СПР. При этом Х. Мейер указывает, что все меры такого рода будут носить паллиативный характер и не приведут к подлинно значимым трансформациям без проведения фундаментальных реформ, направленных на снижение политических рисков через изменение инвестиционной политики и создание благоприятного климата, при котором потребность в инструментах страхового покрытия попросту отпадет [Mayer, 2018: 14-17].

В свою очередь британские ученые, готовившие доклад по заказу Европейского парламента в 2020 г. [Bayliss et al., 2020], также выявили ряд издержек подходов к митигации рисков, которые получили распространение в последние годы. В их числе: 1) выделение финансирования частным акторам в ущерб направлению его в те сектора и регионы, где оно требуется более всего; 2) создание «смешанным финансированием» (*blended finance*) новых долгосрочных рисков для агентств развития и определенных издержек для правительств стран-реципиентов; 3) «упущенные возможности» при использовании ресурсов ОПР в целях митигации рисков для частных инвестиций и преобладание интересов частных инвесторов над императивами собственно развития [Bayliss et al., 2020].

С этими мыслями перекликаются и выводы, к которым пришла Н. Кравиотто — эксперт Европейской сети изучения долга и развития (Eurodad Network on Debt and Development). В своих последних работах [Craviotto, Caio, 2021; Craviotto, 2022] она обозначает риски, спровоцированные принятием решения о включении инструментов мобилизации ресурсов частного сектора в отчетность по ОПР. С одной стороны, возникает угроза отвлечения скудных ресурсов ОПР от наиболее значимых для устранения бедности и неравенства социальных секторов [Craviotto, Caio, 2021], а также риск подрыва

международных усилий по «развязыванию» помощи наиболее уязвимым реципиентам — наименее развитым странам, государствам с высоким уровнем задолженности и т.д. С другой стороны, по мнению Н. Кравиотто, появляются три фактора риска, связанные с: 1) механизмами управления расходами на соответствующие инструменты (национальные институты финансирования развития столкнутся с необходимостью выбирать между императивами содействия экономическому развитию стран глобального Юга и экспансии собственных компаний); 2) обеспечением прозрачности таких расходов; 3) использованием изменений правил статистического учета для включения всё большего числа транзакций в ОПР [Craviotto, 2022].

Показательно, что в Директорате сотрудничества в целях развития ОЭСР — главным для западного мира центре выработки стандартов в области СМР — осознают и имманентную двойственность деятельности по митигации политических рисков, и ее сложность. В одном из программных продуктов 2022 г., посвященных смешанному финансированию, в частности, говорится: «При том что донорами накоплен большой опыт предоставления помощи в каждой из этих областей¹³, программы СМР, связанные с мобилизацией прямых иностранных инвестиций (ПИИ), редко интегрируют эти опции в рамках всеобъемлющих стратегий, прямо нацеленных на улучшение позитивного воздействия ПИИ на устойчивое развитие»¹⁴. Это неизбежно выводит на первый план координацию усилий на двух обозначенных направлениях.

Применительно же к «классическим» инструментам, обеспечивающим косвенное воздействие на политические риски, специалисты уже давно выявили целый ряд факторов, из-за которых оказание международной помощи может иметь и долговременные негативные последствия. В их числе: 1) ухудшение качества государственного управления; 2) повышение конфликтного потенциала; 3) рост долговой нагрузки; 4) обострение межгосударственного соперничества

¹³ Улучшение инвестиционного климата через поддержку политических реформ и работа непосредственно с бизнесом — через стимулирование инвестиций в приоритетные сектора и мероприятия, оказание позитивного влияния на поведение инвесторов. — *Прим. авт.*

¹⁴ FDI Qualities Guide for Development Co-operation: Strengthening the Role of Development Co-operation for Sustainable Investment. OECD Development Policy Tools. Paris: OECD Publishing, 2022. Available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/sites/7f251bac-en/index.html?itemId=/content/publication/7f251bac-en> (accessed: 15.03.2023).

[см.: Бартенев, 2020: 19–23]. Все указанные факторы могут порождать риски как легально-правительственного, так и экстралегального происхождения, которые будут негативно влиять на бизнес. Например, ухудшение качества государственного управления вследствие роста коррупции или долговой нагрузки может провоцировать власти на принятие определенных протекционистских, рестриктивных мер или повышение налогов (как для обычных граждан, так и отдельно для иностранных компаний) с целью найти дополнительные средства для выполнения обязательств перед собственным населением или зарубежными кредиторами. Усиление конфликтного потенциала в обществе, особенно в странах, богатых энергоресурсами, может создать прямые угрозы для безопасности сотрудников и бесперебойной деятельности иностранных компаний на их территории.

На современном этапе, впрочем, наибольший интерес для специалистов в области МПЭ представляет риск обострения межгосударственного соперничества. Международная помощь, даже гуманитарная, как уже говорилось, никогда не является чистой благотворительностью, ибо направлена на реализацию тех или иных стратегических, имиджевых и экономических целей донора. Коль скоро цели эти вступают в противоречие с целями других акторов, предоставление, увеличение/сокращение, блокирование, «связывание», обусловливание помощи нередко воспринимаются даже дружественными государствами весьма болезненно, а в случае со стратегическими конкурентами и прямыми противниками — и вовсе в штыки. Тем более это характерно для периодов обострения межгосударственной конкуренции. В последнее десятилетие международная помощь вновь рассматривается как инструмент борьбы за передел сфер влияния и служит дополнительным фактором ухудшения отношений между странами в самых разных регионах мира (США и РФ, США и КНР, Катаром и ОАЭ и т.д.). В этой ситуации заметно повышается вероятность того, что доноры будут снижать стандарты оказания помощи, игнорируя другие контекстуальные, репутационные и программные риски, дабы не потерять влияние в той или иной стране. Это в свою очередь будет создавать новые *экзогенные* риски, в том числе для ведения бизнеса. Риски будут генерироваться действиями как государственных структур третьих стран (например, введением санкций или инициацией торговых либо инвестиционных войн ведущими мировыми державами — партнерами принимающей страны по глобальным цепочкам до-

бавленной стоимости), так и негосударственных акторов (например, ростом потоков нелегальной миграции из третьих стран) и точно так же влиять на ситуацию и на макро-, и на микроуровне.

Другими словами, оценка воздействия применения «классических» форм СМР на уровень политических рисков даже в первом приближении ставит перед исследователями ряд еще более сложных задач, чем анализ соответствующего потенциала «инновационных» инструментов, нацеленных непосредственно на митигацию такого рода рисков, даже несмотря на наличие существенно большего массива статистических данных. Это обусловлено главным образом множественностью модальностей оказания содействия развитию, которые при ее наложении на гетерогенность политических рисков образуют крайне сложную паутину взаимосвязей, требующую для ее распутывания немалых интеллектуальных усилий.

* * *

По результатам проведенного исследования можно сформулировать следующие основные выводы.

1. Темы СМР и политических рисков для международного бизнеса, как и ожидалось, стыкуются весьма тесно. Отсутствие комплексных исследований деталей такого сопряжения в научной литературе необъяснимо, и изменения международной конъюнктуры в последние годы вполне однозначно указывают на необходимость как можно более оперативного заполнения этой лакуны.

2. Применение логико-интуитивных методов анализа позволяет обозначить два ключевых логических основания для поиска форматов сопряжения тем СМР и политических рисков для бизнеса. Первое — наличие ярко выраженного бизнес-компонента в содействии развитию, оказываемом как коммерческими структурами, так и по официальной линии — властями отдельных стран и международными организациями. Второе — неразрывная связь между политическими рисками для бизнеса всех типов и фундаментальными проблемами развития, обусловленная асимметрией в распределении благ и уровне защищенности жизненно важных интересов внутри стран и между ними, а также проблемой повышения стрессоустойчивости к различного рода вызовам.

3. В свою очередь поиск моделей сопряжения позволяет выявить по меньшей мере четыре основные его измерения:

1) учет политических рисков при планировании и реализации проектов развития;

2) оценка сокращения финансовых возможностей различных провайдеров СМР по использованию средств в целях международного развития при реализации политических рисков;

3) анализ применения инструментов СМР в целях митигации политических рисков для ВЭД — как непосредственно с помощью снижения уровня оцениваемого бизнес-структурами риска, так и через оказание опосредованного влияния на среду, в которой формируются те или иные политические риски, т.е. воздействие на факторы их появления;

4) изучение формирования в ходе применения инструментов СМР новых факторов риска — как того же, так и иного типа.

При этом, пожалуй, более значимые результаты, подкрепленные анализом количественных данных, можно получить, оценивая именно *обратное* влияние инструментов СМР на параметры политических рисков.

Анализ международного дискурса в области СМР последних десятилетий выявляет однозначное повышение интереса к митигации политических рисков для бизнеса. Долгое время в политическом пространстве акцент делался преимущественно на дивидендах от таких практик, но сегодня — в том числе благодаря деятельности профильных экспертов — к официальным лицам стало приходить осознание издержек и непреднамеренных последствий их внедрения. В качестве отдельной проблемы видится и отсутствие взаимной увязки усилий, предпринимаемых с использованием «классических» и «инновационных» инструментов СМР.

Представленные в статье размышления касательно сопряжения проблематики СМР и анализа политических рисков для бизнеса пока не претендуют на всеохватность и в большей степени служат своего рода трамплином для осуществления более глубокого погружения в заявленную тему и одновременно приглашением профильных специалистов к предметному диалогу. Вместе с тем они отражают некоторые промежуточные результаты, которые были получены в рамках инициированного нами поискового междисциплинарного исследования указанной проблематики, получившего поддержку Российского научного фонда. Исследование подразумевает среди прочего разработку определенной матрицы механизмов прямого и опосредованного влияния СМР на параметры политических ри-

сков для субъектов ВЭД как из западных, так и из незападных стран-доноров с акцентом на тех новых трендах в оказании содействия развитию, которые обозначились в последние годы (с одной стороны, после начала пандемии коронавируса в 2020 г., с другой — после заметного ускорения глобальной турбулентности в феврале 2022 г.).

Решение этой первопреходческой задачи, с нашей точки зрения, могло бы предполагать выполнение следующей последовательности шагов:

1) осмысление актуальных изменений в параметрах политических рисков, с которыми приходится сталкиваться западным и незападным компаниям в своей внешнеэкономической деятельности;

2) осмысление дилемм, с которыми неизбежно сталкиваются доноры, озабоченные проблемой смягчения политических рисков, при распределении ограниченных финансовых ресурсов СМР (как между инновационными механизмами прямой митигации таких рисков и более традиционными инструментами содействия развитию, так и между отдельными видами внутри каждой из этих категорий);

3) формулирование априорных гипотез о воздействии различных видов СМР на параметры политических рисков разного типа и выбор из них тех направлений финансирования развития, которые могут оказать наиболее значимое влияние на реализацию соответствующих рисков, с последующим построением интегральной матрицы;

4) определение набора статистических показателей, требующих наибольшего внимания в рамках оценки влияния потоков СМР на параметры политических рисков;

5) наконец, анализ трендов в фактическом распределении потоков в последние годы и их интерпретация на основе выявленных априорным путем гипотез — для поиска ответа на вопрос о том, способствуют ли решения, принимаемые сегодня провайдерами СМР касательно распределения средств, снижению ключевых политических рисков для ВЭД и мобилизации столь нужных ресурсов частного сектора для обеспечения устойчивого развития.

Безусловно, для получения подлинно значимых фундаментальных результатов потребуется не только использовать агрегированные данные по всем типам доноров, секторам и реципиентам, но и тестировать работу «модели» на примере различных провайдеров СМР и применять ее к изучению ситуации в отдельном регионе или секторе.

Проведение подобного поискового исследования, конечно, не «закроет» заявленную в названии статьи тему раз и навсегда,

но позволит внести весьма существенный вклад в ее разработку. В теоретическом плане оно будет способствовать сближению двух кластеров — исследований в области СМР и анализа политических рисков, которые в Российской Федерации пока еще проходят этап становления, — и дальнейшему развитию международной политической экономики. В практическом плане это поможет разработке востребованных в новых политико-экономических условиях рекомендаций по повышению эффективности как управления рисками в рамках ВЭД с применением всего спектра инструментов, так и политики в области СМР в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартенев В.И. Международная помощь странам Ближнего Востока и Северной Африки: управляя рисками: доклад № 62/2020. М.: НП РСМД, 2020. Доступ: <https://russiancouncil.ru/papers/MENA-IntAid-Report62.pdf> (дата обращения: 05.02.2023).

2. Бартенев В.И. От «несостоявшихся государств» к «неустойчивым состояниям»: логика понятийной эквилибристики // Полис. Политические исследования. 2017. № 2. С. 26–41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03.

3. Белецкая М.Ю. Россия в системе содействия международному развитию: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2017.

4. Бордовских А.Н. Политические риски в условиях глобальных вызовов традиционным системам госуправления // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2020. № 1. С. 63–73. DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73.

5. Бордовских А.Н. Экспроприация в XXI в. — новый вызов для исследований политического риска // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 1. С. 298–313. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-15.

6. Братерский М.В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски. М.: Издательский дом Государственного университета — Высшей школы экономики, 2010.

7. Гурова И.П. Страхование политического риска в международном инвестировании // Налоги и финансы. 2016. № 3 (31). С. 7–20.

8. Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.: URSS, 2016.

9. Ермолов М.О. Российский механизм международной помощи: незавершенный проект // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10. № 3. С. 134–155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134.

10. Зайцев Ю.К. Многосторонние механизмы содействия международному развитию: экономический аспект: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2013.
11. Максимова А.В. Что ценим, то и оцениваем: оценка результативности содействия международному развитию // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 56–79.
12. Морозкина А.К. Двусторонняя официальная помощь развитию: влияние мирового финансового кризиса 2008–2009 гг.: Дисс. ... канд. экон. наук. М., 2018.
13. Нечкин Д.А. Эволюция понятия «политический риск»: классические и современные концепции // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2018. Т. 10. № 4. С. 109–137.
14. Олейнов А.Г. Международная политэкономия: предмет и метод // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 61 (2). С. 54–64. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64.
15. Попова О.П. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики и внешнеэкономической деятельности ФРГ: Дисс. ... канд. полит. наук. М., 2019.
16. Содействие международному развитию как инструмент внешней политики: зарубежный опыт / Под ред. В.Г. Барановского, Ю.Д. Квашнина, Н.В. Тогановой. М.: ИМЭМО РАН, 2018.
17. Содействие международному развитию: Курс лекций / Под ред. В.И. Бартенева, Е.Н. Глазуновой. М.: Всемирный банк, 2012.
18. Содействие международному развитию: Учебник / Под ред. Н.В. Галищевой, Л.М. Капицы. М.: МГИМО-Университет, 2022.
19. Старикова Е.А. Устойчивое развитие в меняющемся мире. Роль государства и бизнеса. М.: КНОРУС, 2021.
20. Ткаченко С.Л. Международная политэкономия — российская школа // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015. № 4. С. 106–118.
21. Anderson M. Do no harm: How aid can support peace — or war. Boulder; London: Lynne Rienner Publishers, 1999.
22. Bayliss K. et al. The use of development funds for de-risking private investment: How effective is it in delivering development results? Requested by the European Parliament's Committee on Development. Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.486. EP/EXPO/DEVE/FWC/2019-01/Lot3/R/01. May 2020. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU\(2020\)603486_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU(2020)603486_EN.pdf) (accessed: 05.02.2023).
23. Berthélemy J.-C. Aid allocation: Comparing donors' behaviours // Swedish Economic Policy Review. 2006. Vol. 13. P. 75–109.
24. Craviotto N. Under pressure: How private sector instruments are threatening the untying of aid. Eurodad. April 6, 2022. Available at: <https://assets.>

nationbuilder.com/eurodad/pages/2892/attachments/original/1649245060/tied-aid-2022.pdf?1649245060 (accessed: 05.02.2023).

25. Craviotto N., Caio C. Time for action: How private sector instruments are undermining aid budgets. Eurodad. February 3, 2021. Available at: <https://assets.nationbuilder.com/eurodad/pages/2008/attachments/original/1618914562/time-for-action-EN.pdf?1618914562> (accessed: 05.02.2023).

26. Garbacz W., Vilalta D., Moller L. The role of guarantees in blended finance. OECD development cooperation working papers. No. 97. Paris: OECD Publishing, 2021.

27. Holling C.S. Resilience and stability of ecological systems // Annual Review of Ecological Systems. 1973. Vol. 4. P. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.

28. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Klasen S., Johannsen F. Does German development aid boost German exports and German employment? A sectoral level analysis // Journal of Economics and Statistics. 2016. Vol. 236. No. 1. P. 71-94. DOI: 10.1515/jbnst-2015-1003.

29. Matsukawa T., Habeck O. Review of risk mitigation instruments for infrastructure financing and recent trends and developments. Trends and policy options. No. 4. Washington, D.C.: The World Bank; PPIAF, 2007.

30. Mayer H. Political risk insurance and its effectiveness in supporting private sector investment in fragile states. The LSE-Oxford Commission on State Fragility, Growth and Development. May 2018. Available at: <https://www.theigc.org/sites/default/files/2018/05/Political-risk-insurance.pdf> (accessed: 04.02.2023).

31. McLean E.V. Multilateral aid and domestic economic interests // International Organization. 2015. Vol. 69. No. 1. P. 97-130. DOI: 10.1017/S0020818314000289.

32. Metcalfe V., Martin E., Pantuliano S. Risk in humanitarian action: Towards a common approach? HPG Commissioned Paper. January 2011 // Overseas Development Institute. Available at: <https://cdn.odi.org/media/documents/6764.pdf> (accessed: 05.02.2023).

33. Milner H.V., Tingley D. The political economy of US foreign aid: American legislators and the domestic politics of aid // Economics and Politics. 2010. Vol. 22. No. 2. P. 200-232. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x.

34. Simon J. Political risk assessment: Past trends and future prospects // The Columbia Journal of World Business. 1982. Vol. 17. No. 3. P. 62-71.

35. Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems // Ecology and Society. 2004. Vol. 9. No. 2. Art. 5. DOI: 10.5751/ES-00650-090205.

REFERENCES

1. Bartenev V.I. 2020. *Mezhdunarodnaya pomoshch' stranam Blizhnego Vostoka i Severnoi Afriki: upravlyaya riskami: doklad no. 62/2020* [International assistance to the Middle East and North Africa: Managing the risks: Report

no. 62/2020]. Moscow, RIAC Publ. Available at: <https://russiancouncil.ru/papers/MENA-IntAid-Report62.pdf> (accessed: 05.02.2023). (In Russ.)

2. Bartenev V.I. 2017. Ot 'nesostoyavshikhnya gosudarstv' k 'neustoichivym sostoyaniyam': logika ponyatiinoi ekvilibristiki [From 'failed states' to 'states of fragility': Logic of conceptual acrobatics]. *Polis. Political Studies*, no. 2, pp. 26-41. DOI: 10.17976/jpps/2017.02.03. (In Russ.)

3. Beletskaya M.Yu. 2017. *Rossiya v sisteme sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu* [Russia in the system of international development assistance]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

4. Bordovskikh A.N. 2020. Politicheskie riski v usloviyakh global'nykh vyzovov traditsionnym sistemam gosupravleniya [Political risks in the era of global challenges to traditional governance structures]. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 1, pp. 63-73. DOI: 10.20542/afij-2020-1-63-73. (In Russ.)

5. Bordovskikh A.N. 2022. Ekspropriatsiya v XXI v. — novyi vyzov dlya issledovaniy politicheskogo riska [Expropriation in the 21st century — new challenge for political risk analysis]. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 15, no. 1, pp. 298-313. DOI: 10.23932/2542-0240-2022-15-1-15. (In Russ.)

6. Braterskii M.V. 2010. *Ekonomicheskie instrumenty vneshnei politiki i politicheskie riski* [Economic instruments of foreign policy and political risks]. Moscow, Izdatel'skii dom Gosudarstvennogo universiteta — Vyshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russ.)

7. Gurova I.P. 2016. Strakhovanie politicheskogo riska v mezhdunarodnom investirovanii [Political risk insurance in the international investment]. *Nalogi i finansy*, no. 3 (31), pp. 7-20. (In Russ.)

8. Degtarev D.A. 2016. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: evolyutsiya mezhdunarodno-pravovykh rezhimov i effektivnost' vneshnei pomoshchi* [International development assistance: Evolution of international legal regimes and aid effectiveness]. Moscow, URSS Publ. (In Russ.)

9. Ermolov M.O. 2022. Rossiiskii mekhanizm mezhdunarodnoi pomoshchi: nezavershennyi proekt [The Russian framework for international assistance: An unfinished plan]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no. 3, pp. 134-155. DOI: 10.17323/1996-7845-2015-03-134. (In Russ.)

10. Zaitsev Yu.K. 2013. *Mnogostoronnie mekhanizmy sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu: ekonomicheskii aspekt* [Multilateral mechanisms of international development assistance: Economic aspect]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

11. Maksimova A.V. 2015. Chto tsenim, to i otsenivaem: otsenka rezul'tativnosti sodeistviya mezhdunarodnomu razvitiyu [Measure what you treasure: Evaluating the effectiveness of development assistance]. *International Organisations Research Journal*, vol. 10, no. 1, pp. 56-79. (In Russ.)

12. Morozkina A.K. 2018. *Dvustoronnyaya ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu: vliyanie mirovogo finansovogo krizisa 2008-2009 gg.* [Bilateral official development assistance: Impact of the 2008-2009 global financial crisis]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

13. Nechkin D.A. 2018. Evolyutsiya ponyatiya 'politicheskii risk': klassicheskie i sovremennye kontseptsii [Evolution of political risk concept: Classical and contemporary interpretations]. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 10, no. 4, pp. 109-137. (In Russ.)

14. Oleinov A.G. 2017. Mezhdunarodnaya politekonomiya: predmet i metod [International political economy: Subject matter and method]. *World Economy and International Relations*, vol. 61, no. 2, pp. 54-64. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-2-54-64. (In Russ.)

15. Popova O.P. 2019. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki i vneshneekonomicheskoi deyatel'nosti FRG* [International development assistance as an instrument of foreign policy and foreign economic activity of Germany]. PhD Thesis. Moscow. (In Russ.)

16. Baranovskii V.G., Kvashnin Yu.D., Taganova N.V. (eds.). 2018. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu kak instrument vneshnei politiki: zarubezhnyi opyt* [International development assistance as foreign policy tool: Foreign experience]. Moscow, IMEMO Publ. (In Russ.)

17. Bartenev V.I., Glazunova E.N. (eds.). 2012. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Kurs leksii* [International development cooperation. Set of lectures]. Moscow, The World Bank Publ. (In Russ.)

18. Galishcheva N.V., Kapitsa L.M. (eds.). 2022. *Sodeistvie mezhdunarodnomu razvitiyu: Uchebnik* [International development assistance: Textbook]. Moscow, MGIMO-University Publ. (In Russ.)

19. Starikova E.A. 2021. *Ustoichivoe razvitie v menyayushchemsya mire. Rol' gosudarstva i biznesa* [Sustainable development in a changing world. The role of government and business]. Moscow, KNORUS Publ. (In Russ.)

20. Tkachenko S.L. 2015. Mezhdunarodnaya politekonomiya — rossiiskaya shkola [International political economy: Russian school]. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 4, pp. 106-118. (In Russ.)

21. Anderson M. 1999. *Do no harm: How aid can support peace — or war*. Boulder, London, Lynne Rienner Publishers.

22. Bayliss K. et al. 2020. *The use of development funds for de-risking private investment: How effective is it in delivering development results?* Requested by the European Parliament's Committee on Development. Policy Department for External Relations, Directorate General for External Policies of the Union. PE 603.486. EP/EXPO/DEVE/FWC/2019-01/Lot3/R/01. Available at: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU\(2020\)603486_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2020/603486/EXPO_STU(2020)603486_EN.pdf) (accessed: 05.02.2023).

23. Berthélemy J.-C. 2006. Aid allocation: Comparing donors' behaviours. *Swedish Economic Policy Review*, vol. 13, pp. 75-109.

24. Craviotto N. 2022. *Under pressure: How private sector instruments are threatening the untying of aid*. Eurodad. Available at: <https://assets.nationbuilder>.

com/eurodad/pages/2892/attachments/original/1649245060/tied-aid-2022.pdf?1649245060 (accessed: 05.02.2023).

25. Craviotto N., Caio C. 2021. *Time for action: How private sector instruments are undermining aid budgets*. Eurodad. Available at: <https://assets.nationbuilder.com/eurodad/pages/2008/attachments/original/1618914562/time-for-action-EN.pdf?1618914562> (accessed: 05.02.2023).

26. Garbacz W., Vilalta D., Moller L. 2021. *The role of guarantees in blended finance*. OECD development cooperation working papers, no. 97. Paris, OECD Publishing.

27. Holling C.S. 1973. Resilience and stability of ecological systems. *Annual Review of Ecological Systems*, vol. 4, pp. 1-23. DOI: 10.1146/annurev.es.04.110173.000245.

28. Martínez-Zarzoso I., Nowak-Lehmann F., Klasen S., Johannsen F. 2016. Does German development aid boost German exports and German employment? A sectoral level analysis. *Journal of Economics and Statistics*, vol. 236, no. 1, pp. 71-94. DOI: 10.1515/jbnst-2015-1003.

29. Matsukawa T., Habeck O. 2007. *Review of risk mitigation instruments for infrastructure financing and recent trends and developments*. Trends and policy options, no. 4. Washington, D.C., The World Bank, PPIAF.

30. Mayer H. 2018. *Political risk insurance and its effectiveness in supporting private sector investment in fragile states*. The LSE-Oxford Commission on State Fragility, Growth and Development. Available at: <https://www.theigc.org/sites/default/files/2018/05/Political-risk-insurance.pdf> (accessed: 04.02.2023).

31. McLean E.V. 2015. Multilateral aid and domestic economic interests. *International Organization*, vol. 69, no. 1, pp. 97-130. DOI: 10.1017/S0020818314000289.

32. Metcalfe V., Martin E., Pantuliano S. 2011. *Risk in humanitarian action: Towards a common approach?* HPG Commissioned Paper. Overseas Development Institute. Available at: <https://cdn.odi.org/media/documents/6764.pdf> (accessed: 05.02.2023).

33. Milner H.V., Tingley D. 2010. The political economy of US foreign aid: American legislators and the domestic politics of aid. *Economics and Politics*, vol. 22, no. 2, pp. 200-232. DOI: 10.1111/j.1468-0343.2009.00356.x.

34. Simon J. 1982. Political risk assessment: Past trends and future prospects. *The Columbia Journal of World Business*, vol. 17, no. 3, pp. 62-71.

35. Walker B., Holling C.S., Carpenter S.R., Kinzig A. 2004. Resilience, adaptability and transformability in social-ecological systems. *Ecology and Society*, vol. 9, no. 2, art. 5. DOI: 10.5751/ES-00650-090205.

Статья поступила в редакцию 13.02.2023; одобрена после рецензирования 20.03.2023; принята к публикации 24.03.2023

The paper was submitted 13.02.2023; approved after reviewing 20.03.2023; accepted for publication 24.03.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187

Научная статья / Research paper

П.А. Шариков*

ЭВОЛЮЦИЯ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ США: ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ, ПРИОРИТЕТЫ И НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Институт Европы Российской академии наук»,
125009, Москва, Моховая ул., 11, стр. 3*

Одним из наиболее динамично развивающихся и востребованных направлений современной внешней политики США остается публичная дипломатия. Как таковая американская публичная дипломатия — ее институциональная структура, принципы функционирования, ключевые приоритеты и т.д. — не раз становилась предметом изучения как в российской, так и в зарубежной академической литературе. В то же время для более полного понимания ее современной специфики и перспектив развития представляется целесообразным попытаться вписать ее в более широкий контекст, учитывающий общую логику эволюции политической системы США. Именно этой цели посвящена данная статья. В первой части обозначены основные внутривнутриполитические факторы, обусловившие развитие американского внешнеполитического механизма, и выявлены ключевые этапы его трансформации. Автор заключает, что одной из магистральных линий в рамках почти 250-летней истории американской политической системы была ее поступательная демократизация, призванная подключить к политическим процессам все группы населения. Во второй части статьи проанализированы роль и место публичной дипломатии в структуре современной американской внешней политики. Автор отмечает, что под воздействием новейших информационно-коммуникационных технологий важнейшими факторами внутривнутриполитической конкуренции в США в XXI в. стали публичность и организация связей с общественностью. Интернет, социальные сети открыли практически неограниченные возможности для политической агитации как внутри страны, так и за ее пределами, придав новый импульс развитию американской публичной дипломатии. В то же время цифровые технологии породили и новые

* Шариков Павел Александрович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института Европы РАН, старший научный сотрудник Центра трансатлантической безопасности МГИМО МИД РФ; доцент факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com).

вызовы, актуализировав задачу обеспечения информационной безопасности в условиях распространения социальных сетей. Одновременно, как показано в третьей части статьи, новое звучание приобрели проблемы оценки эффективности публичной дипломатии США, в том числе по ее приоритетным направлениям. Автор заключает, что в этом контексте особый интерес с точки зрения будущих исследований представляет изучение опыта взаимодействия США с политически и идеологически близкими им странами Европейского союза, что позволит лучше понять возможности и границы американского инструментария публичной дипломатии, опирающегося на структуры развитого гражданского общества.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», Государственный департамент, Агентство по международному развитию, США, информационная безопасность, Б. Обама, Х. Клинтон

Для цитирования: Шариков П.А. Эволюция публичной дипломатии США: внутриполитические детерминанты, приоритеты и новые вызовы // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187.

Pavel A. Sharikov

**EVOLUTION OF US PUBLIC DIPLOMACY:
DOMESTIC POLITICAL DETERMINANTS,
PRIORITIES AND NEW CHALLENGES**

*Institute of Europe, Russian Academy of Sciences,
11-3, Mokhovaya Str., Moscow, Russia, 125009*

Public diplomacy remains one of the most dynamic and important areas of the modern US foreign policy. As such, the US public diplomacy, — its institutional structure, principles of functioning, key priorities, etc. — attracts increasing attention within both Russian and foreign academic literature. However, for a more complete understanding of the contemporary US public diplomacy specifics and prospects, it seems appropriate to try to fit it into a broader context of the evolution of the US political system in general. The first section of the paper identifies the major domestic political factors that determined the development of the US foreign policy mechanism, as well as the key stages of its evolution. The author argues that one of the key trends in the almost 250-year history of the American political system development was its gradual democratization, aimed to promote inclusion of a larger section of population in political processes. The

second section examines the role of public diplomacy within the framework of the contemporary US foreign policy. The author notes that the latest developments in information and communication technologies have turned publicity and PR-campaigns into the most important factors of domestic political competition in the United States in the 21st century. The Internet and social networks have opened up virtually unlimited opportunities for political campaigning both inside and outside the state, giving a new impetus to the development of the US public diplomacy. At the same time, digital technologies have also generated new challenges, raising the problem of ensuring information security in the face of expansion of social networks. In this regard, the third section touches upon the issues of evaluating the effectiveness of the US public diplomacy. The author concludes that in terms of possible directions for further research the interactions between the United States and the EU countries which share common values are of particular importance. This may allow for a better understanding of the possibilities and limits of the US public diplomacy tools based on the institutions of a developed civil society.

Keywords: public diplomacy, soft power, State Department, USAID, USA, information security, B. Obama, H. Clinton

About the author: *Pavel A. Sharikov* — PhD (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences; Senior Research Fellow, Institute of International Studies, MGIMO University; Associate Professor, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: pasha.sharikov@gmail.com).

For citation: Sharikov P.A. 2023. Evolution of US public diplomacy: Domestic political determinants, priorities and new challenges. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 164–187. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-164-187. (In Russ.)

Изучение механизма принятия внешнеполитических решений в США традиционно было одним из приоритетных направлений исследований отечественных американистов. Выдающиеся ученые из Института США и Канады РАН, Института мировой экономики и международных отношений, МГИМО и иных организаций внесли заметный вклад в понимание особенностей функционирования этого механизма [Арбатов, 1970; Рогов, 2001; Баталов, 2005; Богданов, Кокошин, 1979; Войтоловский, 2007; Согрин, 2022; Кортунов, 2022; Иванян, 2000; Самуйлов, 2009; и др.]. В работах отечественных американистов внешняя политика США традиционно изучается либо в контексте двусторонних/многосторонних отношений с дру-

гой страной, регионом или организацией, либо применительно к определенной сфере мировой политики (нераспространение ядерного оружия, глобальное изменение климата и т.п.). В то же время в большинстве публикаций, посвященных американскому внешнеполитическому механизму, он, как правило, анализируется с точки зрения взаимодействия различных институтов в процессе принятия внешнеполитических решений: Совета национальной безопасности (СНБ), разведывательных агентств, Государственного департамента и профильных комитетов Конгресса. Не являются в этом отношении исключением и работы непосредственно о публичной дипломатии США, в изучение которой особый вклад внесли научные сотрудники Санкт-Петербургского государственного университета [Цветкова, 2020; Фокин, 1999; Козлов, 2012; Долинский, 2011; Паршин, 2020; Барышников, 2013]. Данная статья призвана объяснить одно из наиболее динамично развивающихся и востребованных направлений современной внешней политики США — публичную дипломатию — через призму внутриполитического развития. В ней предпринимается попытка проанализировать причины и предпосылки становления и последующей эволюции американской публичной дипломатии в более широком контексте развития внутриполитической системы страны и на этом основании предложить новый взгляд на особенности применения соответствующего инструментария в современных условиях.

Автор намеренно воздерживается от оценки внешнеполитических задач, которые решает американская внешняя политика, но концентрируется исключительно на объяснении применяемых инструментов.

Внежнополитический механизм США в контексте развития политической системы страны

История американской внешней политики началась даже раньше, чем создание ныне действующей политической системы. Дипломатия и установление союзнических отношений с европейскими державами сыграли решающую роль в победе в Войне за независимость. В революционный период, когда государственные институты находились еще в зачаточном состоянии, американской дипломатии, «действуя с позиции слабости, удалось использовать противоречия великих держав, чтобы отстоять свою независимость» [Печатнов, Манькин, 2012: 26].

Государственный департамент США — ровесник американской политической системы — был учрежден в 1789 г. одним из первых законов, принятых первым созывом Конгресса. Государственный секретарь и сегодня остается самой влиятельной официальной фигурой в системе государственной власти, не избираемой на выборах. В частности, в Законе о порядке преемственности президента¹ государственный секретарь занимает четвертое место после вице-президента, спикера Палаты представителей и временного председателя Сената.

В конце XVIII в. отцы-основатели США в поисках оптимальной модели управления сформировали гибрид, совместивший правовые традиции британской монархии и республиканизм, воспринимавшийся в то время как дерзкий эксперимент. Созданную в тот период форму правления можно охарактеризовать как аристократическую республику.

В ходе событий Американской революции и учреждения государственных институтов на протяжении шести десятилетий до Джексоновской революции 1828 г. американский государственный аппарат был не просто консервативным — он представлял собой закрытое иерархическое «правительство джентльменов» [Viereck, 1952]. Государственная служба, включая и военную, и дипломатическую, фактически была уделом аристократии. Это закреплялось тем, что правом участвовать в политической жизни, т.е. активным и пассивным избирательным правом, обладали лишь богатые белые мужчины, а многочисленные цензы не допускали к этому процессу женщин, малоимущих, не говоря о рабах.

Внешнеполитический механизм, таким образом, в период учреждения американской государственности был создан для того, чтобы проводить внешнюю политику в интересах состоятельных белых американцев — эквивалента аристократии в условиях республиканской формы правления. Дипломатия, подобно офицерской военной службе, была закрытой сферой, практически недоступной большинству населения. В 1950-е годы С. Хантингтон, рассуждая об офицерской службе как о профессиональной деятельности, характеризовал ее как «государственную бюрократическую профессиональную корпорацию» [Huntington, 1957: 8]. Можно провести и ряд

¹ 61 Stat. 380 (Pub. Law 80-199): An act to provide for the performance of the duties of the office of President in case of the removal, resignation, death, or inability both of the President and Vice President // Library of Congress. P. 380. Available at: <https://tile.loc.gov/storage-services/service/ll/lsl//lsl-c80s1/lsl-c80s1.pdf> (accessed: 10.04.2023).

других аналогий: по мнению того же С. Хантингтона, «офицерский корпус — нечто большее, нежели просто инструмент государства». В функции офицерского корпуса входит прежде всего обеспечение безопасности страны с помощью инструментов насилия. Цели дипломатии и офицерской службы совпадают, однако они используют противоположный инструментарий. Функция офицеров — обеспечивать национальную безопасность посредством военного насилия, а ответственность дипломатов — защищать национальные интересы политическими методами.

XX век во многом стал революционным для американской политической системы, а следовательно, и для внешнеполитического механизма. Если на протяжении первых 100 лет существования США государственные приоритеты и интересы внешней политики и национальной безопасности формулировались представителями класса, заместившего аристократию, в собственных интересах, то в XX в., особенно во второй его половине, проводимая внешняя политика должна была уже удовлетворять интересы среднего класса, в том числе в контексте политической активности.

Важную роль в трансформации американского внешнеполитического механизма сыграло повышение доступности получения профильного образования. По мере подключения новых групп населения к политическим процессам государственная служба теряла связь с аристократией. В начале XX в. появились первые университетские центры подготовки профессиональных дипломатов. В частности, в первой половине XX в. были учреждены университетские центры, в которых готовили специалистов по международным отношениям. Например, в Джорджтаунском университете факультет международных отношений появился в 1919 г., Школа Флетчера в Университете Тафтса открылась в 1933 г., Школа Кеннеди в Гарвардском университете была учреждена в 1936 г. В основном университетские центры по подготовке специалистов внешнеполитической службы появлялись на восточном побережье, в том числе в университетах «Лиги плюща»², что придавало им оттенок аристократизма. Тем не менее возможность получить образование и сделать карьеру дипломата появилась у большего количества американцев, в том числе представителей среднего класса. Согласно официальной

² Сеть старейших и наиболее престижных американских университетов, сосредоточенных в северо-восточной части Соединенных Штатов.

статистике в 1900 г. в Государственном департаменте работали 1228 человек, в 1940 г. — 1968, в 1960 г. — 13 294, а в 2000 г. — 15 751³. В его штатном расписании в 2019 г. значились 26 095 человек⁴. Такой стремительный рост численности сотрудников Государственного департамента в XXI в. обусловлен изменениями в американском внешнеполитическом механизме и расширением его функционала, что потребовало значительных человеческих ресурсов.

Наконец, важнейшими факторами, повлиявшими на изменения в американском внешнеполитическом механизме, стали отказ от «доктрины Монро» и постепенный отход от политики изоляционизма, доминировавшей на протяжении всего XIX в. Начиная с президента В. Вильсона внешняя политика стала предметом острой внутривластной дискуссии, разделившей политическую элиту на «глобалистов» и «изоляционистов». Такая дихотомия характерна для американской внешней политики и в XXI в. Глобализм до сих пор ассоциируется с Демократической партией, изоляционизм — с консервативно-республиканскими силами. Это наблюдение подтверждается опросами общественного мнения, о чем свидетельствует, в частности, исследование внешнеполитических взглядов сторонников «Движения чаепития»⁵, проведенное в 2012 г. [Rathbun, 2012]. В конце 2018 г. авторы социологического исследования по отношению американцев к внешней политике, выполненного компанией Pew, пришли к выводу, что большинство сторонников Демократической партии поддерживают развитие сотрудничества с союзниками, в то время как республиканские избиратели считают, что приоритетом внешней политики должно быть обеспечение во-

³ Department history // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/departmentshistory> (accessed: 10.04.2023).

⁴ HR fact sheet. Facts about our most valuable asset — our people: As of 3/31/2019 // U.S. Department of State. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/05/HR_Factsheet0319.pdf (accessed: 10.04.2023). Стоит пояснить, что цифра 77 243 включает 51 148 граждан, нанятых посольствами в других странах. Цифра 26 095 включает только американских граждан, находящихся на государственной службе.

⁵ «Движение чаепития» (Tea Party) — сформировавшаяся в конце 2000-х — начале 2010-х годов группа влиятельных членов Республиканской партии, оппозировавших леволиберальной политике президента Б. Обамы с правоконсервативных позиций. Название этого движения — отсылка к «Бостонскому чаепитию», акции против вмешательства британской короны в экономику колоний, предваившей американскую революцию и провозглашение независимости.

енного превосходства⁶. Постепенно ситуация за пределами страны всё больше становилась фактором внутривнутриполитической конкуренции в США.

В этом отношении интересно мнение ряда американских историков, утверждающих, что решение В. Вильсона о вступлении в Первую мировую войну и сформулированные им 14 пунктов были обусловлены именно изоляционистскими взглядами. В частности, Дж. Кауфман полагает, что задумка президента заключалась в том, чтобы использовать американскую мощь для достижения и поддержания мира, а следовательно, гарантии того, что США не придется вновь участвовать в военном конфликте [Kaufman, 2021: 62]. Как полагали оппоненты В. Вильсона во внутренней политике, вступление США в Лигу Наций, напротив, неизбежно приведет к тому, что Вашингтон будет вынужден принять участие в войне в Европе, поэтому они блокировали инициативу президента.

В XX в. политика вовлечения США в европейские дела привела к консолидации ресурсов стран Запада и во многом определила содержание глобального конфликта на десятилетия вперед. Н. Фергюсон охарактеризовал этот конфликт как «Запад против остальных» (*the West vs. the rest*). Несмотря на то что военная сила оставалась одним из важнейших средств защиты национальных интересов, инструментарий внешнеполитического влияния был значительно диверсифицирован. Изменения в американском внешнеполитическом механизме отражались на отношениях как с союзниками, так и с соперниками.

Опасаясь, что государства Латинской Америки окажутся под влиянием Германии и европейских держав, президент Ф.Д. Рузвельт объявил о политике «доброе соседство» в отношении стран этого региона, имевших большое значение для американской экономики. Он учредил «Отдел по координации экономических и культурных отношений между американскими республиками» фактически для проведения политики «мягкой силы» [Cramer, Prutsch, 2006].

Вскоре после окончания Второй мировой войны стали очевидны рамки нового глобального конфликта — холодной войны. Соединенные Штаты не просто поддерживали европейских союзников, но претендовали на роль лидера свободного мира. Военная со-

⁶ Conflicting partisan priorities for U.S. foreign policy. Terrorism, protecting U.S. jobs top the public's agenda // Pew Research Center. 29.11.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (accessed: 10.04.2023).

ставляющая противостояния играла важную роль, тем более что обе стороны конфликта обладали ядерным оружием, вместе с тем наиболее активно применялись именно политические инструменты глобального противоборства. Американский внешнеполитический механизм быстро адаптировался для этих целей. В частности, революционные изменения в системе обеспечения национальной безопасности США произошли в рамках реформы президента Г. Трумэна. В 1947 г. он фактически предпринял попытку лишить Государственный департамент монополии на ведение внешней политики посредством создания в структуре исполнительной власти Совета по национальной безопасности. Задумка Г. Трумэна заключалась в том, чтобы подключить к внешнеполитическому механизму представителей Конгресса и разведывательное сообщество. Кроме того, важнейшей функцией СНБ стала подготовка Стратегии национальной безопасности — ключевого документа, содержащего публичные декларации относительно стратегических целей внешней политики США. Начиная с директивы СНБ-68 Совет обеспечивал долгосрочное планирование политики национальной безопасности в условиях холодной войны [Mabee, 2011]. Важным аспектом внешней политики становилась публичность, призванная обеспечить поддержку обществом внешнеполитических решений, которые тем самым оказывались значимым элементом внутривластной конкуренции. Американская законодательная власть также участвовала в развитии потенциала «мягкой силы». Сенатор У. Фулбрайт предложил программу финансирования проектов «иностранных студентов в сфере образования, науки и культуры», а «закон Смита–Мундта» регулировал вопросы американского теле- и радиовещания внутри и за пределами Соединенных Штатов.

Заметные изменения происходили и в структуре Государственного департамента, его работа адаптировалась к новым условиям. В 1942 г., во время Второй мировой войны, было учреждено Управление военной информации (Office of War Information), которое выполняло задачи военной пропаганды. Позднее, в мирное время, само управление было упразднено⁷, а его функции переданы в Го-

⁷ Executive Order 9608 — Providing for the Termination of the Office of War Information, and for the Disposition of Its Functions and of Certain Functions of the Office of Inter-American Affairs, August 31, 1945 // The American Presidency Project. Available at: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/executive-order-9608-providing-for-the-termination-the-office-war-information-and-for-the> (accessed: 10.04.2023).

сударственный департамент. В середине 1940-х годов в структуре ведомства была учреждена должность помощника государственного секретаря по публичной политике. Изначально в его функции входило, во-первых, объяснение американской общественности внешней политики Вашингтона, во-вторых — координация работы созданной в 1942 г. радиостанции «Голос Америки»⁸.

В 1948 г. в Государственном департаменте была учреждена Консультативная комиссия по публичной дипломатии (U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy), которая предметно занималась разъяснением американской внешнеполитической позиции иностранным аудиториям⁹. В первом докладе Комиссии 1949 г. утверждалось: «...наши трансляции доступны широким массам людей, они проинформированы о правде и американской позиции»¹⁰. Комиссия является совещательным органом и вспомогательным инструментом публичной дипломатии США, состоящим из представителей экспертного и академического сообществ.

До появления интернета важнейшим инструментом идеологического противостояния оставались средства массовой информации. На протяжении холодной войны американский внешнеполитический аппарат стал активнее использовать СМИ и иные способы формирования общественного мнения в других странах, чтобы обеспечить поддержку решений, принимаемых Вашингтоном. Такую цель преследовали участники проекта «Соляриум», инициированного в тот период президентом Д. Эйзенхауэром¹¹. В основном ради решения этих задач в конце 1953 г. было создано Информационное агентство США (The United States Information Agency, USIA), кото-

⁸ Assistant Secretaries of State for Public Affairs // Office of the Historian. Available at: <https://history.state.gov/departmenthistory/people/principalofficers/assistant-secretary-for-public-affairs> (accessed: 10.04.2023).

⁹ U.S. Advisory Commission on Public Diplomacy // U.S. Department of State. Available at: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-public-diplomacy-and-public-affairs/office-of-policy-planning-and-resources-r-ppr/united-states-advisory-commission-on-public-diplomacy/> (accessed: 10.04.2023).

¹⁰ March 1949 — First semiannual Report by the US Advisory Commission on Information to the Congress // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/pdcommission/reports/174020.htm> (accessed: 10.04.2023).

¹¹ Advise the President: Dwight D. Eisenhower. How should the United States confront Soviet communist expansionism? // National Archives. P. 5. Available at: <https://www.archives.gov/files/presidential-libraries/advise-the-president/eisenhower-projectsolarium.pdf> (accessed: 10.04.2023).

рое было упразднено в 1999 г., когда его функции были переданы Государственному департаменту.

В конце 1980-х годов Дж. Най предложил термин «мягкая сила» для обобщения инструментов американской внешней политики, направленных на достижение и защиту национальных интересов с помощью средств убеждения в противовес принуждению. Он утверждал, что «мягкая сила позволяет достигать желаемых результатов, убеждая партнеров в том, что внешнеполитические цели совпадают. Таким образом, важнейшим фактором мягкой силы является привлекательность, которая в свою очередь зиждется на культуре, политических ценностях и дипломатической практике» [Nye, 2004: 14–15].

Государственный департамент окончательно терял монополию на проведение внешней политики, в структуре государственных и общественных институтов появлялись новые организации, дополнявшие его работу. В данном контексте нельзя не упомянуть Агентство по международному развитию (United States Agency for International Development, USAID), созданное в 1961 г. За более чем полувековую историю это ведомство также претерпело ряд изменений в своей работе. Сейчас оно выступает одним из основных институтов американской публичной дипломатии, обеспечивая американскую гуманитарную и политическую помощь¹² в целях поддержки демократических процессов, разумеется, уделяя особое внимание странам, представляющим интерес для национальной безопасности США.

Возможность влияния на принятие внешнеполитических решений открылась и для групп, отстаивающих в Вашингтоне интересы других стран. «Итогом изменений института лоббизма в США в последние три десятилетия стало то, что группы интересов полностью поменяли свое отношение к центрам власти — от пассивной зависимости они перешли к проактивным действиям, став ключевыми субъектами влияния» [Каневский, 2020: 94]. При поддержке национальных диаспор в США политической деятельностью занимаются институты этнического лоббизма.

Среди внешнеполитических инструментов появляется новый — партийная дипломатия. Обе лидирующие партии ведут весьма

¹²USAID history: Celebrating sixty years of progress // USAID. Available at: <https://www.usaid.gov/who-we-are/usaid-history> (accessed: 10.04.2023).

активную внешнеполитическую деятельность. Опросы общественного мнения регулярно фиксируют различные взгляды избирателей демократов и республиканцев на вопросы внешней политики¹³. Представители партий оказывают влияние на Государственный департамент и другие институты американской внешней политики, в том числе за рубежом, для приоритетного удовлетворения соответствующих интересов. С этой целью в 1980-е годы были учреждены неправительственные организации, аффилированные с обеими партиями. Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy) объединил деятельность прореспубликанских исследовательских центров. Национальный демократический институт по международным вопросам получил поддержку структур, связанных с Демократической партией. К началу XXI в. эти институты развернули масштабную деятельность во многих странах. Они стали дополнительным каналом для прямого контакта между гражданским обществом и американской политической системой.

В этой связи можно заключить, что одной из магистральных линий развития в рамках почти 250-летней эволюции американской политической системы была ее поступательная демократизация, призванная подключить к политическим процессам все группы населения. Так, в результате реформ президента Э. Джексона первой половины XIX в. мелкие собственники стали участниками политического взаимодействия. После победы Севера в Гражданской войне во второй половине XIX в. бывшие рабы формально получили право голоса. Его применение столкнулось со многими проблемами, тем не менее было запущено движение за права чернокожих, большой победой которого стало принятие Закона о гражданских правах почти 100 лет спустя. Движение суфражисток в начале XX в. добилось избирательного права для женщин. На рубеже XX–XXI вв. эти тенденции приобрели качественно новый размах. Ситуация, когда формирование американской внешней политики происходило с учетом интересов только «богатых белых джентльменов», безвозвратно ушла в прошлое.

¹³ Conflicting partisan priorities for U.S. foreign policy. Terrorism, protecting U.S. jobs top the public's agenda // Pew Research Center. 29.11.2018. Available at: <https://www.pewresearch.org/politics/2018/11/29/conflicting-partisan-priorities-for-u-s-foreign-policy/> (accessed: 10.04.2023).

Публичная дипломатия и особенности американского внешнеполитического механизма в XXI в.

К началу XXI в. в США в условиях повсеместного распространения потребительской электроники и массового спроса на нее взаимодействие общества и власти вышло на качественно новый уровень. Важнейшими факторами внутривнутриполитической конкуренции стали публичность, политические технологии и организация связей с общественностью. Интернет, социальные сети открыли практически неограниченные возможности для политической агитации. В отличие от телевидения и радио, цифровой контент не привязан к эфирному времени, причем современные технологии позволяют индивидуализировать политическую агитацию практически для каждого избирателя. Инструменты политической конкуренции становились разнообразнее. Для формирования общественного мнения всё чаще стали привлекаться представители массовой культуры и искусства.

Анализ Центра ответственной политики свидетельствует, что с 2000 г. намечилось резкое увеличение расходов на предвыборные кампании в США, особенно на статью «медиа». В 2008 г. Б. Обама потратил на эти цели 422,2 млн долл., или 57,2% его предвыборного бюджета¹⁴, расходы Дж. Маккейна на медиа составили 69,7 млн (31,2%)¹⁵, Дж. Байдена¹⁶ в 2020 г. — 839 млн (79,3%), а Д. Трампа — 544,6 млн долл. (68,4%)¹⁷. Эти данные наглядно доказывают, что публичная деятельность становится всё более востребованной в политической борьбе.

Технологии и инструменты внутривнутриполитической конкуренции стали применяться и во внешней политике. Иностранные представительства начали использовать интернет для прямой коммуникации с гражданским обществом в других странах. Под влиянием этих

¹⁴ Barack Obama (D). Expenditures breakdown, 2008 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/pres08/expand.php?cid=N00009638> (accessed: 10.04.2023).

¹⁵ John McCain (R). Expenditures breakdown, 2008 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/pres08/expand.php?cycle=2008&cid=N00006424> (accessed: 10.04.2023).

¹⁶ Expenditures breakdown, Joe Biden, 2020 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/2020-presidential-race/joe-biden/expenditures?id=N00001669> (accessed: 10.04.2023).

¹⁷ Expenditures breakdown, Donald Trump, 2020 cycle // Open Secrets. Available at: <https://www.opensecrets.org/2020-presidential-race/donald-trump/expenditures?id=N00023864> (accessed: 10.04.2023).

нововведений происходили изменения во внешнеполитическом механизме США: интернет-технологии, социальные сети использовались для социологических исследований, более глубокого понимания общественных настроений за рубежом, что усиливало аргументацию дипломатов. Более того, США получили возможность более детально объяснять официальную позицию и даже влиять на формирование общественного мнения. Новую актуальность приобрел инструментарий «мягкой силы».

Одним из наиболее ярких практических воплощений концепции «мягкой силы» можно считать внешнюю политику Б. Обамы. Стратегия национальной безопасности его администрации готовилась в условиях жесткого финансового-экономического кризиса, осознания того, что США завязли в двух масштабных конфликтах на Ближнем Востоке. В ней уже явно прослеживалась идея отказа США от сверхдержавных амбиций, а также декларировался приоритет применения ненасильственных инструментов внешней политики для защиты американских интересов.

В период президентства Б. Обамы Государственный департамент под руководством Х. Клинтон стал активно развивать инструментарий прямого взаимодействия Вашингтона с институтами гражданского общества за рубежом. Администрация предприняла попытку институционализировать подобную деятельность. В 2010¹⁸ и 2015 гг.¹⁹ Государственный департамент опубликовал «Четырехгодичные обзоры дипломатии и развития», в которых описывались усилия Вашингтона в данной области. При администрации Д. Трампа на фоне роста изоляционистских настроений практика публикации таких отчетов прекратилась. Тем не менее можно констатировать, что публичная дипломатия остается приоритетным направлением развития внешней политики США. Об этом, в частности, свидетельствует рост расходов на соответствующие цели в бюджете Государственного департамента. Так, бюджетный запрос на 2023 фин. г. по

¹⁸ Leading Through Civilian Power. The First Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2010 // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/153142.pdf> (accessed: 10.04.2023).

¹⁹ Enduring Leadership in a Dynamic World: Quadrennial Diplomacy and Development Review, 2015 // U.S. Department of State (archive). Available at: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/241429.pdf> (accessed: 10.04.2023).

статье расходов на публичную дипломатию составил более 700 млн долл.²⁰, в 2022 г. он был на уровне 617 млн долл., а в 2021 — 620 млн.

Важнейшим инструментом публичной дипломатии остаются СМИ. Согласно Закону о международном информационном вещании 1994 г. (United States International Broadcasting Act of 1994)²¹ в структуре USIA был создан Совет директоров телерадиовещателей (Broadcasting Board of Governors; BBG), в состав которого также входил государственный секретарь. Совет объединил несколько десятков теле- и радиостанций, вещающих на 28 языках практически во всех странах мира. Наиболее известными из них являются «Голос Америки», «Свободная Европа», «Радио Свобода»²². Позднее Совет был реорганизован в Агентство глобальных медиа США (United States Agency for Global Media; USAGM)²³. СМИ, входящие в Агентство, финансируются государством и соответственно транслируют официальную позицию. Вместе с тем стоит отметить, что негосударственные американские медиа также имеют масштабное представительство в мире.

В 2016 г. впервые было признано превосходство цифровых медиа над традиционными. В отчете USAGM утверждалось, что деятельность американских медиа в цифровом пространстве становится более приоритетной, поскольку аудитории во многих странах активнее используют мобильные устройства для доступа в интернет²⁴. Кроме того, во многих странах мира доля активных пользователей Сети сопоставима с количеством политически активного населения. Начиная с 2020 г. USAGM публикует статистику о размерах аудито-

²⁰ Congressional Budget Justification. Appendix 1: Department of State Diplomatic Engagement, Fiscal year 2023 // U.S. Department of State. P. 166. Available at: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/05/FY-2023-CBJ-Appendix-1-Full-Documents-Final.pdf> (accessed: 10.04.2023).

²¹ International Broadcasting Act (Foreign Relations Authorization Act, Fiscal Years 1994 and 1995) // U.S. Agency for Global Media. Available at: <https://www.usagm.gov/who-we-are/oversight/legislation/international-broadcasting-act/> (accessed: 10.04.2023).

²² Weed M.C. U.S. international broadcasting: Background and issues for reform, December 15, 2016 // Congressional Research Service. P. 10. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/row/R43521.pdf> (accessed: 10.04.2023).

²³ См. подробнее: The history of U.S. civilian international broadcasting // U.S. Agency for Global Media. Available at: <https://www.usagm.gov/who-we-are/history/> (accessed: 10.04.2023).

²⁴ Broadcasting Board of Governors. 2016 Annual report // U.S. Agency for Global Media. P. 28. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/media/2017/06/BBG_2016_Annual_Report_Final.pdf (accessed: 10.04.2023).

рии в социальных медиа. К примеру, в 2021 г. количество реакций на посты «Голоса Америки» и «Свободной Европы» в социальных сетях Facebook и Twitter составляло около 9 млн²⁵. Общая аудитория в мире в 2022 г. насчитывала более 400 млн уникальных пользователей²⁶.

Большое значение для публичной политики имеют крупнейшие мировые технологические платформы, формирующие социальные сети, в первую очередь Facebook и Twitter. Именно они являются универсальным «средством доставки» политической аргументации массовому потребителю, будь то избиратель внутри Соединенных Штатов или аудитория в других странах. Новые возможности для взаимодействия американских внешнеполитических структур с институтами гражданского общества за рубежом открывают интернет-платформы на базе технологий Web 2.0 [Cull, 2013].

Беспокойство американских политиков в этой связи вызывает то, что информационно-технологические гиганты, предоставляющие услуги социальных сетей, становятся самостоятельными и весьма влиятельными политическими акторами. Особенно активно данный аспект обсуждался в контексте сообщений о вмешательстве в выборы 2016 г. Речь тогда шла не о влиянии Вашингтона за рубежом, а об обнаружившейся уязвимости в алгоритмах работы платформ социальных сетей, позволяющих иностранным структурам воздействовать на формирование общественного мнения внутри США. По итогам ряда слушаний, на которых выступали руководители Facebook, Twitter и YouTube, Конгресс принял меры, связанные с информационной безопасностью работы социальных сетей. Аналогичные меры принимаются и в других странах, в которых американские социальные медиа используются для влияния на общественное мнение.

Примечательно, что под руководством госсекретаря Э. Блинкена в структуре Государственного департамента было учреждено новое бюро по вопросам киберпространства и цифровой политики²⁷, объ-

²⁵ FY 2023: Congressional Budget Justification // U.S. Agency for Global Media. P. 111. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2022/03/USAGMBudget_FY23_CBJ_03-25-22-FINAL.pdf (accessed: 10.04.2023).

²⁶ Audience and impact review 2022 // U.S. Agency for Global Media. Available at: https://www.usagm.gov/wp-content/uploads/2023/01/USAGM_Audience_and_Impact_Report_2022.pdf (accessed: 10.04.2023).

²⁷ Establishment of the Bureau of Cyberspace and Digital Policy // U.S. Department of State. 04.04.2022. Available at: <https://www.state.gov/establishment-of-the-bureau-of-cyberspace-and-digital-policy/> (accessed: 10.04.2023).

единившее направления международного регулирования вопросов киберпространства и публичной дипломатии.

Описанные нововведения в работе внешнеполитического механизма США, в особенности Государственного департамента, привели к тому, что Вашингтон сформировал мощный дипломатический ресурс. Практически в каждой стране мира Соединенные Штаты имеют масштабное и разноплановое дипломатическое присутствие, обеспечивающее тесное двустороннее взаимодействие посредством вовлечения местного гражданского общества.

Приоритеты публичной дипломатии в контексте внешнеполитических задач США

Очевидно, что применение Соединенными Штатами инструментов публичной дипломатии приводит к неодинаковым результатам в разных странах. Впрочем, универсальная оценка эффективности этого инструментария едва ли возможна, поскольку в отношении каждого отдельного внешнеполитического партнера Вашингтон решает различные задачи. Упомянутая концепция «мягкой силы», сформулированная Дж. Наем, породила целый пласт компаративистских исследований, предлагающих различные подходы и методики оценки и сравнения «мягкой силы» разных стран. При этом, хотя многие эксперты подчеркивают, что «сила не является неотъемлемым атрибутом актора, действующего на международной арене, а возникает только в процессе конкретного взаимодействия и только его характеризует» [см., например: Юдин, 2014: 138], что «материальные и нематериальные ресурсы формируют потенциал силы, но никак не ее саму», а «сила в международных отношениях возникает тогда, когда потенциал начинает трансформироваться в конкретные политические шаги, направленные на достижение конкретных политических целей» [Юдин, 2014: 139], на практике попытки измерить и оценить «мягкую силу» того или иного государства, как правило, сводятся именно к измерению количественными или эконометрическими показателями тех или иных его ресурсов.

О приоритетах американской публичной дипломатии свидетельствуют данные расходов внешнеполитического ведомства по странам, представленные, в частности, в отчете Консультативной комиссии по публичной дипломатии Государственного департамента США (таблица).

**Расходы на публичную дипломатию Государственного департамента США
в 2018–2021 гг. (долл. США)**

Страна	2018	2019	2020	2021
Пакистан	34 340 000	26 830 000	28 837 000	28 837 000
Афганистан	38 167 000	38 270 000	17 674 000	17 674 000
Украина	8 376 000	12 640 000	11 910 000	11 760 000
Россия	11 236 000	11 850 000	11 410 000	11 730 000
Ирак	17 610 000	16 870 000	16 870 000	10 500 000
Китай	7 971 465	8 105 970	6 465 438	9 693 851
Япония	9 448 000	9 617 888	9 152 043	8 372 449
Индия	7 779 457	8 320 000	7 698 100	7 933 820
Германия	6 330 320	6 270 000	5 640 000	6 570 000
Индонезия	7 298 396	5 274 011	5 788 431	6 430 886

Источник: Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting²⁸.

Из представленных данных следует, что приоритетными направлениями американской публичной дипломатии являются как государства-партнеры и близкие союзники США, такие как Япония и Германия, так и соперники, в частности Китай, Россия. К примеру, данная таблица наглядно отражает изменение политики в отношении Афганистана в связи с выводом американских войск в 2020 г.: бюджет публичной дипломатии в этой стране сократился более чем в два раза.

В отчете также представлены профили каждой страны, отражающие возможности информационной деятельности Соединенных Штатов. К важнейшим характеристикам относятся показатели распространения интернета, популярности социальных сетей, а также свободы слова, государственного контроля над информационным пространством.

²⁸ Comprehensive Annual Report on Public Diplomacy & International Broadcasting: Focus on FY 2021 Budget Data // U.S. Department of State. P. 6. Available at: https://www.state.gov/wp-content/uploads/2022/12/FINAL_2022_ACPD_AnnualReport_508Ready.pdf (accessed: 10.04.2023).

Помочь более полному пониманию возможностей американской публичной дипломатии может обращение к изучению качественных изменений в двусторонних отношениях с государствами, принадлежащими к так называемым западным демократиям. Ближайшие партнеры Соединенных Штатов следуют их примеру и применяют аналогичные технологии публичной дипломатии в своей внешнеполитической практике. Примечательно, что, как и в США, в Европейском союзе внутренняя политическая конкуренция прямо отражается на его международно-политической деятельности, в которой инструменты публичной дипломатии традиционно играют особую роль. В частности, долгосрочная стабильность трансатлантических отношений во многом обеспечивается тесным взаимодействием между различными внутривнутриполитическими государственными и негосударственными акторами [Song, Fanoulis, 2022]. По мнению американского исследователя М. Тиеля, «внешняя политика Европейского союза в значительной мере опирается на публичную дипломатию для поддержания международной репутации, при этом Представительство ЕС в Вашингтоне играет центральную роль в контексте отношений с Соединенными Штатами» [Thiel, 2022]. В Глобальной стратегии Европейского союза декларируется, что «благодаря публичной дипломатии развиваются международное сотрудничество и дискуссии о насущных проблемах человечества, происходит обмен мнениями, обеспечивается коммуникация между гражданским обществом и государственными институтами на национальном, европейском и глобальном уровнях»²⁹. В 2016 г. министры иностранных дел ЕС приняли решение о том, что публичная дипломатия должна быть одним из стратегических приоритетов реализации Глобальной стратегии Европейского союза. В рамках проекта «Глобальные ворота» (Global Gateway) ЕС намерен потратить 300 млрд евро до 2027 г.³⁰ на инициативы в области культурного, образовательного, научного обмена и поддержку институтов гражданского общества за рубежом.

²⁹ EU public diplomacy: Creating spaces for global conversations // The Diplomatic Service of the European Union. 26.04.2022. Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/public-diplomacy_en#45912 (accessed: 10.04.2023).

³⁰ A stronger Europe in the world: Reinforcing our responsible global leadership // European Commission. Available at: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/stronger-europe-world_en (accessed: 10.04.2023).

В определенном смысле инструменты публичной дипломатии — это способ решить внешнеполитические задачи методами внутриполитической конкуренции. В Европе в странах с конкурентной политической системой информационная деятельность институтов американской публичной дипломатии не вызывает отторжения. Напротив, американский опыт перенимается и применяется в отношении самих Соединенных Штатов.

* * *

Начиная с первой половины XX в. эволюция внешней политики США была обусловлена как распространением их интересов за пределы Североамериканского континента, прежде всего в Азиатско-Тихоокеанский регион и Европу, так и непрерывным развитием их внутривнутриполитической системы. За последние 100 лет в ней произошли заметные изменения, в первую очередь обусловленные ее демократизацией, изначально связанной с ростом влияния среднего класса. Неуклонное вовлечение всё более широких слоев населения в формирование внешнеполитической повестки, а также расширение возможностей их непосредственного участия в ее реализации обусловили превращение публичной дипломатии в одно из ключевых направлений внешней политики США. Эти тенденции особенно ускорились в последние десятилетия. В этот период происходил наиболее стремительный рост количества пользователей интернета в мире, в особенности социальных сетей. Данное обстоятельство открывало перед Соединенными Штатами возможность устанавливать прямой контакт с гражданским обществом в других странах. Новый импульс развитию институтов публичной дипломатии США придал приход к власти администрации Б. Обамы с ее глобалистской внешнеполитической стратегией. В период президентства Б. Обамы были проведены масштабные реформы, учреждены новые организационные структуры, расширена работа Государственного департамента.

В то же время использование инструментов публичной дипломатии сопряжено с рядом трудностей. Какие-то из них давно находятся в фокусе внимания ученых и политиков-практиков. В частности, речь идет о проблеме оценки эффективности данного инструментария. Другие же проявились относительно недавно. Так, распространение интернет-технологий не только расширило возможности американской публичной дипломатии по взаимодействию с зарубежной аудиторией, но и сделало сами США более открытыми

для аналогичных действий со стороны других субъектов мировой политики, остро поставив вопрос о возможностях иностранного вмешательства в политическую жизнь страны. В этом контексте особый интерес с точки зрения будущих исследований представляет изучение опыта взаимодействия Соединенных Штатов с политически и идеологически близкими им странами Европейского союза, которое позволит лучше понять возможности и границы американского инструментария публичной дипломатии, опирающегося на структуры развитого гражданского общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатов Г.А. Идеологическая борьба в современных международных отношениях. Доктрина, методы и организация внешнеполитической пропаганды империализма. М.: Политиздат, 1970.
2. Барышников Д.Н. Публичная дипломатия и многостороннее сотрудничество в альянсе цивилизаций ООН // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2013. Т. 9. № 2. С. 14–23.
3. Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок: анализ современных американских концепций. М.: РОССПЭН, 2005.
4. Богданов Р.Г., Кокошин А.А. США: информация и внешняя политика. М.: Наука, 1979.
5. Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада: идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка, 1940–2000-е гг. М.: Крафт-плюс, 2007.
6. Долинский А.В. Дискурс о публичной дипломатии // Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25). С. 63–73.
7. Иवानян Э.А. Мадлен Олбрайт. М.: ИНИОН РАН, 2000.
8. Каневский П.С. Институт лоббизма в XXI веке: сравнительный анализ. М.: Канон-плюс, 2020.
9. Козлов Л.Е. Применение культурных инструментов в современной внешнеполитической практике // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 12 (267). С. 7–16.
10. Кортунов А.В. Мир в новой редакции: Сборник статей. М.: РСМД, 2022.
11. Паршин П.Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М.: МГИМО-Университет, 2020.
12. Печатнов В.О., Манькин А.С. История внешней политики США. М.: Международные отношения, 2012.
13. Рогов С.М. 11 сентября 2001 г.: реакция США и последствия для российско-американских отношений. М.: Институт США и Канады РАН, 2001.
14. Самуйлов С.М. Внешнеполитический механизм США: эволюция, реформирование, проблемы. М.: Прометей, 2009.

15. Согрин В.В. Американская империя. Происхождение. Этапы. Современность. М.: Международные отношения, 2022.
16. Фокин В.И. Международный культурный обмен и СССР в 20–30-е гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999.
17. Цветкова Н.А. Публичная дипломатия администрации Д. Трампа: институциональные и политические вызовы // *Americana*. Вып. 16: Американцы в революционной России: Сборник статей / Под ред. А.И. Кубышкина, И.И. Куриллы. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2020. С. 236–249.
18. Юдин Н.В. Жесткий взгляд на «мягкую силу». Критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // *Вестник Московского университета*. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2014. № 2. С. 134–163.
19. Cramer G., Prutsch U. Nelson A. Rockefeller's office of inter-American affairs (1940–1946) and record group 229 // *Hispanic American Historical Review*. 2006. Vol. 86. No. 4. P. 785–806. DOI: 10.1215/00182168-2006-050.
20. Cull N.J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy // *International Studies Review*. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 123–139. DOI: 10.1111/misr.12026.
21. Huntington S. *The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations*. Cambridge: Belknap Press of Harvard University Press, 1957.
22. Kaufman J.P. *A concise history of U.S. foreign policy*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2021.
23. Mabee B. Historical institutionalism and foreign policy analysis: The origins of the national security council revisited // *Foreign Policy Analysis*. 2011. Vol. 7. No. 1. P. 27–44. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00121.x.
24. Nye J.S. *Soft power: The means to success in world politics*. New York: Public Affairs, 2004.
25. Rathbun B. Steeped in international affairs? The foreign policy views of the Tea Party // *Foreign Policy Analysis*. 2012. Vol. 9. No. 1. P. 1–17. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2012.00196.x.
26. Song W., Fanoulis E. Global perspectives on European Union public diplomacy: An introduction // *Journal of Contemporary European Studies*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 1–7. DOI: 10.1080/14782804.2022.2156486.
27. Thiel M. EU public diplomacy in the United States: Socio-political challenges & EU delegation agency // *Journal of Contemporary European Studies*. 2022. Vol. 31. No. 1. P. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.
28. Viereck P. The aristocratic origin of American freedom // *Southwest Review*. 1952. Vol. 37. No. 4. P. 331–334.

REFERENCES

1. Arbatov G.A. 1970. *Ideologicheskaya bor'ba v sovremennykh mezhdunarodnykh otnosheniyakh. Doktrina, metody i organizatsiya vneshnepoliticheskoi*

propagandy imperializma [Ideological struggle in modern international relations. Doctrine, methods and organization of foreign policy propaganda of imperialism]. Moscow, Politizdat Publ. (In Russ.)

2. Baryshnikov D.N. 2013. Publichnaya diplomatiya i mnogostoronnee sotrudnichestvo v al'yanse tsivilizatsii OON [Public diplomacy and multilateral cooperation in the UN Alliance of Civilizations]. *Political Expertise: POLITEX*, vol. 9, no. 2, pp. 14–23. (In Russ.)

3. Batalov E.Ya. 2005. *Mirovoe razvitie i mirovoi poryadok: analiz sovremennykh amerikanskikh kontseptsii* [World development and world order: An analysis of modern American concepts]. Moscow, ROSSPEN Publ. (In Russ.)

4. Bogdanov R.G., Kokoshin A.A. 1979. *SShA: informatsiya i vneshnyaya politika* [USA: Information and foreign policy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)

5. Voitlovskii F.G. 2007. *Edinstvo i razobshchennost' Zapada: ideologicheskoe otrazhenie v soznanii elit SShA i Zapadnoi Evropy transformatsii politicheskogo miroporjadka, 1940–2000-e gg.* [Unity and disunity of the West: Ideological reflection of transformations of a political world order in 1940–2000 in the consciousness of elites of the USA and the Western Europe]. Moscow, Kraft-plyus Publ. (In Russ.)

6. Dolinskii A.V. 2011. Diskurs o publichnoi diplomatii [Public diplomacy discourse]. *International Trends*, vol. 9, no. 1 (25), pp. 63–73. (In Russ.)

7. Ivanyan E.A. 2000. *Madlen Olbrait* [Madeleine Albright]. Moscow, INION RAN Publ. (In Russ.)

8. Kanevskii P.S. 2020. *Institut lobbizma v XXI veke: sravnitel'nyi analiz* [Institute of lobbying in the 21st century: A comparative analysis]. Moscow, Kanon-plyus Publ. (In Russ.)

9. Kozlov L.E. 2012. Primenenie kul'turnykh instrumentov v sovremennoi vneshnepoliticheskoi praktike [Using of cultural instruments in contemporary foreign policy]. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, no. 12 (267), pp. 7–16. (In Russ.)

10. Kortunov A.V. 2022. *Mir v novoi redaktsii: Sbornik statei* [The world in a new edition: A collection of articles]. Moscow, RIAC Publ. (In Russ.)

11. Parshin P.B. 2020. *Myagkaya sila v labirinte diskussii* [Soft power in the maze of discussions]. Moscow, MGIMO-Universitet Publ. (In Russ.)

12. Pechatnov V.O., Manykin A.S. 2012. *Istoriya vneshnei politiki SShA* [History of the US foreign policy]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

13. Rogov S.M. 2001. *11 sentyabrya 2001 g.: reaktsiya SShA i posledstviya dlya rossiisko-amerikanskikh otnoshenii* [September 11, 2001: US reaction and implications for Russian-American relations]. Moscow, Institut SShA i Kanady RAN Publ. (In Russ.)

14. Samuilov S.M. 2009. *Vneshnepoliticheskii mekhanizm SShA: evolyutsiya, reformirovanie, problemy* [The US foreign policy machinery: Evolution, reforms, and challenges]. Moscow, Prometei Publ. (In Russ.)

15. Sogrin V.V. 2022. *Amerikanskaya imperiya. Proiskhozhdenie. Etapy. Sovremennost'* [The American empire. Origins. Stages. Modernity]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. (In Russ.)

16. Fokin V.I. 1999. *Mezhdunarodnyi kul'turnyi obmen i SSSR v 20–30-e gg.* [International cultural exchange and the USSR in the 1920–30s.]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta Publ. (In Russ.)
17. Tsvetkova N.A. 2020. Publichnaya diplomatiya administratsii D. Trampa: institutsional'nye i politicheskie vyzovy [Public diplomacy of the Trump administration: Institutional and political challenges]. In: Kubyshkin A.I., Kurilla I.I. (eds.). *Americana. Vyp. 16: Amerikantsy v revolyutsionnoi Rossii: Sbornik statei* [Americana. Iss. 16: Americans in the revolutionary Russia: Collection of articles]. Volgograd, Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta Publ., pp. 236–249. (In Russ.)
18. Yudin N.V. 2014. Zhestkii vzglyad na 'myagkuyu silu'. Kriticheskii analiz monografii Dzh. Naya 'Budushchee vlasti' [Hard look at 'soft power'. Critical reflections on 'The future of power' by Joseph S. Nye]. *Lomonosov World Politics Journal*, no. 2, pp. 134–163. (In Russ.)
19. Cramer G., Prutsch U. 2006. Nelson A. Rockefeller's office of inter-American affairs (1940–1946) and record group 229. *Hispanic American Historical Review*, vol. 86, no. 4, pp. 785–806. DOI: 10.1215/00182168-2006-050.
20. Cull N.J. 2013. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in US public diplomacy. *International Studies Review*, vol. 15, no. 1, pp. 123–139. DOI: 10.1111/misr.12026.
21. Huntington S. 1957. *The soldier and the state: The theory and politics of civil-military relations*. Cambridge, Belknap Press of Harvard University Press.
22. Kaufman J.P. 2021. *A concise history of U.S. foreign policy*. Lanham, Rowman & Littlefield.
23. Mabee B. 2011. Historical institutionalism and foreign policy analysis: The origins of the national security council revisited. *Foreign Policy Analysis*, vol. 7, no. 1, pp. 27–44. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2010.00121.x.
24. Nye J.S. 2004. *Soft power: The means to success in world politics*. New York, Public Affairs.
25. Rathbun B. 2012. Steeped in international affairs? The foreign policy views of the Tea Party. *Foreign Policy Analysis*, vol. 9, no. 1, pp. 1–17. DOI: 10.1111/j.1743-8594.2012.00196.x.
26. Song W., Fanoulis E. 2022. Global perspectives on European Union public diplomacy: An introduction. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 1–7. DOI: 10.1080/14782804.2022.2156486.
27. Thiel M. 2022. EU public diplomacy in the United States: Socio-political challenges & EU delegation agency. *Journal of Contemporary European Studies*, vol. 31, no. 1, pp. 8–20. DOI: 10.1080/14782804.2022.2084049.
28. Viereck P. 1952. The aristocratic origin of American freedom. *Southwest Review*, vol. 37, no. 4, pp. 331–334.

Статья поступила в редакцию 26.09.2022; одобрена после рецензирования 10.04.2023; принята к публикации 22.05.2023

The paper was submitted 26.09.2022; approved after reviewing 10.04.2023; accepted for publication 22.05.2023

DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208

Научная статья / Research paper

Т.Ю. Лебедева, Л.В. Минаева*

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ЦИФРОВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ:
ВЗГЛЯД ФРАНЦУЗСКОЙ ШКОЛЫ
КОММУНИКАТИВИСТИКИ**

*Institute Europeen des relations publiques (IEERP)
75005, Paris, 16, Rue des Écoles*

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

Активное внедрение цифровых технологий в сферу политической коммуникации привело к появлению нового феномена — цифровой политической культуры, который не только привлек внимание широкого круга академических исследователей, но и буквально ворвался в практику современных электоральных процессов в развитых странах. С точки зрения системного научного осмысления данного феномена особого внимания заслуживают труды представителей французской школы коммуникативистики. В первой части статьи подробно рассмотрены ключевые исследовательские вопросы, подходы и оценки, формирующие содержательное ядро этой школы. Как отмечают авторы, французские исследователи в целом склонны считать, что цифровые технологии не произвели тотальной революции в сфере политической коммуникации, а лишь наложились на существующие общественные практики. Впрочем, это осторожное отношение к новым технологиям не мешает их активному внедрению в политические процессы Пятой республики. Во второй части статьи на основе анализа ряда электоральных кампаний изучены практические аспекты становления цифровой политической культуры во Франции. Авторы обращают внимание на вывод французских экспертов, которые

* *Лебедева Татьяна Юрьевна* — доктор филологических наук, профессор, директор международных программ Европейского института связей с общественностью (e-mail: tlebedeva@ieerp.org); *Минаева Людмила Владимировна* — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой международной коммуникации факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: liudmila.minaeva@gmail.com).

закljučают, что при всей значимости технологий больших данных для выстраивания коммуникации с электоратом их использование не является простым и линейным процессом и не гарантирует автоматического успеха. В третьей части статьи на примере президентских выборов 2017 г. изучены современные стратегии цифровой коммуникации в электоральных процессах во Франции. Особое внимание уделено электоральным кампаниям Э. Макрона и Ж.-Л. Меланшона. Обращение к опыту французской школы коммуникативистики позволяет заключить, что специфика межличностного общения, партийного взаимодействия и традиций и другие факторы, относящиеся к этимологии культуры и социологии организации, сохраняют свою значимость и в условиях широкого внедрения цифровых технологий. Более того, эти технологии дают значимые коммуникационные эффекты «цифры» в политике только тогда, когда они накладываются на существующую культуру и трансформируются вместе с ней.

Ключевые слова: французская школа коммуникативистики, политическая коммуникация, цифровизация, цифровые технологии, политические технологии, новые медиа, политическая культура, большие данные, электоральные кампании, Франция, Э. Макрон, Ж.-Л. Меланшон

Для цитирования: Лебедева Т.Ю., Минаева Л.В. Теория и практика цифровой политической культуры: взгляд французской школы коммуникативистики // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. Т. 15. № 1. С. 188–208. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208.

Tatyana Yu. Lebedeva, Lyudmila V. Minaeva

**THEORY AND PRACTICE
OF DIGITAL POLITICAL CULTURE:
THE VIEWS OF THE FRENCH SCHOOL
OF COMMUNICATIVISTICS**

*Institute Europeen des relations publiques (IEERP)
16, Rue des École, Paris, France, 75005*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

Widespread introduction of digital technologies into political communication practices has led to the emergence of a new phenomenon — digital political

culture, — which not only has attracted the attention of academic community, but has literally burst into modern electoral processes in developed countries. In terms of systemic and comprehensive understanding of this phenomenon the works of the French school of communicativistics are of particular interest. The first section of the paper thoroughly examines the key research questions, approaches and assertions that form the substantive core of the French school. The authors note that French researchers generally share the view that digital technologies have not had a revolutionary impact on political communications; rather they have complemented the existing social practices. However, this caution about new technologies does not impede their active integration into the political processes of the Fifth Republic. In the second section, through the analysis of a number of electoral campaigns, the authors examine the practical aspects of formation of digital political culture in France. The authors refer to the findings of French experts who conclude that despite the importance of Big Data technologies for establishing communication with the electorate, their use is not a simple or linear process and does not guarantee automatic success. The third section analyzes modern digital communication strategies in electoral processes in France on the example of the 2017 presidential elections. Special attention is paid to the electoral campaigns of E. Macron and J.-L. Melenchon. The authors conclude that in full accordance with the provisions of the French school of communicativistics the specifics of interpersonal communication, party interaction and traditions, as well as other factors related to the etymology of culture and sociology of the organization retain their significance even with the introduction of digital technologies. Moreover, the latter could have considerable communication effects in politics only if they match with the existing culture and evolve along with it.

Keywords: French school of communicativistics, political communication, digitalization, digital technologies, political technologies, new media, political culture, Big Data, electoral campaigns, France, E. Macron, J.-L. Melenchon

About the authors: *Tatyana Yu. Lebedeva* — Doctor of Sciences (Philology), Professor, International Programmes Director, European Institute of Public Relations (IEERP) (e-mail: tlebedeva@ieerp.org); *Lyudmila V. Minaeva* — Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Chair of International Communications, School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: liudmila.minaeva@gmail.com).

For citation: Lebedeva T.Yu., Minaeva L.V. 2023. Theory and practice of digital political culture: The views of the French school of communicativistics. *Lomonosov World Politics Journal*, vol. 15, no. 1, pp. 188–208. DOI: 10.48015/2076-7404-2023-15-1-188-208. (In Russ.)

«Цифра» и политическая культура

в прочтении французской школы коммуникативистики

Парадигма развития политической коммуникации¹ во Франции оформилась в работах академических исследователей и практиков-эссеистов, таких как М. Крозье [Crozier, Friedberg, 1977], Р. Дебре [Debrey, 1993], Ф. Буари [Boiry, 1989], Р. Барт [Barthes, 1957], Ж. Сегела и Т. Соссе [Seguela, Saussez, 2007], Д. Вольтон [Wolton, 1997], Л. Саллерон [Salleron, 1956], Р. Тиксье-Гишар [Tixier-Guichard, Chaize, 1993]. В фокусе их внимания оказался комплекс взаимосвязанных проблем: отношение к власти, технологии влияния, формирование доверия и консенсуса, идентичность и ценности. Развивающаяся в контексте тесной сетки социокультурных ориентиров и общественных практик, политическая коммуникация во Франции рассматривалась ими как синкретический феномен. «Наш темперамент, который мы могли бы назвать католическим, латинским или революционным, всегда был нацелен на критику и неприятие англосаксонского морализма...» — так емко обозначал общественный пафос, лежащий в основе французской парадигмы общественной коммуникации, Л. Саллерон². Один из первопроходцев в области связей с общественностью в Европе Л. Матра, развивая эту мысль, отмечал: «...американцы признают, что коммуникация, как ее “делают” во Франции, так или иначе воскрешает идеи великих французских философов» [Matra, 1971: 26].

Обращаясь к более близкому времени — второй половине XX в., можно утверждать, что на развитие французских исследований политической коммуникации особое влияние оказали философы и социологи: П. Бурдьё, М. Фуко, Э. Морэн и Б. Латур (последний был одним из самых цитируемых французов-социологов, в том числе и в англосаксонском мире). Их разработки, включая актор-сетевую концепцию и понятие социальных сетей, экспериментальные программы в области искусства и политики, создавали особую атмосферу общественной мысли во Франции в начале XXI в., что во многом

¹ Под политической коммуникацией в коммуникативистике понимаются электоральные технологии и партийная коммуникация. Коммуникация государственных институтов относится к институциональной коммуникации. Они имеют один генезис, но различаются принципами.

² Salleron L. Public relations en France // Le Monde. Septembre, 1951.

повлияло на трансформацию понимания и практики политической коммуникации в глобальном масштабе.

В традиции французской школы исследований политической коммуникации последняя рассматривалась как особая форма общественных отношений, через которые реализуется власть. Так, один из авторов фундаментальных трудов в этом направлении Р. Тиксье-Гишар подчеркивал: «Политика — фундаментальная сфера приложения коммуникации. <...> Быть, казаться, обольщать — принципиальные составляющие концепции искусства властвовать, осуществляя коммуникацию» [цит. по: Лебедева, 1999: 72].

Эту точку зрения разделяет и профессор Университета Пантеон-Ассас А. Мерсье [Mercier, 2004]. По его мнению, «коммуникация следует за властью, как тень. На всех уровнях политике необходима коммуникация, чтобы полностью реализоваться. Мы можем дойти до утверждения, что коммуникация и политика выстроили неразрывную связь, покрывающую несколько измерений, задолго до расцвета СМИ. Всякая форма политической власти всегда занимается сценографией и нарративом, чтобы навязать или подтвердить свой статус и чтобы мобилизовать и убедить своих подданных, если в этом есть необходимость. <...> Эта цель достигается сценографией лиц, принимающих решения (театрократия по Ж. Баландье), озвучиванием дискурса об их намерениях действовать (риторика), созданием визуальных представлений институтов и осуществляющих и направляющих их действия принципов (маркетинг), попытками контролировать информацию об этих действиях (непосредственная цензура и давление или связи с общественностью) и мобилизацией всех средств коммуникации для кондиционирования общества (пропаганда)» [Mercier, 2004: 70].

Согласно А. Мерсье то, что в перспективе может оформиться как особая наука о политической коммуникации, будет находиться на стыке нескольких дисциплин и иметь в качестве предмета исследования «сценографию власти» (*mises en scène du pouvoir*) и стратегии ее легитимации, политическую рекламу или пропаганду, цензуру или манипуляции информацией, взаимные влияния системы медиа и политической системы и все формы политической медиации [Mercier, 2004: 70].

В процессе концептуального осмысления политической коммуникации особое внимание французских исследователей также привлекала проблема диалога, его роли и значения для современ-

ного общества: «Коммуникация устанавливается на базе диалога. Осуществлять коммуникацию — это значит желать диалога. Надо строить наши “послания” и способ их “изложения” так, чтобы они были приняты публикой как способ решения их проблем», — отмечали французские классики, на этот раз в сфере связей с общественностью, Ф. Буари и Л. Матра [Boiry, 1989: 131; Matra, 1971: 26].

В итоге французскую школу исследований политической коммуникации целесообразно рассматривать с позиций полипарадигмального подхода — как проект, фокусирующийся на изучении отношений феномена власти и технологий, позволяющих ее добиваться. К этому тесно примыкают вопросы функционирования общественного мнения, доверия, диалога, что требует определенной сценографии и режиссуры, которые меняются с развитием «цифры».

Описанные особенности концептуального видения роли коммуникации в политических процессах, характерные для французской школы, обусловили специфику интерпретации ее представителями значения «цифры» непосредственно в политической практике. Характерными маркерами этой интерпретации стали акцентирование богатства и сложности связей, соединяющих коммуникацию и политику, внимание к интеракционистским аспектам взаимодействия акторов коммуникации, включающих аудиторию, субъектов политики и медиа, в частности журналистов, социальные сети, авторов политических блогов и т.д.

В этой связи современные классики Ф. Маарек [Maarek, 1992, 2007], Д. Вольтон [Wolton, 1997], Ж. Жерстле [Gerstle, 1992], а также более молодые исследователи — А. Тевьо [Theviot, 2019], А. Эресь [Euries, 2021] стремятся прежде всего вписать цифровые технологии в генеалогию развития политической коммуникации в целом. При анализе конкретных аспектов влияния цифровых технологий на способы ведения коммуникации и ее инструментарий французские исследователи фокусируются на проблемах демократии, общественных ценностей, культуры в широком смысле [Euries, 2021]. Принципиальным для них является прояснение вопроса о том, как в рамках феномена цифровой политической коммуникации сочетаются ее традиционные установки и новые технологии: играет ли в нем ключевую роль идентичность предметной сферы — политики, на которую просто наложилась «цифра», или же цифровые технологии кардинально трансформировали эту сферу, придав ей качественно новое наполнение.

В целом большинство представителей французской школы исследований политической коммуникации, опираясь на работы в области социальной антропологии, склонны придерживаться первой точки зрения, что цифровые технологии «не произвели тотальной революции», а лишь наложились на существующие общественные практики. Более того, многие из этих исследователей разделяют опасения экспертов-киберскептиков (например, Е. Морозова), утверждающих, что чрезмерное увлечение цифровыми технологиями может иметь деструктивные последствия не только для политической коммуникации, но и для общественных отношений в целом [Morozov, 2014: 13–14].

Представители французской школы, как, например, А. Эррьес, развивают точку зрения, что политике в любом случае необходим определенный язык, риторика и распространение «цифры» ничего в этом отношении принципиально не изменило: «В последние 15 лет цифровые технологии привели к изменению медиаканалов и инструментов коммуникации, используемых политиками для обеспечения своей общественной легитимности и придания значимости своим идеям. <...> Тем не менее они не идут дальше того, чтобы предложить новые одежды вместо старых...» [Eyries, 2021: 7]. А. Эррьес также цитирует другого французского эксперта — Д. Вольтона, отмечавшего, что «новые технологии устаревают быстро <...>, но не вопросы, связанные с демократией...» [Eyries, 2021: 16]. Именно отношение к проблеме демократии становится тем критерием, по которому оценивается роль цифровых коммуникаций в политике [Eyries, 2021: 10].

Цифровые технологии внесли в политическую коммуникацию реактивность, интерактивность, моментальность критики и возможность оставлять комментарии по горячим следам. Именно с этими обстоятельствами эксперты и исследователи склонны увязывать возможности «цифры» по обновлению обычной политической практики и привнесению в нее свежести, поскольку депутаты, кандидаты, политкомментаторы и обычные граждане всё больше насыщают свои аккаунты в социальных сетях контентом политического свойства [Eyries, 2021: 10].

В новых условиях политический дискурс не располагает больше необходимым запасом времени, чтобы подготовить общественное мнение, выработать убедительную стратегию и использовать свою власть «обольщения». Он должен опираться на самый актуальный

меседж, играть на эффекте сюрприза, владеть всеми цифровыми и ментальными кодами, чтобы спровоцировать правильный buzz-эффект и успешно повлиять на ход общественных дебатов.

Таким образом, французские эксперты, говоря о влиянии «цифры» на сферу политической коммуникации, склонны акцентировать прежде всего технические и внешние его проявления: преобладание формы над содержанием, эмоциональность, опережающую критическое восприятие, провокационность [Euries, 2021: 7].

В этих оценках представителей французской школы коммуникативистики чувствуется влияние идей философа Ю. Хабермаса [Habermas, 1986] и профессора Стэнфордского университета Ш. Айенгара [Iyengar, 2011].

Речь идет о том, что общественное пространство, ранее опиравшееся на центральную роль медиа и классической информации, а также на дискурс ограниченного числа субъектов процесса (политики, журналисты, консультанты), с вмешательством цифровых технологий получает возможность развивать новые форматы социализации в сети (блоги, социальные сети), что продуцирует появление новых акторов и приводит к трансформации политического дискурса.

Ш. Айенгар отмечал, что цифровые технологии оказали влияние прежде всего на способы осуществления коммуникации. Так, традиционная коммуникация характеризуется моделью *point-to-point*, которая предполагает один источник информации и одного или нескольких получателей. С приходом интернета один и тот же пользователь может коммуницировать с неограниченным числом аудиторий через разные текстовые, видео- и аудиоформаты [Iyengar, 2011].

В этих условиях многие исследователи задаются вопросом, насколько вообще целесообразно говорить об особой цифровой политической культуре. В поисках ответа представители французской школы обращаются к антропологии. «Цифра» затрагивает политику, память и передачу исторического контекста, отношение общества к другим субъектам, вопросы интеллектуальной собственности (проблемы регулирования нематериальной экономики), язык и сферу воображения и в особенности — формирование коллективной, а значит, и политической идентичности [Euries, 2021: 134]. «Гибридное пространство цифровой культуры представляет собой новый способ общественной организации со своими мифами, своей уникальностью и утопиями» [Doueïhi, 2013: 50].

Однако как таковая цифровая культура — часть культуры в целом, она представляет собой новый этап в развитии культурного разнообразия, которое окружает нас, но при этом не является культурой, которая заменит все остальные ее разновидности. Она дополняет существующие культурные, социальные и в особенности — политические практики, наслаиваясь на них. Из чего следует, что опыт использования социальных сетей в политических кампаниях не представляет собой коперниканскую революцию.

Отдельное внимание французские исследователи уделяют изучению вызовов и угроз, сопряженных со всё более широким внедрением «цифры» в практику политической коммуникации. В этом контексте большим авторитетом пользуются взгляды профессора Ж.-П. Лафранса, который подчеркивает опасности опьянения «цифрой», связанные прежде всего с риском потери контакта с реальностью [Lafrance, 2013].

Материальным воплощением цифровой культуры становится экран электронного устройства. Экраны захватывают общественное пространство — в кафе, на вокзалах, в аэропортах, в организациях и на предприятиях. Тотальное присутствие экранов в жизни ведет, по мнению Е. Морозова, к сокращению общественных контактов, к своеобразному сбросу когнитивной нагрузки [Morozov, 2014: 11]. Представители французской школы считают, что само понятие культуры связано исторически и этимологически с понятием интеллектуального усилия для достижения знаний и умений, способностью противостоять философии «сразу и немедленно» — «философии клика», которую порождают цифровые технологии.

Эти общеполитические и теоретические принципы французской школы исследований политической коммуникации оказывают влияние и на политическую практику Пятой республики, воплощаясь, в частности, в электоральных кампаниях.

Особенности становления цифровой политической культуры во Франции

Следует отметить, что французские исследователи и эксперты [Gerstle, 1992; Eyries, 2021; Theviot, 2019] связывают начало использования интернет-технологий в политической практике Франции с освоением соответствующего опыта Соединенных Штатов. Речь идет, как правило, о ссылках на президентские выборы в США в 1996 г., когда все кандидаты уже имели свои интернет-сайты. Од-

нако по-настоящему переломным в этом отношении стал 2004 г., что связывается с известным феноменом губернатора Вермонта Г. Дина, который претендовал на то, чтобы стать кандидатом от Демократической партии на президентских выборах. Благодаря своей наступательной коммуникации в интернете он, «пришедший ниоткуда» (имеется в виду отсутствие сугубо политического опыта), смог, пусть и не став кандидатом на выборы от партии, получить, тем не менее, пост ее президента. Инструментарий его цифровой стратегии был разноплановым: от привлечения на полный рабочий график интернет-консультантов до использования интерактивного портала Meetup.com, где он публиковал календарь своей кампании. С помощью этой платформы Г. Дин смог собрать как сторонников во всех штатах США, так и денежные взносы в размере 7 млн долл.

Не меньшее внимание французские исследователи уделяют изучению опыта использования цифровых технологий командой Б. Обамы в его кампании 2008 г. Одной из главных задач штаба было увеличить явку на выборах. Было решено обратиться к новым, традиционно аполитичным группам населения, используя соцсети. Акцент был сделан не на распространении информации, а на вовлечении пользователей. В итоге явка составила рекордные 64%. Использование цифровых технологий позволило штабу Б. Обамы привлечь более 2 млн активных волонтеров и создать около 35 тыс. групп сторонников на местах. В соцсетях было опубликовано около 400 тыс. постов в поддержку кандидата. Кроме того, Б. Обаме с помощью интернета удалось собрать на свою рекламную кампанию более 500 млн долл. [Theviot, 2019: 83].

Во Франции первопроходцами в деле внедрения цифровых технологий, прежде всего основанных на использовании больших данных, были три французских специалиста: Г. Лежей (Guillaume Liegey), А. Мюллер (Arthur Muller) и В. Понс (Vincent Pons). В качестве экспертов-политконсультантов они активно участвовали в наэлектризованной президентской кампании 2008 г. в США. Именно в ходе этой кампании старый метод электоральной агитации — «от двери к двери» — приобрел при их участии новое наполнение: он стал результатом точечного анализа электората с использованием больших данных.

Вернувшись во Францию, молодые эксперты попробовали применить свой опыт на региональных выборах в 2010 г. Партийные бонзы первоначально неохотно воспринимали новый язык (коучинг,

ретропланирование и т.д.) и методы, в том числе предполагавшие посещение тех кварталов, где проживало самое большое число воздержавшихся от голосования или противников продвигаемого кандидата. Однако эта практика имела успех, и в 2012 г. Г. Лежей, А. Мюллер и В. Понс создали консалтинговое коммуникационное агентство LMP (LiegeyMullerPons), которое стало активно сотрудничать с Социалистической партией, организовав электоральную кампанию под символическим названием «50+» (имеется в виду порог победы — 50% плюс один голос). Они смогли протестировать свои технологии в составе специальной цифровой команды штаба Ф. Олланда на президентских выборах 2012 г.

В рамках президентской кампании Ф. Олланда использовался обновленный принцип «от двери к двери», что позволило получить дополнительно от 1 до 2% голосов в финальном туре выборов. При очень близких результатах голосования за Ф. Олланда и Н. Саркози это обстоятельство сыграло свою роль, склонив чашу весов в пользу первого. Французские политики быстро оценили стратегическую роль больших данных в электоральных кампаниях и начали инвестировать в этот инструментарий дополнительные средства.

В свою очередь Г. Лежей, А. Мюллер и В. Понс на волне этих успехов предложили ввести новый термин — «эксперты электоральных больших данных» [Theviot, 2019: 135]. Тем самым деятельность агентства LMP способствовала появлению новой для рынка консалтинга во Франции профессии. Речь шла о разработке научной модели проведения электоральной кампании, с тем чтобы точно знать, куда направить усилия, где сосредоточен колеблющийся электорат. Это была форма консалтинга по «меркам кандидата», выстроенная с учетом его ситуации и условий, как костюм, который создается в доме высокой моды по размеру заказчика.

Коммуникативные практики на основе использования технологий больших данных прочно утвердились в современной политической культуре Франции. Так, накануне президентских выборов 2017 г. в стране действовал уже целый ряд консалтинговых компаний: DigitalBox, FederaVox, Spallian, LMP, Civiteo и др., которые опирались на штат сотрудников, включавший не только специалистов по большим данным, но и математиков, инженеров, экономистов.

Интеграция в электоральный и политический процесс экспертизы больших данных оказала влияние и на партийное строительство, обусловила появление новых политических движений и лидеров.

В частности, эксперты отмечают демократизацию политических процессов: «...все эти инновации, эти технологии помогают снизить барьер входа в политику, ранее он никогда таким не был. Это позволяет стать президентом республики тем, кто раньше на это не мог бы претендовать, и создать новую партию» [Theviot, 2019: 136].

Безусловно, сведение фактора больших данных к образу своего рода рельсов для поезда, на котором кандидаты «въезжают» в большую политику, является явным упрощением. Важно не терять из виду иные обстоятельства, развивающиеся параллельно и одновременно с распространением новых технологий: это и процессы эрозии традиционных партий и формирования популистских движений, вступающих с ними в конкуренцию, и кризис правящих элит, и трансформация общественного мнения, более требовательно оценивающего кандидата на соответствие принятым ценностям. При этом наблюдается общее сокращение ресурса доверия общества к власти в результате усложнения управления репутационными рисками, проблемными зонами в политике, в том числе и в силу влияния социальных сетей на распространение и интерпретацию информации.

В этой связи на повестку дня встает вопрос не только о том, как большие данные и цифровые коммуникации в целом способствуют взлету новых субъектов политического процесса, но и о том, как долго эти субъекты смогут продержаться на политическом Олимпе, как скоро прибегнут к ребрендингу пока еще не устоявшегося имиджа и ремейкингу не закрепившегося в политической памяти названия.

К этому следует добавить, что при всей значимости технологий больших данных для выстраивания коммуникации с электоратом их использование не является простым и линейным процессом и не гарантирует автоматического успеха.

Показательна в этом отношении предвыборная кампания мэра Бордо А. Жюппе, в которой самым активным образом использовалась цифровая платформа NationBuilder и которая, тем не менее, завершилась его поражением. Ж. Бойер, директор кампании А. Жюппе, признавался по этому поводу: «...в этой кампании мы управляли рациональным аспектом <...>, но потерялись в иррациональном. А зачастую, как каждый из нас знает, именно иррациональное и выводит ситуацию из-под контроля...»³.

³ Clément R. Primaire de la droite: Les 5 erreurs de la campagne de Juppé selon Gilles Boyer // Challenges.fr. 22.02.2017. Available at: <https://www.challenges.fr/election->

Политконсультанты впоследствии признавали, что в ходе кампании не была учтена консолидированность католического электората вокруг темы однополых браков, что сделало конкурента А. Жюппе Ф. Фийона, выступившего против них, кандидатом этой части аудитории. Не сыграло на пользу А. Жюппе и слишком раннее объявление его кандидатуры в качестве участника президентских выборов летом 2014 г. с учетом того, что партийные праймериз были намечены только на ноябрь 2016 г. [Theviot, 2019].

В целом данный пример возвращает нас к вопросу о соотношении цифровых технологий и политической культуры. Можно заключить, что механизмы интерпретации больших данных не являются процессом исключительно рациональным. Сама технология «от двери к двери» в инновационном формате, помимо интерпретации больших данных, а также понимания того, какие административные единицы надо охватить, как использовать методику математического моделирования, статистику и др., включает аспект психологический: как говорить с теми, в чьи двери стучишься, — и здесь на первый план выходят интуиция и эмоциональная составляющая. Играть роль и факторы партийной культуры, нюансы общения между ее сторонниками.

Так, в отличие от Б. Обамы, Ф. Олланд не смог мобилизовать дополнительных сторонников левых сил: в его кампании приняли активное участие, по сути, только те люди, которые и так были близки к Социалистической партии. По мнению специалистов, эта трудность в мобилизации левого электората симптоматична для традиционных партий, где работа по привлечению новых сторонников ведется на уровне партийных секций. Агентство LMP в тот период не располагало видением организационной специфики партии социалистов и не владело знанием внутрипартийных поведенческих кодов, а массовый набор добровольцев мог вообще внести сумятицу во внутрипартийные отношения. Кроме того, члены Социалистической партии сами не горели желанием осваивать новые электоральные технологии. По мнению одного из членов штаба Ф. Олланда, «исторически партия создавалась и замысливалась как партия авангарда, поэтому речь шла о привлечении элит <...>, при вступлении требовалось досье кандидата, поддерживаемого тремя

presidentielle-2017/primaire-de-la-droite-les-5-erreurs-de-la-campagne-de-juppe-selon-gilles-boyer_455697 (accessed: 18.02.2023).

партийцами <...>. Это всё восходит к практикам традиционной политической партии» [Theviot, 2019: 130].

Таким образом, изучение теоретических и прикладных разработок представителей французской школы политической коммуникации еще раз подчеркивает важность учета специфики политической культуры страны, культуры организации (партии), психологии избирателей, многих иных социокультурных факторов, на которые в итоге накладываются цифровые технологии. Именно от этого в конечном счете зависит успешность применения того или иного политического инструментария, включая цифровую коммуникацию.

В этих условиях специалист по большим данным должен обладать таким широким набором профессиональных компетенций, что становится своего рода «человеком-оркестром», способным правильно оценивать и интерпретировать различия в организации и функционировании разных общественных систем, адаптировать к ним необходимые операционные действия, разрабатывать долгосрочные политические и коммуникативные стратегии.

Стратегии цифровой коммуникации в современных электоральных процессах во Франции

Опыт французской школы коммуникативистики нашел широкое применение в президентских выборах 2017 г., которые в свою очередь дали богатую пищу для размышлений экспертам в области цифровой политической коммуникации. В этом отношении особое внимание обращала на себя президентская кампания Э. Макрона, которая характеризовалась не только активностью, но и последовательностью, умением выстраивать цифровой нарратив.

Благодаря широкому онлайн-присутствию, активным аккаунтам в Facebook⁴, Twitter⁵, YouTube Э. Макрон смог решить многие задачи, в частности сфокусироваться на поколении Y, «разочарованном “долголетием” политиков, не отличающемся сакральным отношением к политике и институтам вообще, готовом возмущаться, но игнорирующем выборы» [Gerstle, Piar, 2020: 103]. На основе синергии традиционной политической и сетевой коммуникации был выстроен

⁴ Meta (ранее — Facebook) — организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁵ Организация, деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

имидж Э. Макрона как человека уверенного и последовательного. «Он, как и вы, приверженец цифровых технологий и в совершенстве владеет ими, не является выходцем из традиционной партийной системы и молод», — таков был месседж, адресованный через многие сетевые каналы избирателям [Gerstle, Piar, 2020: 103].

В штабе Э. Макрона в 15-м округе Парижа в 2017 г. располагалась команда его «интернетчиков» под руководством М. Махжуби, который ранее занимался цифровой коммуникацией в штабе Ф. Олланда в 2012 г. [Делов, Юркович, 2017: 53]. Команда состояла преимущественно из очень молодых людей, насыщавших информацией сайт кандидата и социальные сети, выпускавших ньюслеттер и видео. «Вместо того чтобы проводить встречи на рынках (традиционное место общения кандидата с электоратом во Франции), мы работаем в социальных сетях», — так объяснял суть своей политики М. Махжуби. Он также отмечал: «Сначала мы полагали, что надо сосредоточиться на разборе программ других кандидатов, но, поскольку информационное пространство наводнили фейковые новости, наша работа во многом сводилась к борьбе с ними, к разоблачению ложных слухов» [Делов, Юркович, 2017: 53].

Например, 14 марта социальные сети взбудоражились на тему расследования вопроса о якобы имевшей место поездке Э. Макрона в Лас-Вегас в январе 2016 г., в то время как на самом деле он находился тогда в Берси. П. Ле Тексье, член команды, ответственный за социальные сети, имея в своем распоряжении 5 тыс. добровольцев на Facebook и 3 тыс. в Twitter, обратился к своим соратникам по безопасной почте Telegram с просьбой не поддерживать процесс распространения фейка. Он также первым отследил появление антисемитской карикатуры с использованием образа Э. Макрона в Твиттере республиканцев. В результате сам их кандидат Ф. Фийон вынужден был извиниться, оценив карикатуру как «недопустимую» [Делов, Юркович, 2017: 53].

П. Ле Тексье подчеркивал: «Нам особенно важно было консолидировать наших сторонников. Интернет засорен сфабрированными образами Э. Макрона, где он представлен как “банкир Ротшильдов”, как кандидат от больших финансов и медиа...» [Делов, Юркович, 2017: 53]. Тем самым сетевые платформы выступали и как основная среда распространения медиафейков, и как ключевое средство противодействия им.

В организации сетевых коммуникаций штаб Э. Макрона воспользовался американской практикой создания специальных групп поддержки (*helpers* — в ряде случаев во Франции прибегают к использованию этого термина). Они находились на постоянной связи со штабом и между собой, по их каналам можно было оперативно собрать активистов на митинг в поддержку своего кандидата. Именно через социальные сети Facebook и Instagram⁶ Э. Макрон собирал сторонников, распространял видео со своим участием, срежиссированные на голливудский манер. А репосты служили инструментом контрпропаганды и борьбы против дезинформации. Отдельно велась работа по мониторингу в Сети даже слабых сигналов риска.

Эти принципы и подходы получили дальнейшее развитие в электоральной кампании 2022 г., когда драйвером коммуникации Э. Макрона в социальных сетях стало использование различных средств визуализации: фото, видео с субтитрами, где всё было выдержано в единой эстетической стилистике. Для этих целей широко использовался Instagram. Как отмечают эксперты, «всё это было продуктом тонко продуманной цифровой стратегии. Целью было создать впечатление о президенте, открытом для аудитории, но остающемся при этом профессионалом своего дела. Создание его имиджа было настоящей эквилибристикой»⁷.

В соответствии с разработанным слоганом «Вместе с вами» в аккаунтах Э. Макрона появлялось много *selfy* и *stories*. Самые креативные форматы коммуникации можно было найти в YouTube, где целевой аудиторией выступал молодежный электорат, а общение велось со вкусом вызова и «прикола».

Так, два YouTube-блогера, Д. Коскас и Р. Карлье, известные под псевдонимом *McFly et Carlito*, приняли вызов Э. Макрона: если они смогут сделать видео об антиковидных защитных жестах, которое соберет больше 10 млн просмотров, то их пригласят для съемок в Елисейский дворец. Пари было выиграно, и ютуберы сняли следующее видео уже в резиденции президента, которое собрало не меньше просмотров, чем предыдущее.

⁶ Социальные сети Facebook и Instagram признаны экстремистскими и запрещены в Российской Федерации.

⁷ Chateau K. La stratégie digitale de Emmanuel Macron // 1min30. 18.04.2022. Available at: <https://www.1min30.com/inbound-marketing/strategie-digitale-demmanuel-macron-1287542027> (accessed: 21.02.2023).

Конкурент Э. Макрона Ж.-Л. Меланшон и партия La France Insoumise использовали новейшие цифровые технологии еще более активно. Ж.-Л. Меланшон первым создал собственный фильтр дополненной реальности для Snapchat и Instagram. Этот фильтр получил название «Голосуйте», и его можно было найти на аккаунте кандидата. С его помощью Ж.-Л. Меланшон убеждал свою аудиторию: «10 апреля — президентские выборы. В этой стране президентской монархии, если Вы хотите, чтобы были изменения, надо голосовать. <...> Если Вы не голосуете, то другие принимают за Вас решения, которые касаются Вас. Голосуйте, голосуйте, голосуйте!»⁸ «Гаджетирование» социальных сетей привлекало молодежную аудиторию, которая к тому же находилась зачастую в моральной или политической оппозиции к существующей президентской власти.

Настоящим прорывом стало использование Ж.-Л. Меланшоном своей голограммы при проведении митинга в Лилле за три дня до первого тура выборов. Этот митинг одновременно транслировался в нескольких городах: По, Ницце, Безансоне, Гавре, Нарбонне. В организации мероприятия было задействовано около 1 тыс. человек. Всё было построено на оптической иллюзии: в Лилле Ж.-Л. Меланшона снимали 2D-камерами, изображение ретранслировали в другие залы на экран, установленный на полу сцены. У зрителей создавалось полное впечатление, что кандидат находится перед ними.

Еще раньше Ж.-Л. Меланшон провел в Нантере первый иммерсивный и ольфактивный митинг, где собралось 3 тыс. человек. Бюджет мероприятия составил 300 тыс. евро. Специальные панно размером 96 кв. м и высотой до потолка дополняли эффекты погружения, призванные перенести зрителей в атмосферу политического дискурса кандидата. Ольфактивный компонент мероприятия обеспечивали различные природные запахи, сопровождавшие выступление Ж.-Л. Меланшона, несмотря на обязательные маски, которые предлагались участникам митинга.

Конечно, едва ли можно четко оценить эффект подобного мероприятия в процентах голосов, отданных за соответствующего кандидата, тем более когда его отделяет от дня голосования несколько месяцев и драматургия электорального процесса может пережить

⁸ Vasseur V. Gadget de campagne: On a testé le mini-hologramme de Jean-Luc Mélenchon // Radio France. 04.04.2022. Available at: <https://www.radiofrance.fr/franceinter/pour-inciter-a-aller-voter-l-insoumis-jean-luc-melenchon-lance-son-hologramme-sur-les-reseaux-sociaux-3960963> (accessed: 21.02.2023).

за это время непредсказуемые кульминации. Но нельзя не признать его значение с точки зрения развития электоральной сценографии, основанной на использовании возможностей «цифры» и призванной содействовать формированию узнаваемого образа кандидата и продвижению его нарратива.

Можно заключить, что стратегии цифровой коммуникации основных участников последних президентских выборов во Франции являются яркой иллюстрацией применения на практике базовых положений французской школы коммуникативистики с ее стремлением к учету темперамента и индивидуальных особенностей конкретного политика при разработке рекомендаций по созданию и продвижению его персонального имиджа. Понятие идентичности — базовое для классики французского консалтинга — в условиях активного распространения цифровых технологий не утрачивает своего значения, а, напротив, обретает новый смысл и звучание. Вопреки возможному представлению, что использование интернета в электоральных кампаниях чревато обезличиванием кандидатов, президентская гонка 2022 г. во Франции доказывает обратное.

* * *

Активное внедрение в практику политической коммуникации цифровых технологий, уже породившее феномен цифровой политической культуры, не только оказывает растущее влияние на электоральные процессы в развитых странах, но и требует системного научного осмысления. Французские эксперты не склонны преувеличивать возможности цифровых технологий с точки зрения влияния на ход политических процессов в стране, тем более не считают, что использование соответствующего инструментария, в частности больших данных, автоматически гарантирует успех, например, на выборах. Они подчеркивают, что учет индивидуальных психологических особенностей политиков, нюансов межличностного общения, партийной культуры и традиций и других социокультурных, психологических и антропологических факторов нисколько не теряет своего значения и в цифровую эпоху. Этот тезис наглядно подтверждает проведенный анализ особенностей практического использования инструментов и методов цифровой политической культуры в рамках последних электоральных кампаний во Франции и их осмысления французскими экспертами. Действительно, несмотря на глобальность Всемирной паутины, механический перенос инструментария

работы в ней, включая большие данные и их интерпретацию в процессе конкретных кампаний, не гарантирует автоматически успеха. Специфика межличностного общения, партийного взаимодействия и традиций и другие факторы, относящиеся к этимологии культуры и социологии организации, сохраняют свою значимость. Наиболее успешные коммуникационные эффекты «цифры» в политике доказывают, что они возможны там, где накладываются на существующую культуру и трансформируются вместе с ней.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Делов В.В., Юркович Ф. Франция 2017: к новому электоральному конструкту? // Российская пиарология-4. Тренды и драйверы: Сборник научных трудов в честь профессора Л.В. Минаевой / Под ред. А.Д. Кривоносова. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского государственного экономического университета, 2017. С. 48–57.

2. Лебедева Т.Ю. Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура: модели, система ценностей, каналы СМК. М.: Издательство Московского университета, 1999.

3. Barthes R. Mythologies. Paris: Seuil, 1957.

4. Boiry Ph.A. Les relations publiques ou la stratégie de la confiance. Paris: Eyrolles, 1989.

5. Crozier M., Friedberg E. L'acteur et le système: Les contraintes de l'action collective. Paris: Seuil, 1977.

6. Debrey R. L'état séducteur: Les révolutions médiologiques du pouvoir. Paris: Gallimard, 1993.

7. Doueihy M. Qu'est-ce que le numérique? Paris: Presses Universitaires de France, 2013.

8. Eyries A. La communication politique 3.0? La politique a l'épreuve du numérique. Dijon: Éditions Universitaires de Dijon, 2021.

9. Gerstle J. La communication politique. Paris: Presses Universitaires de France, 1992.

10. Gerstle J., Piar C. La communication politique. Paris: Armand Colin, 2020.

11. Habermas J. L'espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise. Paris: Payot, 1986.

12. Iyengar Sh. Media politics: A citizen's guide. New York: W.W. Norton & Co., 2011.

13. Lafrance J.-P. La civilisation du Clic. La vie moderne sous l'emprise des nouveaux médias. Paris: L'Harmattan, 2013.

14. Maarek Ph. Communication politique et marketing de l'homme politique. Paris: LexisNexis, 2007.

15. Maarek Ph. Communication politique et publique. Communication et marketing de l'homme politique. Paris: Litec, 1992.
16. Matra L. Relations publiques et management. Texte de la Conférence à l'Institut de Sociologie de l'Université de Bruxelles. Bruxelles, 1971.
17. Mercier A. Pour la communication politique // Hermès, La Revue. 2004. Vol. 38. No. 1. P. 70–76. DOI: 10.4267/2042/9426.
18. Morozov E. Pour tout résoudre, cliquez ici: L'abberation du solutionnisme technologique. Limoges: Fyp, 2014.
19. Salleron L. L'automatisme. Paris: Presses Universitaires de France, 1956.
20. Seguela J., Saussez T. La prise de l'Elysée: Les campagnes présidentielles de la Ve République. Paris: Plon, 2007.
21. Theviot A. Big Data électoral. Dis-moi qui tu es, je te dirai pour qui voter. Lormont: Le Bord de l'Eau, 2019.
22. Tixier-Guichard R., Chaize D. Les dircoms. A quoi sert la communication? Paris: Seuil, 1993.
23. Wolton D. Penser la communication. Paris: Flammarion, 1997.

REFERENCES

1. Delov V.V., Yurkovich F. 2017. Frantsiya 2017: k novomu elektoral'nomu konstrukt? [France 2017: Towards a new electoral construct?]. In: Krivonosov A.D. (ed.). *Rossiiskaya piarologiya-4. Trendy i draivery: Sbornik nauchnykh trudov v chest' professora L.V. Minaevoi* [Russian PR-4. Trends and drivers: Collection of scientific papers in honor of Professor L.V. Minaeva]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta Publ., pp. 48–57. (In Russ.)
2. Lebedeva T.Yu. 1999. *Pablik rileishnz. Korporativnaya i politicheskaya rezhissura: modeli, sistema tsennostei, kanaly SMK* [Public relations. Corporate and political directing: Models, value system, media channels]. Moscow, Moscow University Press. (In Russ.)
3. Barthes R. 1957. *Mythologies*. Paris, Seuil.
4. Boiry Ph.A. 1989. *Les relations publiques ou la stratégie de la confiance*. Paris, Eyrolles.
5. Crozier M., Friedberg E. 1977. *L'acteur et le système: Les contraintes de l'action collective*. Paris, Seuil.
6. Debrey R. 1993. *L'état séducteur: Les révolutions médiologiques du pouvoir*. Paris, Gallimard.
7. Doueïhi M. 2013. *Qu'est-ce que le numérique?* Paris, Presses Universitaires de France.
8. Eyries A. 2021. *La communication politique 3.0? La politique à l'épreuve du numérique*. Dijon, Éditions Universitaires de Dijon.

9. Gerstle J. 1992. *La communication politique*. Paris, Presses Universitaires de France.
10. Gerstle J., Piar C. 2020. *La communication politique*. Paris, Armand Colin.
11. Habermas J. 1986. *L'espace public: Archéologie de la publicité comme dimension constitutive de la société bourgeoise*. Paris, Payot.
12. Iyengar Sh. 2011. *Media politics: A citizen's guide*. New York, W.W. Norton & Co.
13. Lafrance J.-P. 2013. *La civilisation du Clic. La vie moderne sous l'emprise des nouveaux médias*. Paris, L'Harmattan.
14. Maarek Ph. 2007. *Communication politique et marketing de l'homme politique*. Paris, LexisNexis.
15. Maarek Ph. 1992. *Communication politique et publique. Communication et marketing de l'homme politique*. Paris, Litec.
16. Matra L. 1971. *Relations publiques et management. Texte de la Conférence à l'Institut de Sociologie de l'Université de Bruxelles*. Bruxelles.
17. Mercier A. 2004. Pour la communication politique. *Hermès, La Revue*, vol. 38, no. 1, pp. 70–76. DOI: 10.4267/2042/9426.
18. Morozov E. 2014. *Pour tout résoudre, cliquez ici: L'abberation du solutionnisme technologique*. Limoges, Fyp.
19. Salleron L. 1956. *L'automation*. Paris, Presses Universitaires de France.
20. Seguela J., Saussez T. 2007. *La prise de l'Élysée: Les campagnes présidentielles de la Ve République*. Paris, Plon.
21. Theviot A. 2019. *Big Data électoral. Dis-moi qui tu es, je te dirai pour qui voter*. Lormont, Le Bord de l'Eau.
22. Tixier-Guichard R., Chaize D. 1993. *Les dircoms. A quoi sert la communication?* Paris, Seuil.
23. Wolton D. 1997. *Penser la communication*. Paris, Flammarion.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023; одобрена после рецензирования 21.03.2023; принята к публикации 15.05.2023

The paper was submitted 10.02.2023; approved after reviewing 21.03.2023; accepted for publication 15.05.2023